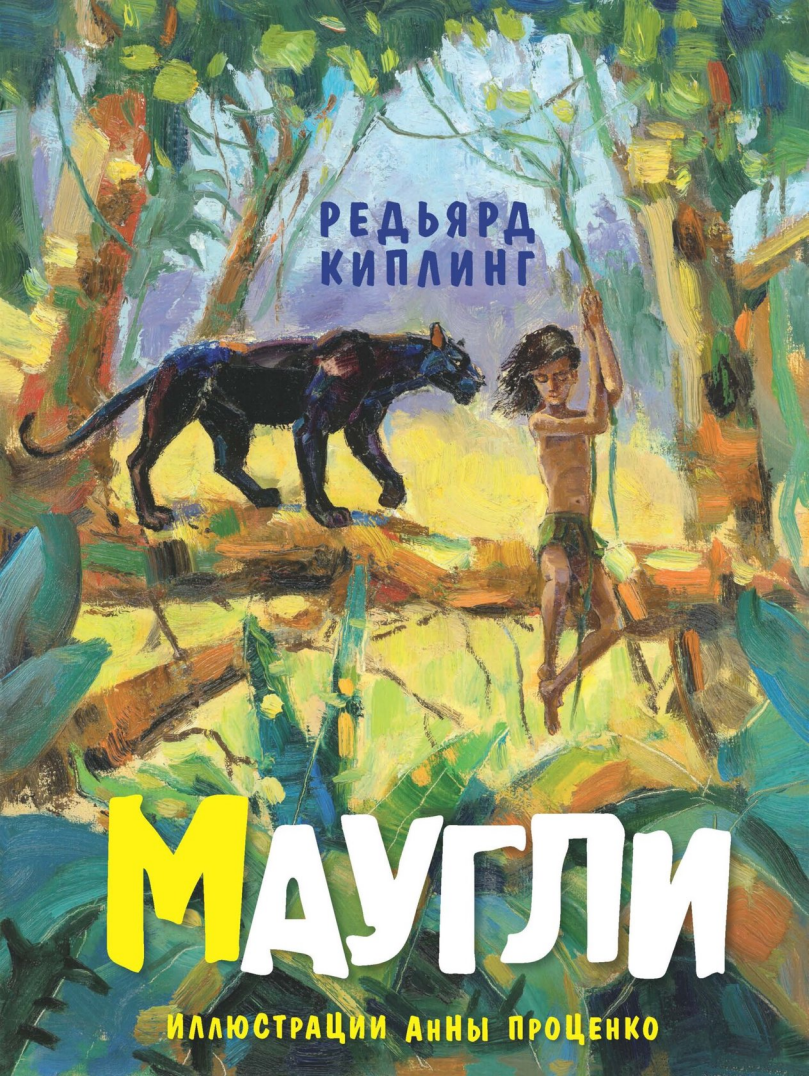

РЕДЬЯРД
КИПЛИНГ
МАУГЛИ
ИЛЛЮСТРАЦИИ АННЫ ПРОЦЕНКО

Маугли

Редьярд Джозеф Киплинг

Аннотация
Редьярд Киплинг. Маугли
Братья Маугли
Охота Каа
Как страх пришёл в джунгли
«Тигр, тигр!»
Нашествие джунглей
Княжеский Анкас
Дикие собаки
Весенний бег

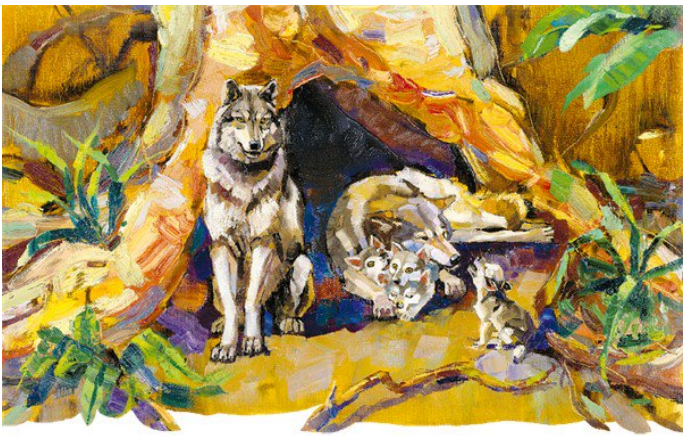
Аннотация

«Мы с вами одной крови…» Воспитанный волками человеческий детёныш накрепко выучил эти заветные слова и всегда соблюдал Закон Джунглей. И обитатели индийских лесов приняли Маугли как равного… Не просто приняли, но полюбили, помогали, защищали и даже мстили его обидчикам. Маугли в свою очередь оберегал друзей: вытаскивал занозы из лап и колючки из шерсти, спас джунгли от нашествия диких собак, а волчью стаю – от власти возомнившего себя повелителем тигра Шер-Хана… Но в конце концов Маугли вернулся к людям, ведь у каждого существа в этом мире есть своё племя и даже выросший среди волков ребёнок всё-таки в первую очередь человек.

Редьярд Киплинг
Маугли

© Перевод. Н.Л. Дарузес, наследники, 2022
© А. В. Проценко, иллюстрации, 2022
© АО «Издательский Дом Мещерякова», 2022

Братья Маугли



Было семь часов знойного вечера в Сионийских горах, когда Отец Волк проснулся после дневного отдыха, почесался, зевнул и расправил онемевшие лапы одну за другой, прогоняя сон. Мать Волчица дремала, положив свою крупную серую морду на четверых волчат, а те ворочались и повизгивали, и луна светила в устье пещеры, где жила вся семья.

— Уф! — сказал Отец Волк. — Пора опять на

охоту.

Он уже собирался спуститься скачками с горы, как вдруг низенькая тень с косматым хвостом легла на порог и прохныкала:

— Желаю тебе удачи, о Глава Волков! Удачи и крепких, белых зубов твоим благородным детям. Пусть они никогда не забывают, что на свете есть голодные!

Это был шакал, Лизоблюд Табаки, — а волки Индии презирают Табаки за то, что он рыщет повсюду, сеет раздоры, разносит сплетни и не брезгает тряпками и обрывками кожи, роясь в деревенских мусорных кучах. И всё-таки они боятся Табаки, потому что он чаще других зверей в джунглях болеет бешенством и тогда мечется по лесу и кусает всех, кто только попадётся ему навстречу. Даже тигр бежит и прячется, когда бесится маленький Табаки, ибо ничего хуже бешенства не может приключиться с диким зверем. У нас оно зовётся водобоязнью, а звери называют его «дивани» — бешенство — и спасаются от него бегством.

— Что ж, войди и посмотри сам, — сухо сказал Отец Волк. — Только еды здесь нет.

— Для волка нет, — сказал Табаки, — но для такого ничтожества, как я, и голая кость — целый

пир. Нам, шакалам, не к лицу привередничать.

Он прокрался в глубину пещеры, нашёл оленью кость с остатками мяса и, очень довольный, уселся, с треском разгрызая эту кость.

— Благодарю за угощенье, — сказал он, облизываясь. — Как красивы благородные дети! Какие у них большие глаза! А ведь они ещё так малы! Правда, правда, мне бы следовало помнить, что царские дети с самых первых дней уже взрослые.

А ведь Табаки знал не хуже всякого другого, что нет ничего опаснее, чем хвалить детей в глаза, и с удовольствием наблюдал, как смутились Мать и Отец Волки.

Табаки сидел молча, радуясь тому, что накликал на других беду, потом сказал злобно:

— Шер-Хан, Большой Тигр, переменил место охоты. Он будет весь этот месяц охотиться здесь, в горах. Так он сам сказал.

Шер-Хан был тигр, который жил в двадцати милях от пещеры, у реки Вайнганги.

— Не имеет права! — сердито начал Отец Волк. — По Закону Джунглей он не может менять место охоты, никого не предупредив. Он распугает всю дичь на десять миль кругом, а мне… мне теперь надо охотиться за двоих.

— Мать недаром прозвала его Лангри (Хромой), — спокойно сказала Мать Волчица. — Он с самого рождения хромает на одну ногу. Вот почему он охотится только за домашней скотиной. Жители селений по берегам Вайнганги злы на него, а теперь он явился сюда, и у нас начнётся то же: люди будут рыскать за ним по лесу, поймать его не сумеют, а нам и нашим детям придётся бежать куда глаза глядят, когда подожгут траву. Право, нам есть за что благодарить Шер-Хана!

— Не передать ли ему вашу благодарность? — спросил Табаки.

— Вон отсюда! — огрызнулся Отец Волк. — Вон! Ступай охотиться со своим господином! Довольно ты намутил сегодня.

— Я уйду, — спокойно ответил Табаки. — Вы и сами скоро услышите голос Шер-Хана внизу, в зарослях. Напрасно я трудился передавать вам эту новость.

Отец Волк насторожил уши: внизу, в долине, сбегавшей к маленькой речке, послышался сухой, злобный, отрывистый, заунывный рёв тигра, который ничего не поймал и нисколько не стыдится того, что всем джунглям это известно.

— Дурак! — сказал Отец Волк. — Начинать таким шумом ночную работу! Неужели он думает,

что наши олени похожи на жирных буйволов с Вайнганги?

— Ш-ш! Он охотится нынче не за буйволом и не за оленем, — сказала Мать Волчица. — Он охотится за человеком.

Рёв перешёл в глухое ворчание, которое раздавалось как будто со всех сторон разом. Это был тот рёв, который пугает лесорубов и цыган, ночующих под открытым небом, а иногда заставляет их бежать прямо в лапы тигра.

— За человеком! — сказал Отец Волк, оскалив белые зубы. — Разве мало жуков и лягушек в прудах, что ему понадобилось есть человечину, да ещё на нашей земле?

Закон Джунглей, веления которого всегда на чём-нибудь основаны, позволяет зверям охотиться на человека только тогда, когда они учат своих детёнышей убивать. Но и тогда зверю нельзя убивать человека в тех местах, где охотится его стая или племя. Вслед за убийством человека появляются рано или поздно белые люди на слонах, с ружьями и сотни смуглых людей с гонгами, ракетами и факелами. И тогда приходится худо всем жителям джунглей. А звери говорят, что человек — самое слабое и беззащитное из всех живых существ и трогать его недостойно охотника. Они

говорят также — и это правда, — что людоеды со временем паршивеют и у них выпадают зубы.

Ворчание стало слышнее и закончилось громовым «А-а-а!» тигра, готового к прыжку.

Потом раздался вой, непохожий на тигриный, — вой Шер-Хана.

— Он промахнулся, — сказала Мать Волчица. — Почему?

Отец Волк отбежал на несколько шагов от пещеры и услышал раздражённое рычание Шер-Хана, ворочавшегося в кустах.

— Этот дурак обжёг себе лапы. Хватило же ума прыгать в костёр дровосека! — фыркнув, сказал Отец Волк. — И Табаки с ним.

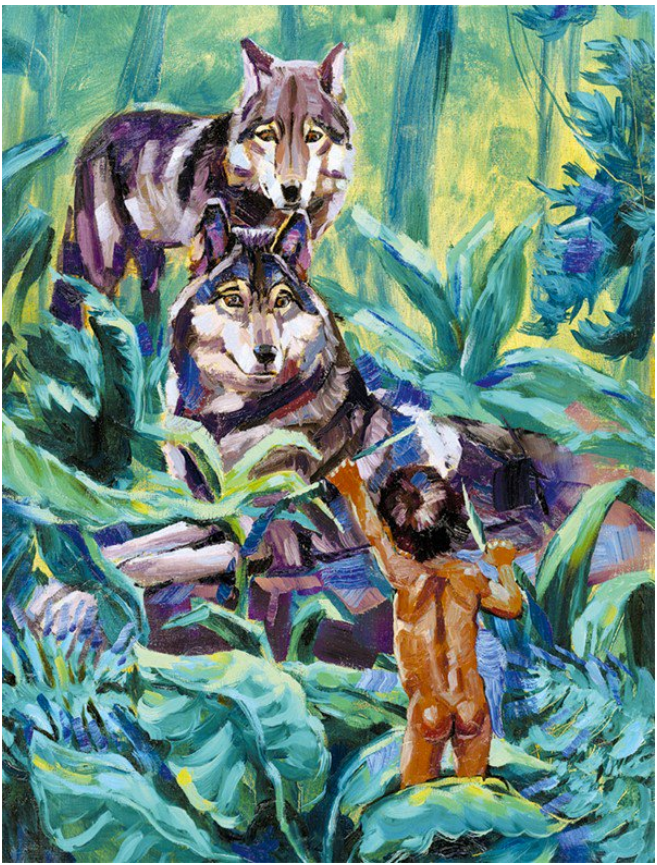
— Кто-то взбирается на гору, — сказала Мать Волчица, шевельнув одним ухом. — Приготовься.

Кусты в чаще слегка зашуршали, и Отец Волк присел на задние лапы, готовясь к прыжку. И тут если бы вы наблюдали за ним, то увидели бы самое удивительное на свете — как волк остановился на середине прыжка. Он бросился вперёд, ещё не видя, на что бросается, а потом круто остановился. Вышло так, что он подпрыгнул кверху на четыре или пять футов и сел на том же месте, где оторвался от земли.

— Человек! — огрызнулся он. — Человечий детёныш! Смотри!

Прямо перед ним, держась за низко растущую ветку, стоял голенький смуглый ребёнок, едва научившийся ходить, — мягкий, весь в ямочках, крохотный живой комочек. Такой крохотный ребёнок ещё ни разу не заглядывал в волчье логово ночной порой. Он посмотрел в глаза Отцу Волку и засмеялся.

— Это и есть человечий детёныш? — спросила Мать Волчица. — Я их никогда не видала. Принеси его сюда.



Волк, привыкший носить своих волчат, может, если нужно, взять в зубы яйцо, не раздавив его, и хотя зубы Отца Волка стиснули спинку ребёнка, на коже не осталось даже царапины, после того как он положил его между волчатами.

— Какой маленький! Совсем голый, а какой смелый! — ласково сказала Мать Волчица. (Ребёнок проталкивался среди волчат поближе к тёплому боку.) — Ой! Он сосёт вместе с другими! Так вот он какой, человечий детёныш! Ну когда же волчица могла похвастаться, что среди её волчат есть человечий детёныш!

— Я слыхал, что это бывало и раньше, но только не в нашей Стае и не в моё время, — сказал Отец Волк. — Он совсем безволосый, и я мог бы убить его одним шлепком. Погляди, он смотрит и не боится.

Лунный свет померк в устье пещеры: большая квадратная голова и плечи Шер-Хана загородили вход. Табаки визжал позади него:

— Господин, господин, он вошёл сюда!

— Шер-Хан делает нам большую честь, — сказал Отец Волк, но глаза его злобно сверкнули. — Что нужно Шер-Хану?

— Мою добычу! Человеческий детёныш вошёл сюда, — сказал Шер-Хан. — Его родители убежа-

ли. Отдайте его мне.

Шер-Хан прыгнул в костёр дровосека, как и говорил Отец Волк, обжёг себе лапы и теперь бесился. Однако Отец Волк отлично знал, что вход в пещеру слишком узок для тигра. Даже там, где Шер-Хан стоял сейчас, он не мог пошевельнуть ни плечом, ни лапой. Ему было тесно, как человеку, который вздумал бы драться в бочке.

— Волки — свободный народ, — сказал Отец Волк. — Они слушаются только Вожака Стаи, а не всякого полосатого людоеда. Человечий детёныш наш. Захотим, так убьём его и сами.

— «Захотим, захотим!» Какое мне дело? Клянусь буйволом, которого я убил, долго мне ещё стоять, уткнувшись носом в ваше собачье логово, и ждать того, что мне полагается по праву? Это говорю я, Шер-Хан!

Рёв тигра наполнил пещеру громовыми раскатами. Мать Волчица, стряхнув с себя волчат, прыгнула вперёд, и её глаза, похожие во мраке на две зелёные луны, встретились с горящими глазами Шер-Хана.

— А отвечаю я, Ракша (Демон): человечий детёныш мой, Лангри, и останется у меня! Его никто не убьёт. Он будет жить и охотиться вместе со Стаей и бегать вместе со Стаей! Берегись, охотник

за голыми детёнышами, рыбоед, убийца лягушек, — придёт время, он поохотится за тобой! А теперь убирайся вон или, клянусь оленем, которого я убила (я не ем падали), ты отправишься на тот свет хромым на все четыре лапы, палёное чудище джунглей! Вон отсюда!

Отец Волк смотрел на неё в изумлении. Он успел забыть то время, когда отвоёвывал Мать Волчицу в открытом бою с пятью волками, то время, когда она бегала вместе со Стаей и недаром носила прозвище Демон. Шер-Хан не побоялся бы Отца Волка, но с Матерью Волчицей он не решался схватиться: он знал, что перевес на её стороне и что она будет драться не на жизнь, а на смерть. Ворча, он попятился назад и, почувствовав себя на свободе, заревел:

— На своём дворе всякая собака лает! Посмотрим, что скажет Стая насчёт приёмыша людского племени! Детёныш мой, и рано или поздно я его съем, о вы, длиннохвостые воры!

Мать Волчица, тяжело дыша, бросилась на землю около своих волчат, и Отец Волк сказал ей сурово:

— На этот раз Шер-Хан говорит правду: детёныша надо показать Стае. Ты всё-таки хочешь оставить его себе, Мать?

— Оставить себе? — тяжело водя боками, сказала Волчица. — Он пришёл к нам совсем голый, ночью, один, и всё же он не боялся! Смотри, он уже оттолкнул одного из моих волчат! Этот хромой мясник убил бы его и убежал на Вайнгангу, а люди в отместку разорили бы наше логово. Оставить его? Да, я его оставлю. Лежи смирно, лягушонок! О Маугли — ибо Лягушонком Маугли я назову тебя, — придёт время, когда ты станешь охотиться за Шер-Ханом, как он охотился за тобой.

— Но что скажет наша Стая? — спросил Отец Волк.

Закон Джунглей говорит очень ясно, что каждый волк, обзаводясь семьёй, может покинуть свою Стаю. Но как только его волчата подрастут и станут на ноги, он должен привести их на Совет Стаи, который собирается обычно раз в месяц, во время полнолуния, и показать всем другим волкам. После этого волчата могут бегать где им вздумается, и пока они не убили своего первого оленя, нет оправдания тому из взрослых волков, который убьёт волчонка. Наказание за это — смерть, если только поймают убийцу. Подумай с минуту, и ты сам поймёшь, что так и должно быть.

Отец Волк подождал, пока его волчата подрос-

ли и начали понемногу бегать, и в одну из тех ночей, когда собиралась Стая, повёл волчат, Маугли и Мать Волчицу на Скалу Совета. Это была вершина холма, усеянная большими валунами, за которыми могла укрыться целая сотня волков. Акела, большой серый волк-одиночка, выбранный вожаком всей Стаи за силу и ловкость, лежал на скале, растянувшись во весь рост. Под скалой сидело сорок с лишним волков всех возрастов и мастей — от седых, как барсуки, ветеранов, расправлявшихся в одиночку с буйволом, до молодых чёрных трёхлеток, которые воображали, что им это тоже под силу. Волк-одиночка уже около года был их вожаком. В юности он два раза попадал в волчий капкан, однажды люди его избили и бросили, решив, что он издох, так что нравы и обычаи людей были ему знакомы. На Скале Совета почти никто не разговаривал. Волчата кувыркались посередине площадки, кругом сидели их отцы и матери. Время от времени один из взрослых волков поднимался, неторопливо подходил к какому-нибудь волчонку, пристально смотрел на него и возвращался на своё место, бесшумно ступая. Иногда мать выталкивала своего волчонка в полосу лунного света, боясь, что его не заметят. Акела взывал со своей скалы:

— Закон вам известен, Закон вам известен! Смотрите же, о волки!

И заботливые матери подхватывали:

— Смотрите же, смотрите хорошенько, о волки!

Наконец — и Мать Волчица вся ощетинилась, когда подошла их очередь, — Отец Волк вытолкнул на середину круга Лягушонка Маугли. Усевшись на землю, Маугли засмеялся и стал играть камешками, блестевшими в лунном свете.

Акела ни разу не поднял головы, лежавшей на передних лапах, только время от времени всё так же повторял:

— Смотрите, о волки!

Глухой рёв донёсся из-за скалы — голос Шер-Хана:

— Детёныш мой! Отдайте его мне! Зачем Свободному Народу человечий детёныш?

Но Акела даже ухом не повёл. Он сказал только:

— Смотрите, о волки! Зачем Свободному Народу слушать чужих? Смотрите хорошенько!

Волки глухо зарычали хором, и один молодой четырёхлеток в ответ Акеле повторил вопрос Шер-Хана:

— Зачем Свободному Народу человечий детё-

ныш?

А Закон Джунглей говорит, что, если поднимется спор о том, можно ли принять детёныша в Стаю, в его пользу должны высказаться по крайней мере два волка из Стаи, но не отец и не мать.

— Кто за этого детёныша? — спросил Акела. — Кто из Свободного Народа хочет говорить?

Ответа не было, и Мать Волчица приготовилась к бою, который, как она знала, будет для неё последним, если дело дойдёт до драки.

Тут поднялся на задние лапы и заворчал единственный зверь другой породы, которого допускают на Совет Стаи, — Балу, ленивый бурый медведь, который обучает волчат Закону Джунглей, старик Балу, который может бродить где ему вздумается, потому что он ест одни только орехи, мёд и коренья.

— Человечий детёныш? Ну что же, — сказал он, — я за детёныша. Он никому не принесёт вреда. Я не мастер говорить, но говорю правду. Пусть он бегает со Стаей. Давайте примем детёныша вместе с другими. Я сам буду учить его.

— Нам нужен ещё кто-нибудь, — сказал Акела. — Балу сказал своё слово, а ведь он учитель наших волчат. Кто ещё будет говорить, кроме Балу?

Чёрная тень легла посреди круга. Это была Багира, чёрная пантера, чёрная вся сплошь, как чернила, но с отметинами, которые, как у всех пантер, видны на свету, точно лёгкий узор на муаре. Все в джунглях знали Багиру, и никто не захотел бы становиться ей поперёк дороги, ибо она была хитра, как Табаки, отважна, как дикий буйвол, и бесстрашна, как раненый слон. Зато голос у неё был сладок, как дикий мёд, капающий с дерева, а шкура мягче пуха.

— О Акела, и ты, Свободный Народ, — промурлыкала она, — в вашем собрании у меня нет никаких прав, но Закон Джунглей говорит, что, если начинается спор из-за нового детёныша, жизнь этого детёныша можно выкупить. И в Законе не говорится, кому можно, а кому нельзя платить этот выкуп. Правда ли это?

— Так! Так! — закричали молодые волки, которые всегда голодны. — Слушайте Багиру! За детёныша можно взять выкуп. Таков Закон.

— Я знаю, что не имею права говорить здесь, и прошу у вас позволения.

— Так говори же! — закричало двадцать голосов разом.

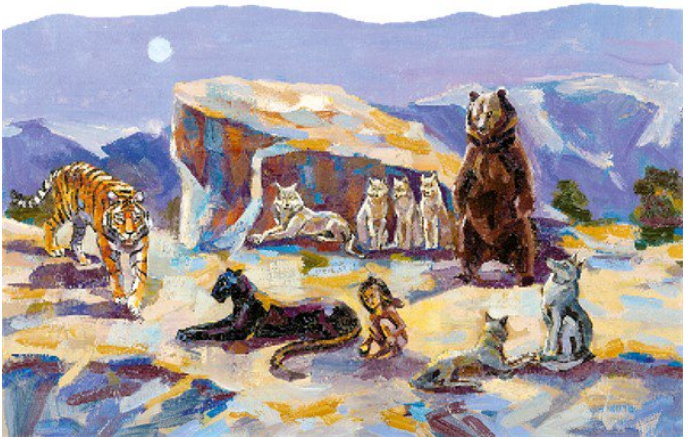
— Стыдно убивать безволосого детёныша. Кроме того, он станет отличной забавой для вас,

когда подрастёт. Балу замолвил за него слово. А я к слову Балу прибавлю буйвола, жирного, только что убитого буйвола, всего в полумиле отсюда, если вы примете человечьего детёныша в Стаю, как полагается по Закону. Разве это так трудно?

Тут поднялся шум, и десятки голосов закричали разом:

— Что за беда? Он умрёт во время зимних дождей. Его сожжёт солнце. Что может нам сделать голый Лягушонок? Пусть бегает со Стаей. А где буйвол, Багира? Давайте примем детёныша!

Маугли по-прежнему играл камешками и не видел, как волки один за другим подходили и осматривали его. Наконец все они ушли с холма за убитым буйволом, и остались только Акела, Багира, Балу и семья Лягушонка Маугли. Шер-Хан всё ещё ревел в темноте — он очень рассердился, что Маугли не отдали ему.



— Да, да, реви громче! — сказала Багира себе в усы. — Придёт время, когда этот голышонок заставит тебя реветь на другой лад, или я ничего не смыслю в людях.

— Хорошо мы сделали! — сказал Акела. — Люди и их детёныши очень умны. Когда-нибудь он станет нам помощником.

— Да, помощником в трудное время, ибо никто

не может быть вожаком Стаи вечно, — сказала Багира.

Акела ничего не ответил. Он думал о той поре, которая настаёт для каждого вожака Стаи, когда сила уходит от него мало-помалу. Волки убивают его, когда он совсем ослабеет, а на его место становится новый вожак, чтобы со временем тоже быть убитым.

— Возьми детёныша, — сказал он Отцу Волку, — и воспитай его, как подобает воспитывать сыновей Свободного Народа.

Так Лягушонок Маугли был принят в Сионийскую стаю — за буйвола и доброе слово Балу.

Теперь вам придётся пропустить целых десять или одиннадцать лет и разве только догадываться о том, какую удивительную жизнь вёл Маугли среди волков, потому что, если о ней написать подробно, вышло бы много-много книг. Он рос вместе с волчатами, хотя они, конечно, стали взрослыми волками гораздо раньше, чем он вышел из младенческих лет, и Отец Волк учил его своему ремеслу и объяснял всё, что происходит в джунглях. И потому каждый шорох в траве, каждое дуновение тёплого ночного ветерка, каждый крик совы над головой, каждое движение летучей мыши, на лету зацепившейся коготками за

ветку дерева, каждый всплеск маленькой рыбки в пруду очень много значили для Маугли. Когда он ничему не учился, он дремал, сидя на солнце, ел и опять засыпал. Когда ему бывало жарко и хотелось освежиться, он плавал в лесных озёрах; а когда ему хотелось мёду (от Балу он узнал, что мёд и орехи так же вкусны, как и сырое мясо), он лез за ним на дерево — Багира показала ему, как это делается. Багира растягивалась на суку и звала:

— Иди сюда, Маленький Брат!

Сначала Маугли цеплялся за сучья, как зверёк ленивец, а потом научился прыгать с ветки на ветку почти так же смело, как серая обезьяна. На Скале Совета, когда собиралась Стая, у него тоже было своё место. Там он заметил, что ни один волк не может выдержать его пристальный взгляд и опускает глаза перед ним, и тогда, забавы ради, он стал пристально смотреть на волков. Случалось, он вытаскивал своим друзьям занозы из лап — волки очень страдают от колючек и репьёв, которые впиваются в их шкуру. По ночам он спускался с холмов на возделанные поля и с любопытством следил за людьми в хижинах, но не чувствовал к ним доверия. Багира показала ему квадратный ящик со спускной дверцей, так

искусно спрятанный в чаще, что Маугли сам едва не попал в него, и сказала, что это ловушка. Больше всего он любил уходить с Багирой в тёмную, жаркую глубину леса, засыпать там на весь день, а ночью глядеть, как охотится Багира. Она убивала направо и налево, когда бывала голодна. Так же поступал и Маугли. Но когда мальчик подрос и стал всё понимать, Багира сказала ему, чтобы он не смел трогать домашнюю скотину, потому что за него заплатили выкуп Стае, убив буйвола.

— Все джунгли твои, — говорила Багира. — Ты можешь охотиться за любой дичью, какая тебе по силам, но ради того буйвола, который выкупил тебя, ты не должен трогать никакую скотину, ни молодую, ни старую. Таков Закон Джунглей.

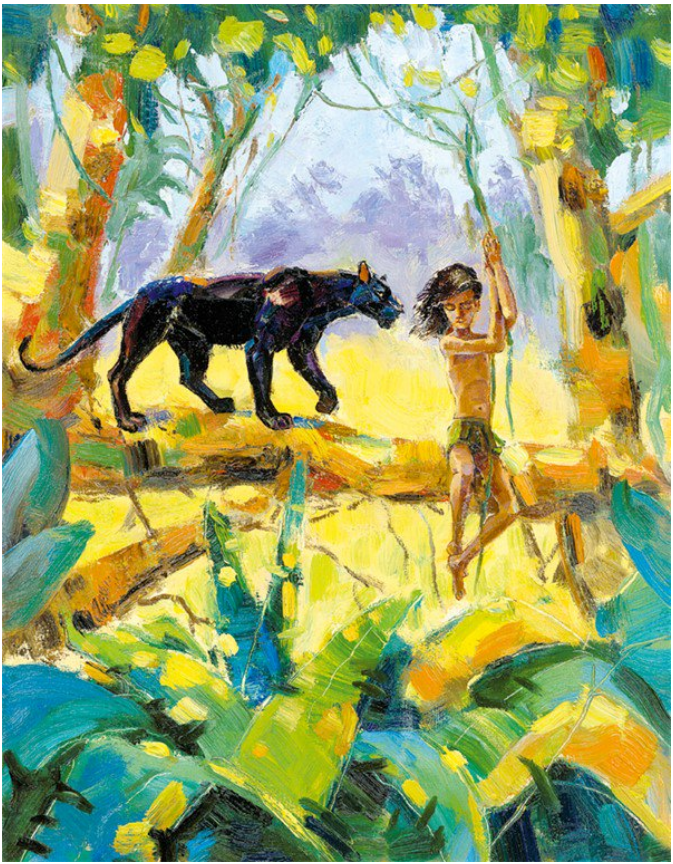
И Маугли повиновался беспрекословно.

Он рос и рос — сильным, каким и должен расти мальчик, который мимоходом учится всему, что нужно знать, даже не думая, что учится, и заботится только о том, чтобы добыть себе еду.

Мать Волчица сказала ему однажды, что Шер-Хану нельзя доверять и что когда-нибудь ему придётся убить Шер-Хана. Волчонок ни на минуту не забыл бы про этот совет, а Маугли забыл, потому что был всего-навсего мальчик, хоть и назвал бы себя волком, если б умел говорить на

человеческом языке.

В джунглях Шер-Хан постоянно становился ему поперёк дороги, потому что Акела всё дряхлел и слабел, а хромой тигр за это время успел свести дружбу с молодыми волками Сионийской Стаи. Они ходили за ним по пятам, дожидаясь объедков, чего Акела не допустил бы, если бы по-старому пользовался властью. А Шер-Хан льстил волчатам: он удивлялся, как это такие смелые молодые охотники позволяют командовать собой изды-хающему волку и человеческому детёнышу. «Я слыхал, — говаривал Шер-Хан, — будто на Совете вы не смеете посмотреть ему в глаза». И молодые волки злобно рычали и ощетинивались.



Багире, которая всё видела и всё слышала, было известно кое-что на этот счёт, и несколько раз она прямо говорила Маугли, что Шер-Хан убьёт его когда-нибудь. Но Маугли только смеялся и отвечал:

— У меня есть Стая, и у меня есть ты. Да и Балу, как он ни ленив, может ради меня хватить кого-нибудь лапой. Чего же мне бояться?

Был очень жаркий день, когда новая мысль пришла в голову Багире, — должно быть, она услышала что-нибудь. Может быть, ей говорил об этом дикобраз Сахи, но как-то раз, когда они забрались вместе с Маугли глубоко в чащу леса и мальчик улёгся, положив голову на красивую чёрную спину пантеры, она сказала ему:

— Маленький Брат, сколько раз я говорила тебе, что Шер-Хан твой враг?

— Столько раз, сколько орехов на этой пальме, — ответил Маугли, который, само собой разумеется, не умел считать. — Ну, и что из этого? Мне хочется спать, Багира, а Шер-Хан — это всего-навсего длинный хвост да громкий голос, вроде павлина Мора.

— Сейчас не время спать!.. Балу это знает, знаю я, знает вся Стая, знает даже глупый-глупый олень. И Табаки тебе это говорил тоже.

— Хо-хо! — сказал Маугли. — Табаки приходил ко мне недавно с какими-то дерзостями, говорил, что я безволосый щенок, не умею даже выкапывать земляные орехи, но я его поймал за хвост и стукнул разика два о пальму, чтобы он вёл себя повежливее.

— Ты сделал глупость: Табаки хоть и смутьян, но знает много такого, что прямо тебя касается. Открой глаза, Маленький Брат. Шер-Хан не смеет убить тебя в джунглях, но не забывай, что Акела очень стар. Скоро настанет день, когда он не сможет убить буйвола, и тогда уже не будет вожаком. Те волки, что видели тебя на Скале Совета, тоже состарились, а молодым хромой тигр внушил, что человечьему детёнышу не место в Волчьей Стае. Пройдёт немного времени, и ты станешь человеком.

— А что такое человек? Разве ему нельзя бегать со своими братьями? — спросил Маугли. — Я родился в джунглях, я слушался Закона Джунглей, и нет ни одного волка в Стае, у которого я не вытащил бы занозы. Все они — мои братья!

Багира вытянулась во весь рост и закрыла глаза.

— Маленький Братец, — сказала она, — пощупай у меня под челюстью.

Маугли протянул свою сильную смуглую руку и на шелковистой шее Багиры, там, где под блестящей шерстью перекатываются громадные мускулы, нащупал маленькую лысинку.

— Никто в джунглях не знает, что я, Багира, ношу эту отметину — след ошейника. Однако я родилась среди людей, Маленький Брат, среди людей умерла моя мать — в зверинце королевского дворца в Удайпуре. Потому я и заплатила за тебя выкуп на Совете, когда ты был ещё маленьким голым детёнышем. Да, я тоже родилась среди людей. Смолоду я не видела джунглей. Меня кормили за решёткой, из железной миски, но вот однажды ночью я почувствовала, что я — Багира, пантера, а не игрушка человека. Одним ударом лапы я сломала этот глупый замо`к и убежала. И оттого, что мне известны людские повадки, в джунглях меня боятся больше, чем Шер-Хана. Разве это не правда?

— Да, — сказал Маугли, — все джунгли боятся Багиры, все, кроме Маугли.

— О, ты — человечий детёныш, — сказала чёрная пантера очень нежно. — И как я вернулась в свои джунгли, так и ты должен в конце концов вернуться к людям, к своим братьям, если только тебя не убьют на Совете.

— Но зачем кому-то убивать меня? — спросил Маугли.

— Взгляни на меня, — сказала Багира. И Маугли пристально посмотрел ей в глаза.

Большая пантера не выдержала и отвернулась.

— Вот зачем, — сказала она, и листья зашуршали под её лапой. — Даже я не могу смотреть тебе в глаза, а ведь я родилась среди людей и люблю тебя, Маленький Брат. Другие тебя ненавидят за то, что не могут выдержать твой взгляд, за то, что ты умён, за то, что ты вытаскиваешь им занозы из лап, за то, что ты человек.

— Я ничего этого не знал, — угрюмо промолвил Маугли и нахмурил густые чёрные брови.

— Что говорит Закон Джунглей? Сначала ударь, а потом подавай голос. По одной твоей беспечности они узнают в тебе человека. Будь же благоразумен. Сердце говорит мне, что, если Акела промахнётся на следующей охоте — а ему с каждым разом становится всё труднее и труднее убивать, — волки перестанут слушать его и тебя. Они соберут на Скале Совета Народ Джунглей, и тогда… тогда… Я знаю, что делать! — крикнула Багира, вскакивая. — Ступай скорее вниз, в долину, в хижины людей, и достань у них Красный Цветок. У тебя будет тогда союзник сильнее меня,

и Балу, и тех волков Стаи, которые любят тебя. Достань Красный Цветок!

Красным Цветком Багира называла огонь, потому что ни один зверь в джунглях не назовёт огонь его настоящим именем. Все звери смертельно боятся огня и придумывают сотни имён, лишь бы не называть его прямо.

— Красный Цветок? — сказал Маугли. — Он растёт перед хижинами в сумерки. Я его достану.

— Вот это говорит человечий детёныш! — с гордостью сказала Багира. — Не забудь, что этот цветок растёт в маленьких горшках. Добудь же его поскорее и держи при себе, пока он не понадобится.

— Хорошо! — сказал Маугли. — Я иду. Но уверена ли ты, о моя Багира, — он обвил рукой её великолепную шею и заглянул глубоко в большие глаза, — уверена ли ты, что всё это проделки Шер-Хана?

— Да, клянусь сломанным замком, который освободил меня, Маленький Брат!

— Тогда клянусь буйволом, выкупившим меня, я оплачу за это Шер-Хану сполна, а может быть, и с лихвой, — сказал Маугли и умчался прочь.

«Вот человек! В этом виден человек, — сказала самой себе Багира, укладываясь снова. — О Шер-

Хан, не в добрый час вздумалось тебе поохотиться за Лягушонком десять лет назад!»

А Маугли был уже далеко-далеко в лесу. Он бежал со всех ног, и сердце в нём горело. Добежав до пещеры, когда уже ложился вечерний туман, он остановился перевести дыхание и посмотрел вниз, в долину. Волчат не было дома, но Мать Волчица по дыханию своего Лягушонка поняла, что он чем-то взволнован.

— Что случилось, сынок? — спросила она.

— Шер-Хан разносит сплетни, как летучая мышь, — отозвался он. — Я охочусь нынче на вспаханных полях.

И он бросился вниз, через кусты, к реке на дне долины, но сразу остановился, услышав вой охотящейся Стаи. Он услышал и стон загнанного оленя и фырканье, когда олень повернулся для защиты. Потом раздалось злобное, ожесточённое тявканье молодых волков:

— Акела! Акела! Пускай волк-одиночка покажет свою силу! Дорогу Вожаку Стаи! Прыгай, Акела!

Должно быть, волк-одиночка прыгнул и промахнулся, потому что Маугли услышал щёлканье его зубов и короткий визг, когда олень сшиб Акелу с ног передним копытом.

Маугли не стал больше дожидаться, а бросился

бегом вперёд. Скоро начались засеянные поля, где жили люди, и вой позади него слышался всё слабей и слабей, глуше и глуше.

— Багира говорила правду, — прошептал он, задыхаясь, и свернулся клубком на куче травы под окном хижины. — Завтра решительный день и для меня и для Акелы.

Потом, прижавшись лицом к окну, он стал смотреть на огонь в очаге. Он видел, как жена пахаря вставала ночью и подкладывала в огонь какие-то чёрные куски, а когда настало утро и над землёй пополз холодный белый туман, он увидел, как ребёнок взял оплетённый горшок, выложенный изнутри глиной, наполнил его углями и, накрыв одеялом, пошёл кормить скотину в хлеву.

— Только и всего? — сказал Маугли. — Если даже детёныш это умеет, то бояться нечего.

И он повернул за угол, навстречу мальчику, выхватил горшок у него из рук и скрылся в тумане, а мальчик заплакал от испуга.

— Люди очень похожи на меня, — сказал Маугли, раздувая угли, как это делала женщина. — Если его не кормить, оно умрёт. — И Маугли набросал веток и сухой коры на красные угли.

На половине дороги в гору он встретил Багиру. Утренняя роса блестела на её шкуре, как лунные

камни.

— Акела промахнулся, — сказала ему пантера. — Они убили бы его вчера ночью, но им нужен ещё и ты. Они искали тебя на холме.

— Я был на вспаханных полях. Я готов. Смотри. — Маугли поднял над головой горшок с углями.

— Хорошо! Вот что: я видела, как люди суют туда сухую ветку, и на её конце расцветает Красный Цветок. Ты не боишься?

— Нет! Чего мне бояться? Теперь я припоминаю, если только это не сон: когда я ещё не был волком, я часто лежал возле Красного Цветка, и мне было хорошо и тепло.

Весь этот день Маугли провёл в пещере; он стерёг горшок с огнём и совал в него сухие ветки, пробуя, что получится. Он нашёл такую ветку, которой остался доволен, и вечером, когда Табаки подошёл к пещере и очень грубо сказал, что Маугли требуют на Скалу Совета, он засмеялся и смеялся так долго, что Табаки убежал. Тогда Маугли отправился на Совет, всё ещё смеясь.

Акела, волк-одиночка, лежал возле своей скалы в знак того, что место Вожака Стаи свободно, а Шер-Хан со сворой своих прихвостней разгуливал взад и вперёд, явно польщённый. Багира

лежала рядом с Маугли, а Маугли держал между колен горшок с углями. Когда все собрались, Шер-Хан начал говорить, на что бы он никогда не отважился, будь Акела в расцвете сил.

— Он не имеет права! — шепнула Багира. — Так и скажи. Он собачий сын, он испугается.

Маугли вскочил на ноги.

— Свободный Народ! — крикнул он. — Разве Шер-Хан Вожак Стаи? Разве тигр может быть нашим вожаком?

— Ведь место вожака ещё не занято, а меня просили говорить… — начал Шер-Хан.

— Кто тебя просил? — сказал Маугли. — Неужели мы все шакалы, чтобы пресмыкаться перед этим мясником? Стая сама выберет вожака, это чужих не касается.

Раздались крики:

— Молчи, человечий детёныш!

— Нет, пускай говорит! Он соблюдал наш Закон!

И наконец старики прорычали:

— Пускай говорит Мёртвый Волк!

Когда Вожак Стаи упустит свою добычу, его называют Мёртвым Волком до самой смерти, которой не приходится долго ждать.

Акела нехотя поднял седую голову:

— Свободный Народ, и вы, шакалы Шер-Хана! Двенадцать лет я водил вас на охоту и с охоты, и за это время ни один из вас не попал в капкан и не был искалечен. А теперь я промахнулся. Вы знаете, как это было подстроено. Вы знаете, что мне подвели свежего оленя, для того чтобы моя слабость стала явной. Это было ловко сделано. Вы вправе убить меня здесь, на Скале Совета. И потому я спрашиваю: кто из вас подойдёт и прикончит волка-одиночку? По Закону Джунглей я имею право требовать, чтобы вы подходили по одному.

Наступило долгое молчание. Ни один волк не смел вступить в смертный бой с Акелой. Потом Шер-Хан прорычал:

— На что нам этот беззубый глупец? Он и так умрёт! А вот человечий детёныш зажился на свете. Свободный Народ, он с самого начала был моей добычей. Отдайте его мне. Мне противно видеть, что все вы словно помешались на нём. Он десять лет мутил Джунгли. Отдайте его мне, или я всегда буду охотиться здесь, а вам не оставлю даже голой кости. Он человек и дитя человека, и я всем сердцем ненавижу его!

Тогда больше половины Стаи завыло:

— Человек! Человек! На что нам человек? Пус-

кай уходит к своим!

— И поднимет против нас всех людей по деревням! — крикнул Шер-Хан. — Нет, отдайте его мне! Он человек, и никто из нас не смеет смотреть ему в глаза.

Акела снова поднял голову и сказал:

— Он ел вместе с нами. Он спал вместе с нами. Он загонял для нас дичь. Он ни разу не нарушил Закон Джунглей.

— Мало того: когда его принимали в Стаю, в уплату за него я отдала буйвола. Буйвол стоит немного, но честь Багиры, быть может, стоит того, чтобы за неё драться, — промурлыкала Багира самым мягким голосом.

— Буйвол, отданный десять лет назад! — огрызнулась Стая. — Какое нам дело до костей, которым уже десять лет?

— Или до того, чтобы держать своё слово? — сказала Багира, оскалив белые зубы. — Недаром вы зовётесь Свободным Народом!

— Ни один человечий детёныш не может жить с Народом Джунглей! — провыл Шер-Хан. — Отдайте его мне!

— Он наш брат по всему, кроме крови, — продолжал Акела, — а вы хотите убить его здесь! Поистине я зажился на свете! Одни из вас напа-

дают на домашний скот, а другие, наученные Шер-Ханом, как я слышал, бродят тёмной ночью по деревням и воруют детей с порогов хижин. Поэтому я знаю, что вы трусы, и к трусам обращаюсь теперь. Я скоро умру, и жизнь моя не имеет цены, не то я отдал бы её за жизнь человечьего детёныша. Но ради чести Стаи, о которой вы успели забыть без вожака, я обещаю вам, что не укушу вас ни разу, когда придёт моё время умереть, если только вы дадите человечьему детёнышу спокойно уйти к своим. Я умру без боя. Это спасёт для Стаи не меньше чем три жизни. Больше я ничего не могу сделать, но, если хотите, избавлю вас от позора — убить брата, за которым нет вины, брата, принятого в Стаю по Закону Джунглей.

— Он человек!.. человек!.. человек! — завыла Стая.

И больше половины Стаи перебежало к Шер-Хану, который начал постукивать о землю хвостом.

— Теперь всё в твоих руках, — сказала Багира Маугли. — Мы теперь можем только драться.

Маугли выпрямился во весь рост, с горшком в руках. Потом расправил плечи и зевнул прямо в лицо Совету, но в душе он был вне себя от злобы и горя, ибо волки, по своей волчьей повадке, никогда не говорили Маугли, что ненавидят его.

— Слушайте, вы! — крикнул он. — Весь этот собачий лай ни к чему. Вы столько раз говорили мне сегодня, что я человек (а с вами я на всю жизнь остался бы волком), что я и сам почувствовал правду ваших слов. Я стану звать вас не братьями, а собаками, как и следует человеку. Не вам говорить, чего вы хотите и чего не хотите, — это моё дело! А чтобы вам лучше было видно, я, человек, принёс сюда Красный Цветок, которого вы, собаки, боитесь.

Он швырнул на землю горшок, горящие угли подожгли сухой мох, и он вспыхнул ярким пламенем. Весь Совет отпрянул назад перед языком пламени. Маугли сунул в огонь сухой сук, так что мелкие ветки вспыхнули и затрещали, потом завертел им над головой, разгоняя ощетинившихся от страха волков.

— Ты господин, — сказала Багира шёпотом. — Спаси Акелу от смерти. Он всегда был тебе другом.

Акела, угрюмый старый волк, никогда в жизни не просивший пощады, теперь бросил умоляющий взгляд на Маугли, а тот стоял в свете горящей ветви, весь голый, с разметавшимися по плечам длинными чёрными волосами, и тени метались и прыгали вокруг него.

— Так! — сказал Маугли, медленно озираясь кругом. — Вижу, что вы собаки. Я ухожу от вас к своему народу — если это мой народ. Джунгли теперь закрыты для меня, я должен забыть ваш язык и вашу дружбу, но я буду милосерднее вас. Я был вашим братом во всём, кроме крови, и потому обещаю вам, что, когда стану человеком среди людей, я не предам вас людям, как вы предали меня. — Он толкнул костёр ногой, и вверх полетели искры. — Между нами, волками одной Стаи, не будет войны. Однако нужно заплатить долг, прежде чем уйти.

Маугли подошёл близко к тому месту, где сидел Шер-Хан, бессмысленно моргая на огонь, и схватил его за кисточку на подбородке. Багира пошла за ним на всякий случай.

— Встань, собака! — крикнул Маугли. — Встань, когда говорит человек, не то я подпалю тебе шкуру!

Шер-Хан прижал уши к голове и закрыл глаза, потому что пылающий сук был очень близко.

— Этот скотоубийца говорил, что убьёт меня на Совете, потому что не успел убить меня в детстве… Вот так и вот так мы бьём собаку, когда становимся людьми. Шевельни только усом, Хромой, и я забью тебе в глотку Красный Цветок.

Он бил Шер-Хана по голове пылающей веткой, тигр скулил и стонал в смертном страхе.

— Фу! Теперь ступай прочь, палёная кошка! Но помни: когда я в следующий раз приду на Скалу Совета, я приду со шкурой Шер-Хана на голове… Теперь вот что. Акела волен жить, как ему угодно. Вы его не убьёте, потому что я этого не хочу. Не думаю также, что вы долго ещё будете сидеть здесь, высунув язык, словно важные особы, а не собаки, которых я гоню прочь, вот так! Вон, вон!

Конец сука бешено пылал, Маугли раздавал удары направо и налево по кругу, а волки разбегались с воем, унося на своей шкуре горящие искры. Под конец на скале остались только Акела, Багира и, быть может, десяток волков, перешедших на сторону Маугли. И тут что-то начало жечь Маугли изнутри, как никогда в жизни не жгло. Дыхание у него перехватило, он зарыдал, и слёзы потекли по его щекам.

— Что это такое? Что это? — говорил он. — Я не хочу уходить из джунглей, и я не знаю, что со мной делается. Я умираю, Багира?

— Нет, Маленький Брат, это только слёзы, какие бывают у людей, — ответила Багира. — Теперь я знаю, что ты человек и уже не детёныш больше. Отныне джунгли закрыты для тебя… Пусть текут,

Маугли. Это только слёзы.

И Маугли сидел и плакал так, словно сердце его разрывалось, потому что он плакал первый раз в жизни.

— Теперь, — сказал он, — я уйду к людям. Но прежде я должен проститься с моей матерью.

И он пошёл к пещере, где Мать Волчица жила с Отцом Волком, и плакал, уткнувшись в её шкуру, а четверо волчат жалобно выли.

— Вы не забудете меня? — спросил Маугли.

— Никогда, пока можем идти по следу! — сказали волчата. — Приходи к подножию холма, когда станешь человеком, и мы будем говорить с тобой или придём в поля и станем играть с тобой по ночам.

— Приходи поскорей! — сказал Отец Волк. — О Мудрый Лягушонок, приходи поскорее, потому что мы с твоей матерью уже стары.

— Приходи скорей, мой голый сынок, — сказала Мать Волчица, — ибо знай, дитя человека, я люблю тебя больше, чем собственных волчат.

— Приду непременно, — сказал Маугли. — Приду для того, чтобы положить шкуру Шер-Хана на Скалу Совета. Не забывайте меня! Скажите всем в джунглях, чтобы не забывали меня!

Начинал брезжить рассвет, когда Маугли спу-

стился один с холма в долину, навстречу тем таинственным существам, которые зовутся людьми.

Охота Каа

Всё, о чём здесь рассказано, произошло задолго до того, как Маугли был изгнан из Сионийской Стаи и отомстил за себя тигру Шер-Хану. Это случилось в то время, когда медведь Балу обучал его Закону Джунглей. Большой и важный бурый медведь радовался способностям ученика, потому что волчата обычно выучивают из Закона Джунглей только то, что нужно их Стае и племени, и

бегают от учителя, затвердив охотничий стих: «Ноги ступают без шума, глаза видят в темноте, уши слышат, как шевелится ветер в своей берлоге, зубы остры и белы — вот приметы наших братьев, кроме шакала Табаки и гиены, которых мы ненавидим». Но Маугли, как детёнышу человека, нужно было знать гораздо больше.

Иногда чёрная пантера Багира, гуляя по джунглям, заходила посмотреть, какие успехи делает её любимец. Мурлыкая, укладывалась она на отдых под деревом и слушала, как Маугли отвечает медведю свой урок. Мальчик лазил по деревьям так же хорошо, как плавал, а плавал так же хорошо, как бегал, и Балу, учитель Закона, обучал его всем законам лесов и вод: как отличить гнилой сук от крепкого; как вежливо заговорить с дикими пчёлами, если повстречаешь рой на дереве; что сказать нетопырю Мангу, если потревожишь его сон в полдень среди ветвей; и как успокоить водяных змей, прежде чем окунуться в заводь. Народ джунглей не любит, чтобы его тревожили, и всякий готов броситься на незваного гостя. Маугли выучил и охотничий Клич Чужака, который нужно повторять много раз, пока на него не ответят, если охотишься в чужих местах. Этот клич в переводе значит: «Позвольте мне поохо-

титься здесь, потому что я голоден», и на него отвечают: «Охоться ради пропитания, но не ради забавы».[1]

Из этого видно, сколько Маугли приходилось заучивать наизусть, и он очень уставал повторять по сотне раз одно и то же. Но Балу правильно сказал однажды Багире, после того как Маугли, получив шлепок, рассердился и убежал:

— Детёныш человека есть детёныш человека, и ему надо знать все Законы Джунглей.

— Но подумай, какой он маленький, — возразила Багира, которая баловала бы Маугли, если бы дать ей волю. — Разве может такая маленькая головка вместить все твои речи?

— А разве в джунглях довольно быть маленьким, чтобы тебя не убили? Нет! Потому я и учу его всем законам, потому и бью его, совсем легонько, когда он забывает урок.

— «Легонько»! Что ты понимаешь в этом, Железная Лапа? — проворчала Багира. — Сегодня у него всё лицо в синяках от твоего «легонько»! Уф!

— Лучше ему быть в синяках с ног до головы, чем погибнуть из-за своего невежества, — очень серьёзно отвечал ей Балу. — Я теперь учу его

---

[1] Примечания: 1

Нетопырь — один из видов летучих мышей.

Заветным Словам Джунглей, которые будут ему защитой против птиц и змей и против всех, кто бегает на четырёх лапах, кроме его родной Стаи. Если он запомнит эти слова, он может просить защиты у всех в джунглях. Разве это не стоит колотушек?

— Хорошо, только смотри не убей детёныша. Он не лесной пень, чтобы ты точил о него свои тупые когти. А какие же это Заветные Слова? Я лучше помогу сама, чем стану просить помощи, но всё же мне хотелось бы знать. — И Багира, вытянув лапу, залюбовалась своими когтями, синими, как сталь, и острыми, как резцы.

— Я позову Маугли, и он скажет тебе… если захочет. Поди сюда, Маленький Брат!

— Голова у меня гудит, как пчелиное дупло, — послышался недовольный детский голос над их головами, и Маугли, соскользнув с дерева, прибавил сердито и негодующе: — Я пришёл ради Багиры, а не ради тебя, жирный старый Балу!

— А мне это всё равно, — ответил Балу, хотя был очень огорчён и обижен. — Так скажи Багире Заветные Слова Джунглей, которым я учил тебя сегодня.

— Заветные Слова какого народа? — спросил Маугли, очень довольный, что может похвастать-

ся. — В джунглях много наречий. Я знаю их все.

— Кое-что ты знаешь, но очень немного. Полюбуйся, о Багира, вот их благодарность учителю. Ни один самый захудалый волчонок ни разу не пришёл поблагодарить старика Балу за науку. Ну, так скажи Слово Охотничьего Народа, ты, великий учёный.

— «Мы с вами одной крови, вы и я», — сказал Маугли, произнося по-медвежьи те слова, которые обычно говорит весь Охотничий Народ.

— Хорошо! Теперь Слово Птиц.

Маугли повторил те же слова, свистнув, как коршун.

— Теперь Слово Змеиного Народа, — сказала Багира.

В ответ послышалось не передаваемое никакими словами шипение, и Маугли забрыкал ногами и захлопал в ладоши, потом вскочил на спину Багиры и сел боком, барабаня пятками по блестящей чёрной шкуре и строя медведю самые страшные рожи.

— Вот-вот! Это стоит каких-то синяков, — ласково сказал бурый медведь. — Когда-нибудь ты вспомнишь меня.

И, повернувшись к Багире, он рассказал ей, как просил дикого слона Хатхи, который всё на свете

знает, сказать ему Заветные Слова Змеиного Народа, как Хатхи водил Маугли к пруду узнавать Змеиные Слова от водяной змеи, потому что сам Балу не мог их выговорить, и теперь Маугли не грозит никакая опасность в джунглях: ни змея, ни птица, ни зверь не станут вредить ему.

— И, значит, ему некого бояться! — Балу вытянулся во весь рост, с гордостью похлопывая себя по толстому мохнатому животу.

— Кроме своего племени, — шепнула Багира, а потом громко сказала Маугли: — Пожалей мои рёбра, Маленький Брат! Что это за прыжки то вниз, то вверх?

Маугли, добиваясь, чтобы его выслушали, давно теребил Багиру за мягкую шерсть на плече и толкал её пятками. Оба прислушались и разобрали, что он кричит во весь голос:

— Теперь у меня будет своё собственное племя, и я буду целый день водить его по деревьям!

— Что это за новая глупость, маленький выдумщик? — спросила Багира.

— Да, и бросать ветками и грязью в старого Балу, — продолжал Маугли. — Они мне это обещали… Ай!

— Вуф! — Большая лапа Балу смахнула Маугли со спины пантеры, и, лёжа между передними

лапами медведя, Маугли понял, что тот сердится. — Маугли, — сказал Балу, — ты разговаривал с Бандар-Логами, Обезьяньим Народом?

Маугли взглянул на Багиру — не сердится ли и она тоже — и увидел, что глаза пантеры стали жёстки, как два изумруда.

— Ты водишься с Обезьяньим Народом — с серыми обезьянами, с народом, не знающим Закона, с народом, который ест всё без разбора? Как тебе не стыдно!

— Балу ударил меня по голове, — сказал Маугли (он всё ещё лежал на спине), — и я убежал, а серые обезьяны спустились с дерева и пожалели меня. А другим было всё равно. — Он слегка всхлипнул.

— Жалость Обезьяньего Народа! — фыркнул Балу. — Спокойствие горного потока! Прохлада летнего зноя! А что было потом, детёныш человека?

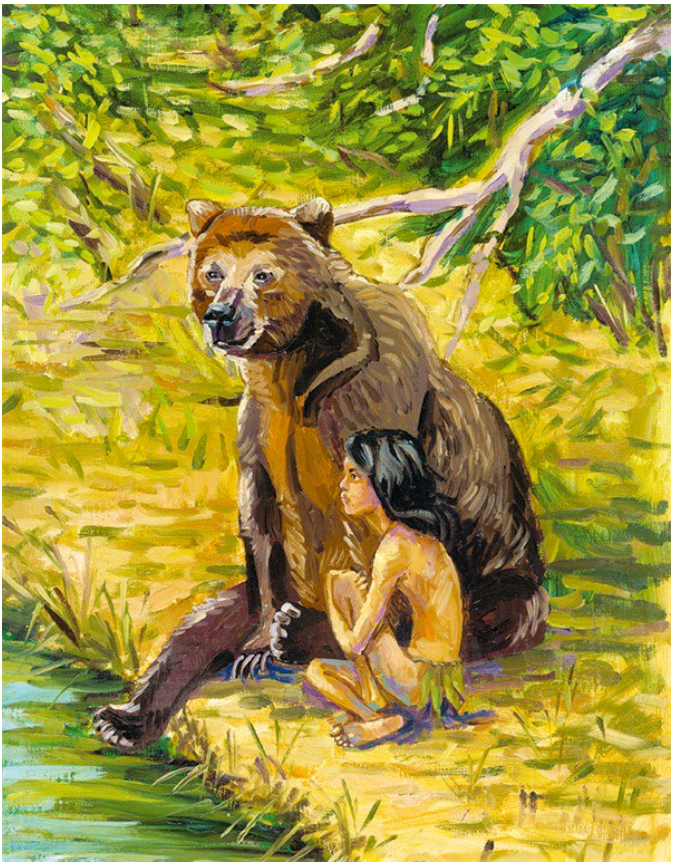
— А потом… потом они дали мне орехов и всякой вкусной еды, а потом взяли меня на руки и унесли на вершины деревьев и говорили, что я им кровный брат, только что бесхвостый, и когда-нибудь стану их вожаком.

— У них не бывает вожака, — сказала Багира. — Они лгут. И всегда лгали.

— Они были очень ласковы со мной и просили

приходить ещё. Почему вы меня никогда не водили к Обезьяньему Народу? Они ходят на двух ногах, как и я. Они не дерутся жёсткими лапами. Они играют целый день… Пусти меня, скверный Балу, пусти меня! Я опять пойду играть с ними.

— Слушай, детёныш! — сказал медведь, и голос его прогремел, как гром в жаркую ночь. — Я научил тебя Закону Джунглей — общему для всех народов джунглей, кроме Обезьяньего Народа, который живёт на деревьях. У них нет Закона. У них нет своего языка, одни только краденые слова, которые они перенимают у других, когда подслушивают, и подсматривают, и подстерегают, сидя на деревьях. Их обычаи — не наши обычаи. Они живут без вожака. Они ни о чём не помнят. Они болтают и хвастают, будто они великий народ и задумали великие дела в джунглях, но вот упадёт орех, и они уже смеются и всё позабыли. Никто в джунглях не водится с ними. Мы не пьём там, где пьют обезьяны, не ходим туда, куда ходят обезьяны, не охотимся там, где они охотятся, не умираем там, где они умирают. Разве ты слышал от меня хотя бы слово о Бандар-Логах?



— Нет, — ответил Маугли шёпотом, потому что лес притих, после того как Балу кончил свою речь.

— Народ Джунглей не хочет их знать и никогда про них не говорит. Их очень много, они злые, грязные, бесстыдные и хотят только того, чтобы Народ Джунглей обратил на них внимание. Но мы не замечаем их, даже когда они бросают орехи и сыплют грязь нам на голову.

Не успел он договорить, как целый дождь орехов и сучьев посыпался на них с деревьев; послышался кашель, визг и сердитые скачки высоко над ними, среди тонких ветвей.

— С Обезьяньим Народом запрещено водиться, — сказал Балу, — запрещено Законом. Не забывай этого!

— Да, запрещено, — сказала Багира. — Но я всё-таки думаю, что Балу должен был предупредить тебя.

— Я?.. Я? Как могло мне прийти в голову, что он станет водиться с такой дрянью? Обезьяний Народ! Тьфу!

Снова орехи дождём посыпались им на головы, и медведь с пантерой убежали, захватив с собой Маугли. Балу говорил про обезьян сущую правду. Они жили на вершинах деревьев, а так как зве-

ри редко смотрят вверх, то обезьянам и Народу Джунглей не приходилось встречаться. Но если обезьянам попадался в руки больной волк, или раненый тигр, или медведь, они мучили слабых и забавы ради бросали в зверей палками и орехами, надеясь, что их заметят. Они поднимали вой, выкрикивая бессмысленные песни, звали Народ Джунглей к себе на деревья драться, заводили из-за пустяков ссоры между собой и бросали мёртвых обезьян где попало, напоказ всему Народу Джунглей. Они постоянно собирались завести и своего вожака, и свои законы и обычаи, но так и не завели, потому что память у них была короткая, не дальше вчерашнего дня. В конце концов они помирились на том, что придумали поговорку: «Все джунгли будут думать завтра так, как обезьяны думают сегодня», и очень этим утешались. Никто из зверей не мог до них добраться, и никто не обращал на них внимания — вот почему они так обрадовались, когда Маугли стал играть с ними, а Балу на него рассердился.

Никакой другой цели у них не было — у обезьян никогда не бывает цели, — но одна из них придумала, как ей показалось, забавную штуку и объявила всем другим, что Маугли может быть полезен всему их племени, потому что умеет

сплетать ветви для защиты от ветра, и если его поймать, то он научит этому и обезьян. Разумеется, Маугли, как сын лесоруба, многое знал, сам не помня откуда, и умел строить шалаши из хвороста, сам не зная, как это у него получается. А Обезьяний Народ, подглядывая за ним с деревьев, решил, что это занятная игра. На этот раз, говорили обезьяны, у них и вправду будет вожак и они станут самым мудрым народом в джунглях, таким мудрым, что все их заметят и позавидуют им. И потому они тихонько крались за Балу и Багирой, пока не наступило время полуденного отдыха и Маугли, которому было очень стыдно, не улёгся спать между пантерой и медведем, решив, что больше не станет водиться с Обезьяньим Народом.

И тут сквозь сон он почувствовал чьи-то руки на своих плечах и ногах — жёсткие, сильные маленькие руки, — потом хлестанье веток по лицу, а потом он в изумлении увидел сквозь качающиеся вершины землю внизу и Балу, который глухо ревел, будя джунгли, а Багира прыжками поднималась вверх по стволу дерева, оскалив сплошные белые зубы. Обезьяны торжествующе взвыли и перескочили вверх на тонкие ветви, куда Багира побоялась лезть за ними.

— Она нас заметила! Багира нас заметила! Все джунгли восхищаются нашей ловкостью и нашим умом! — кричали обезьяны.

Потом они пустились бегом, а бег обезьян по верхушкам деревьев — это нечто такое, чего нельзя описать. У них есть там свои дороги и перекрёстки, свои подъёмы и спуски, пролегающие в пятидесяти, семидесяти, а то и в ста футах над землёй, и по этим дорогам они путешествуют даже ночью, если надо. Две самые сильные обезьяны подхватили Маугли под мышки и понеслись вместе с ним по вершинам деревьев скачками в двадцать футов длиной. Без него они могли бы двигаться вдвое скорее, но мальчик своей тяжестью задерживал их. Как ни кружилась у Маугли голова, он всё же наслаждался бешеной скачкой,

хотя мелькавшая далеко внизу земля пугала его и сердце замирало от каждого страшного рывка и толчка при перелёте над провалом с одного дерева на другое. Двое стражей взлетали вместе с ним на вершину дерева так высоко, что тонкие ветви трещали и гнулись под ними, а потом с кашлем и уханьем бросались в воздух, вперёд и вниз, и повисали на соседнем дереве, цепляясь за нижние сучья руками и ногами. Иногда Маугли видел перед собой целое море зелёных джунглей, как человек на мачте видит перед собой океанский простор, потом ветви и листья снова начинали хлестать его по лицу, и он со своими двумя стражами спускался почти к самой земле. Так, скачками и прыжками, с треском и уханьем, всё обезьянье племя мчалось по древесным дорогам вместе со своим пленником Маугли.

Первое время он боялся, что его уронят, потом обозлился, но понял, что бороться нельзя, потом начал думать. Прежде всего нужно было послать о себе весточку Багире и Балу. Обезьяны двигались с такой быстротой, что его друзья не могли их догнать и сильно отставали. Вниз нечего было смотреть — ему видна была только верхняя сторона сучьев, — поэтому он стал смотреть вверх и увидел высоко в синеве коршуна Чиля, кото-

рый парил над джунглями, описывая круги, в ожидании чьей-нибудь смерти. Чиль видел, что обезьяны что-то несут, и спустился ниже разведать, не годится ли их ноша для еды. Он свистнул от изумления, когда увидел, что обезьяны волокут по верхушкам деревьев Маугли, и услышал от него Заветное Слово Коршуна: «Мы с тобой одной крови, ты и я!» Волнующиеся вершины закрыли от него мальчика, но Чиль успел вовремя скользнуть к ближнему дереву, и перед ним опять вынырнуло маленькое смуглое лицо.

— Замечай мой путь! — крикнул Маугли. — Дай знать Балу из Сионийской Стаи и Багире со Скалы Совета!

— От кого, Брат? — Чиль ещё ни разу до сих пор не видел Маугли, хотя, разумеется, слышал о нём.

— От Лягушонка Маугли. Меня зовут Человечий Детёныш! Замечай мой пу-уть!

Последние слова он выкрикнул, бросаясь в воздух, но Чиль кивнул ему и поднялся так высоко, что казался не больше пылинки, и, паря в вышине, следил своими зоркими глазами за качавшимися верхушками деревьев, по которым вихрем неслась стража Маугли.

— Им не уйти далеко, — сказал он посмеива-

ясь. — Обезьяны никогда не доделывают того, что задумали. Всегда они хватаются за что-нибудь новое, эти Бандар-Логи. На этот раз, если я не слеп, они наживут себе беду: ведь Балу не птенчик, да и Багира, сколько мне известно, умеет убивать не одних коз.

И, паря в воздухе, он покачивался на крыльях, подобрав под себя ноги, и ждал.

А в это время Балу и Багира были вне себя от ярости и горя. Багира взобралась на дерево так высоко, как не забиралась никогда, но тонкие ветки ломались под её тяжестью, и она соскользнула вниз, набрав полные когти коры.

— Почему ты не предостерёг Маугли? — заворчала она на бедного Балу, который припустился неуклюжей рысью в надежде догнать обезьян. — Что пользы бить детёныша до полусмерти, если ты не предостерёг его?

— Скорей! О, скорей! Мы… мы ещё догоним их, быть может! — задыхался Балу.

— Таким шагом? От него не устала бы и раненая корова. Учитель Закона, истязатель малышей, если ты будешь так переваливаться с боку на бок, то лопнешь, не пройдя и мили. Сядь спокойно и подумай! Нужно что-то решить. Сейчас не время для погони. Они могут бросить Маугли, если мы

подойдём слишком близко.

— Арала! Вуу! Они, может, уже бросили мальчика, если им надоело его нести! Разве можно верить Бандар-Логам! Летучую мышь мне на голову! Кормите меня одними гнилыми костями! Спустите меня в дупло к диким пчёлам, чтобы меня закусали до смерти, и похороните меня вместе с гиеной! Я самый несчастный из зверей! Ара-лала! Ва-у-у! О Маугли, Маугли, зачем я не остерёг тебя против Обезьяньего Народа, зачем я бил тебя по голове? Я, может, выбил сегодняшний урок из его головы, и мальчик теперь один в джунглях и забыл Заветные Слова!

Балу обхватил голову лапами и со стоном закачался взад и вперёд.

— Не так давно он сказал мне правильно все слова, — сердито заметила Багира. — Балу, ты ничего не помнишь и не уважаешь себя. Что подумали бы джунгли, если бы я, чёрная пантера, каталась и выла, свернувшись клубком, как дикобраз Сахи?

— Какое мне дело до того, что подумают джунгли! Мальчик, может быть, уже умер!

— Если только они не бросят его с дерева забавы ради и не убьют от скуки, я не боюсь за детёныша. Он умён и всему обучен, а главное, у него такие

глаза, которых боятся все джунгли. Но всё же (и это очень худо) он во власти Бандар-Логов, а они не боятся никого в джунглях, потому что живут высоко на деревьях. — Багира задумчиво облизала переднюю лапу.

— И глуп же я! О толстый бурый глупец, пожиратель кореньев! — простонал Балу, вдруг выпрямляясь и отряхиваясь. — Правду говорит дикий слон Хатхи: «У каждого свой страх», а они, Бандар-Логи, боятся Каа, горного удава. Он умеет лазить по деревьям не хуже обезьян. По ночам он крадёт у них детёнышей. От одного звука его имени дрожат их гадкие хвосты. Идём к нему!

— Чем может Каа помочь нам? Он не нашего племени, потому что безногий, и глаза у него презлые, — сказала Багира.

— Он очень стар и очень хитёр. Кроме того, он всегда голоден, — с надеждой сказал Балу. — Пообещаем ему много коз.

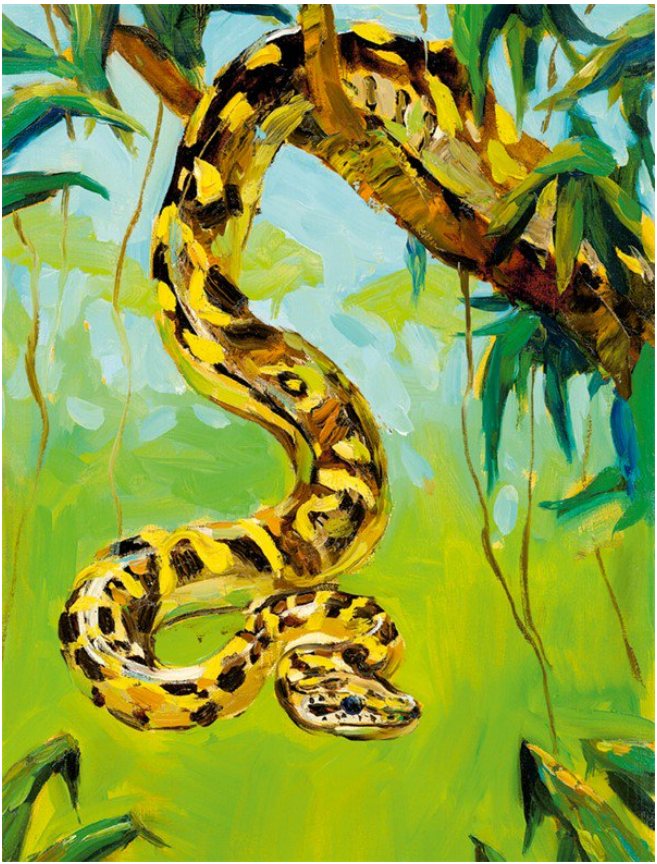
— Он спит целый месяц, после того как наестся. Может быть, спит и теперь, а если не спит, то, может, и не захочет принять от нас коз в подарок.

Багира плохо знала Каа и потому относилась к нему подозрительно.

— Тогда мы с тобой вместе могли бы уговорить его, старая охотница.

Тут Балу потёрся о Багиру выцветшим бурым плечом, и они вдвоём отправились на поиски горного удава Каа.

Удав лежал, растянувшись во всю длину на выступе скалы, нагретом солнцем, любуясь своей красивой новой кожей: последние десять дней он провёл в уединении, меняя кожу, и теперь был во всём своём великолепии. Его большая тупоносая голова металась по земле, тридцатифутовое тело свивалось в причудливые узлы и фигуры, язык облизывал губы, предвкушая будущий обед.



— Он ещё ничего не ел, — сказал Балу со вздохом облегчения, как только увидел красивый пёстрый узор на его спине, коричневый с жёлтым. — Осторожно, Багира! Он плохо видит, после того как переменит кожу, и бросается сразу.

У Каа не было ядовитых зубов — он даже презирал ядовитых змей за их трусость, — вся его сила заключалась в хватке, и если он обвивал кого-нибудь своими огромными кольцами, то это был конец.

— Доброй охоты! — крикнул Балу, садясь на задние лапы.

Как все змеи его породы, Каа был глуховат и не сразу расслышал окрик. Он свернулся кольцом и нагнул голову, на всякий случай приготовившись броситься.

— Доброй охоты всем нам! — ответил он. — Ого, Балу! Что ты здесь делаешь? Доброй охоты, Багира. Одному из нас не мешало бы пообедать. Нет ли поблизости вспугнутой дичи? Лани или хотя бы козлёнка? У меня внутри пусто, как в пересохшем колодце.

— Мы сейчас охотимся, — небрежно сказал Балу, зная, что Каа нельзя торопить, он слишком грузен.

— А можно мне пойти с вами? — спросил

Каа. — Одним ударом больше или меньше, для вас это ничего не значит, Багира и Балу, а я… мне приходится целыми днями стеречь на лесных тропинках или полночи лазить по деревьям, ожидая, не попадётся ли молодая обезьяна. Пс-с-шоу! Лес нынче уже не тот, что был в моей молодости. Одно гнильё да сухие сучья!

— Может быть, это оттого, что ты стал слишком тяжёл? — сказал Балу.

— Да, я довольно-таки велик… довольно велик, — ответил Каа не без гордости. — Но всё-таки молодые деревья никуда не годятся. Прошлый раз на охоте я чуть-чуть не упал — чуть-чуть не упал! — нашумел, соскользнув с дерева, оттого что плохо зацепился хвостом. Этот шум разбудил Бандар-Логов, и они бранили меня самыми скверными словами.

— Безногий жёлтый земляной червяк! — шепнула Багира себе в усы, словно припоминая.

— Сссс! Разве они так меня называют? — спросил Каа.

— Что-то в этом роде они кричали нам прошлый раз. Но мы ведь никогда не обращаем на них внимания. Чего только они не говорят! Будто бы у тебя выпали все зубы и будто бы ты никогда не нападаешь на дичь крупнее козлёнка, потому

будто бы (такие бесстыдные врали эти обезьяны!), что боишься козлиных рогов, — вкрадчиво продолжала Багира.

Змея, особенно хитрый старый удав вроде Каа, никогда не покажет, что она сердится, но Балу и Багира заметили, как вздуваются и перекатываются крупные мускулы под челюстью Каа.

— Бандар-Логи переменили место охоты, — сказал он спокойно. — Я грелся сегодня на солнце и слышал, как они вопили в вершинах деревьев.

— Мы… мы гонимся сейчас за Бандар-Логами, — сказал Балу и поперхнулся, потому что впервые на его памяти обитателю джунглей приходилось признаваться в том, что ему есть дело до обезьян.

— И конечно, не какой-нибудь пустяк ведёт двух таких охотников — вожаков у себя в джунглях — по следам Бандар-Логов, — учтиво ответил Каа, хотя его распирало от любопытства.

— Право, — начал Балу, — я всего-навсего старый и подчас неразумный учитель Закона у Сионийских Волчат, а Багира…

— …есть Багира, — сказала чёрная пантера и закрыла пасть, лязгнув зубами: она не признавала смирения. — Вот в чём беда, Каа: эти воры орехов и истребители пальмовых листьев украли

у нас человечьего детёныша, о котором ты, может быть, слыхал.

— Я слышал что-то от Сахи (иглы придают ему нахальство) про детёныша, которого приняли в Волчью Стаю, но не поверил. Сахи слушает одним ухом, а потом перевирает всё, что слышал.

— Нет, это правда. Такого детёныша ещё не бывало на свете, — сказал Балу. — Самый лучший, самый умный и самый смелый человечий детёныш, мой ученик, который прославит имя Балу на все джунгли, от края и до края. А кроме того, я… мы… любим его, Каа!

— Тс! Тс! — отвечал Каа, ворочая головой направо и налево. — Я тоже знавал, что такое любовь. Я мог бы рассказать вам не одну историю…

— Это лучше потом, как-нибудь в ясную ночь, когда мы все будем сыты и сможем оценить рассказ по достоинству, — живо ответила Багира. — Наш детёныш теперь в руках у Бандар-Логов, а мы знаем, что из всего Народа Джунглей они боятся одного Каа.

— Они боятся одного меня! И недаром, — сказал Каа. — Болтуньи, глупые и хвастливые, хвастливые, глупые болтуньи — вот каковы эти обезьяны! Однако вашему детёнышу нечего ждать от них добра. Они рвут орехи, а когда надоест, бросают

их вниз. Целый день они носятся с веткой, будто обойтись без неё не могут, а потом ломают её пополам. Вашему детёнышу не позавидуешь. Кроме того, они называли меня… жёлтой рыбой, кажется?

— Червяком, червяком. Земляным червяком, — сказала Багира, — и ещё разными кличками. Мне стыдно даже повторять.

— Надо их проучить, чтобы не забывались, когда говорят о своём господине! Ааа-ссп! Чтобы помнили получше! Так куда же они побежали с детёнышем?

— Одни только джунгли знают. На запад, я думаю, — сказал Балу. — А ведь мы полагали, что тебе это известно, Каа.

— Мне? Откуда же? Я хватаю их, когда они попадаются мне на дороге, но не охочусь ни за обезьянами, ни за лягушками, ни за зелёной тиной в пруду. Хссс!

— Вверх, вверх! Вверх, вверх! Хилло! Илло! Илло, посмотри вверх, Балу из Сионийской Стаи!

Балу взглянул вверх, чтобы узнать, откуда слышится голос, и увидел коршуна Чиля, который плавно спускался вниз, и солнце светило на приподнятые края его крыльев. Чилю давно пора было спать, но он всё ещё кружил над джунглями,

разыскивая медведя, и всё не мог рассмотреть его сквозь густую листву.

— Что случилось? — спросил его Балу.

— Я видел Маугли у Бандар-Логов. Он просил передать это тебе. Я проследил за ними. Они понесли его за реку, в обезьяний город — в Холодные Берлоги. Быть может, они останутся там на ночь, быть может — на десять ночей, а быть может — на час. Я велел летучим мышам последить за ними ночью. Вот что мне было поручено. Доброй охоты всем вам внизу!

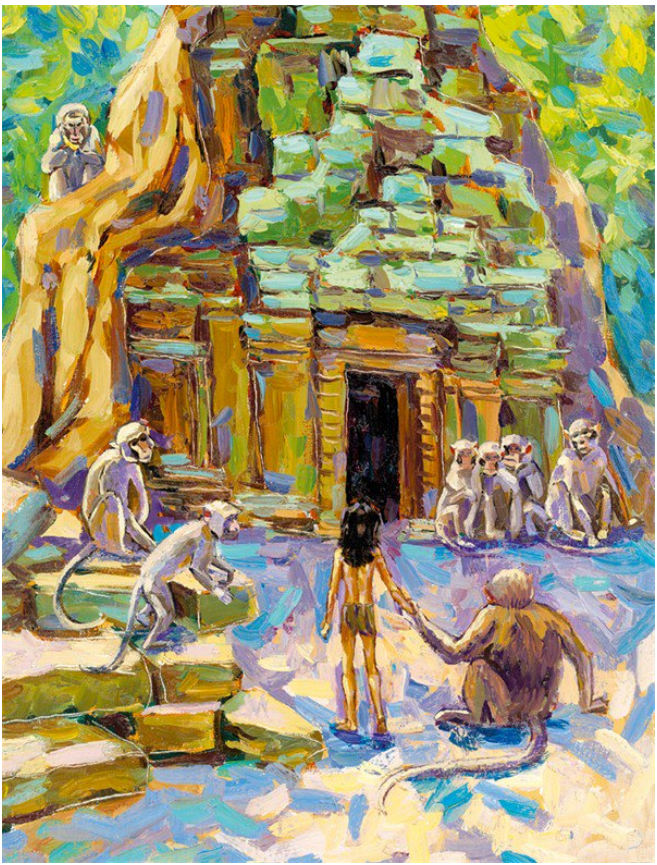
— Полного зоба и крепкого сна тебе, Чиль! — крикнула Багира. — Я не забуду тебя, когда выйду на добычу, и отложу целую голову тебе одному, о лучший из коршунов!

— Пустяки! Пустяки! Мальчик сказал Заветное Слово. Нельзя было не помочь ему! — И Чиль, сделав круг над лесом, полетел на ночлег.

— Он не забыл, что нужно сказать! — радовался Балу. — Подумать только: такой маленький, а вспомнил Заветное Слово Птиц, да ещё когда обезьяны тащили его по деревьям!

— Оно было крепко вколочено в него, это слово! — сказала Багира. — Я тоже горжусь детёнышем, но теперь нам надо спешить к Холодным Берлогам.

Все в джунглях знали, где находится это место, но редко кто бывал там, ибо Холодными Берлогами называли старый, заброшенный город, затерявшийся и похороненный в чаще леса; а звери не станут селиться там, где прежде жили люди. Разве дикий кабан поселится в таком месте, но не охотничье племя. И обезьяны бывали там не чаще, чем во всяком другом месте. Ни один уважающий себя зверь не подходил близко к городу, разве только во время засухи, когда в полуразрушенных водоёмах и бассейнах оставалась ещё вода.



— Туда полночи пути полным ходом, — сказала Багира. И Балу сразу приуныл.

— Я буду спешить изо всех сил, — сказал он с тревогой.

— Мы не можем тебя ждать. Следуй за нами, Балу. Нам надо спешить — мне и Каа.

— Хоть ты и на четырёх лапах, а я от тебя не отстану, — коротко сказал Каа.

Балу порывался бежать за ними, но должен был сперва сесть и перевести дух, так что они оставили медведя догонять их, и Багира помчалась вперёд быстрыми скачками. Каа молчал, но как ни спешила Багира, огромный удав не отставал от неё. Когда они добрались до горной речки, Багира оказалась впереди, потому что перепрыгнула поток, а Каа переплыл его, держа голову и шею над водой. Но на ровной земле удав опять нагнал Багиру.

— Клянусь сломанным замком, освободившим меня, ты неплохой ходок! — сказала Багира, когда спустились сумерки.

— Я проголодался, — ответил Каа. — Кроме того, они называли меня пятнистой лягушкой.

— Червяком, земляным червяком, да ещё жёлтым!

— Всё равно. Давай двигаться дальше. — И Каа

словно лился по земле, зорким глазом отыскивая самую краткую дорогу и двигаясь по ней.

…Обезьяний Народ в Холодных Берлогах вовсе не думал о друзьях Маугли. Они притащили мальчика в заброшенный город и теперь были очень довольны собой. Маугли никогда ещё не видел индийского города, и хотя этот город лежал весь в развалинах, он показался мальчику великолепным и полным чудес. Один владетельный князь построил его давным-давно на невысоком холме. Ещё видны были остатки мощённых камнем дорог, ведущих к разрушенным воротам, где последние обломки гнилого дерева ещё висели на изъеденных ржавчиной петлях. Деревья вросли корнями в стены и высились над ними; зубцы на стенах рухнули и рассыпались в прах; ползучие растения выбились из бойниц и раскинулись по стенам башен висячими косматыми плетями.

Большой дворец без крыши стоял на вершине холма. Мрамор его фонтанов и дворов был весь покрыт трещинами и бурыми пятнами лишайников, сами плиты двора, где прежде стояли княжеские слоны, были приподняты и раздвинуты травами и молодыми деревьями. За дворцом были видны ряд за рядом дома без кровель и весь город, похожий на пустые соты, заполненные

только тьмой; бесформенная каменная колода, которая была прежде идолом, валялась теперь на площади, где перекрещивались четыре дороги; только ямы и выбоины остались на углах улиц, где когда-то стояли колодцы, да обветшалые купола храмов, по бокам которых проросли дикие смоковницы. Обезьяны называли это место своим городом и делали вид, будто презирают Народ Джунглей за то, что он живёт в лесу. И всё-таки они не знали, для чего построены все эти здания и как ими пользоваться. Они усаживались в кружок на помосте в княжеской зале совета, искали друг у дружки блох и играли в людей: вбегали в дома и опять выбегали из них, натаскивали куски штукатурки и всякого старья в угол и забывали, куда они всё это спрятали; дрались и кричали, нападая друг на друга, потом разбегались играть по террасам княжеского сада, трясли там апельсиновые деревья и кусты роз для того только, чтобы посмотреть, как посыплются лепестки и плоды. Они обегали все переходы и тёмные коридоры во дворце и сотни небольших тёмных покоев, но не могли запомнить, что они уже видели, а чего ещё не видали, и шатались везде поодиночке, попарно или кучками, хвастаясь друг перед другом, что ведут себя совсем как люди. Они пили

из водоёмов и мутили в них воду, потом дрались из-за воды, потом собирались толпой и бегали по всему городу, крича:[2]

— Нет в джунглях народа более мудрого, доброго, ловкого, сильного и кроткого, чем Бандар-Логи!

Потом всё начиналось снова, до тех пор пока им не надоедал город, и тогда они убегали на вершины деревьев, всё ещё не теряя надежды, что когда-нибудь Народ Джунглей заметит их.

Маугли, воспитанный в Законе Джунглей, не понимал такой жизни, и она не нравилась ему. Обезьяны притащили его в Холодные Берлоги уже к вечеру, и, вместо того чтобы лечь спать, как сделал бы сам Маугли после долгого пути, они схватились за руки и начали плясать и распевать свои глупые песни. Одна из обезьян произнесла речь перед своими друзьями и сказала им, что захват Маугли в плен отмечает начало перемены в истории Бандар-Логов, потому что теперь Маугли покажет им, как надо сплетать ветви и тростники для защиты от холода и дождя.

Маугли набрал лиан и начал их сплетать, а обезьяны попробовали подражать ему, но через

---

[2] Примечания: 2
Смоковница — инжир или фиговое дерево.

несколько минут им это наскучило, и они стали дёргать своих друзей за хвосты и, кашляя, скакать на четвереньках.

— Мне хочется есть, — сказал Маугли. — Я чужой в этих местах — принесите мне поесть или позвольте здесь поохотиться.

Двадцать или тридцать обезьян бросились за орехами и дикими плодами для Маугли, но по дороге они подрались, а возвращаться с тем, что у них осталось, не стоило труда. Маугли обиделся и рассердился, не говоря уже о том, что был голоден, и долго блуждал по пустынным улицам, время от времени испуская Охотничий Клич Чужака, но никто ему не ответил, и Маугли понял, что он попал в очень дурное место.

«Правда всё то, что Балу говорил о Бандар-Логах, — подумал он про себя. — У них нет ни Закона, ни Охотничьего Клича, ни вожаков — ничего, кроме глупых слов и цепких воровских лап. Так что если меня тут убьют или я умру голодной смертью, то буду сам виноват. Однако надо что-нибудь придумать и вернуться в мои родные джунгли. Балу, конечно, побьёт меня, но это лучше, чем ловить дурацкие розовые лепестки вместе с Бандар-Логами».

Как только он подошёл к городской стене, обе-

зьяны сейчас же оттащили его обратно, говоря, что он сам не понимает, как ему повезло, и стали щипать его, чтобы он почувствовал к ним благодарность. Он стиснул зубы и промолчал, но всё-таки пошёл с громко вопившими обезьянами на террасу, где были водоёмы из красного песчаника, наполовину полные дождевой водой. Там посередине террасы стояла разрушенная беседка из белого мрамора, построенная для княжеских жён, которых давно уже не было на свете. Купол беседки провалился и засыпал подземный ход из дворца, по которому женщины приходили сюда, но стены из мрамора ажурной работы остались целы. Чудесную резьбу молочной белизны, лёгкую, как кружево, украшали агаты, сердолики, яшма и лазурит, а когда над холмом взошла луна, её лучи проникли сквозь резьбу, и густые тени легли на землю узором чёрного бархата. Обиженный, сонный и голодный Маугли всё же не мог не смеяться, когда обезьяны начинали в двадцать голосов твердить ему, как они мудры, сильны и добры и как он неразумен, что хочет с ними расстаться.

— Мы велики! Мы свободны! Мы достойны восхищения! Достойны восхищения, как ни один народ в джунглях! Мы все так говорим — значит,

это правда! — кричали они. — Сейчас мы тебе расскажем про себя, какие мы замечательные, раз ты нас слушаешь и можешь передать наши слова Народу Джунглей, чтобы в будущем он обращал на нас внимание.

Маугли с ними не спорил, и сотни обезьян собрались на террасе послушать, как их говоруны будут петь хвалы Бандар-Логам, и когда болтуньи-обезьяны останавливались, чтобы перевести дух, остальные подхватывали хором:

— Это правда, мы все так говорим!

Маугли кивал головой, моргал глазами и поддакивал, когда его спрашивали о чём-нибудь, и голова у него кружилась от шума.

«Шакал Табаки, должно быть, перекусал их всех, — думал он про себя, — и они теперь взбесились. Это у них бешенство, „дивани“. Неужели они никогда не спят? Вот сейчас это облако закроет луну. Если оно большое, я бы успел убежать в темноте. Но я устал».

За этим самым облаком следили два верных друга в полузасыпанном рву под городской стеной. Багира и Каа, зная, как опасны обезьяны, когда их много, выжидали, чтобы не рисковать понапрасну. Обезьяны ни за что не станут драться, если их меньше сотни против одного, а в

джунглях мало кому нравится такой перевес.

— Я поползу к западной стене, — шепнул Каа, — и быстро скачусь по склону вниз, там мне будет легче. Они, конечно, не бросятся мне на спину всем скопом, но всё же…

— Я знаю, — сказала Багира. — Если бы Балу был здесь! Но всё-таки мы сделаем что можем. Когда это облако закроет луну, я выйду на террасу. Они там о чём-то совещаются между собой.

— Доброй охоты, — мрачно сказал Каа и скользнул к западной стене.

Она оказалась разрушенной меньше других, и большой удав замешкался, пробираясь между камнями. Облако закрыло луну, и как раз в то время, когда Маугли раздумывал, что будет дальше, он услышал лёгкие шаги Багиры на террасе. Чёрная пантера взбежала по склону почти без шума и, не тратя времени на то, чтобы кусаться, раздавала удары направо и налево обезьянам, сидевшим вокруг Маугли в пятьдесят — шестьдесят рядов. Раздался общий вопль испуга и ярости, и, в то время как Багира шагала по катящимся и барахтающимся телам, одна обезьяна крикнула:

— Она тут одна! Убьём её! Убьём!

Клубок дерущихся обезьян, кусаясь, царапаясь, дёргая и терзая Багиру, сомкнулся над ней, а пять

или шесть обезьян крепко ухватили Маугли, подтащили его к стене беседки и впихнули в пролом купола. Мальчик, воспитанный людьми, был бы весь в синяках, потому что падать ему пришлось с высоты добрых пятнадцати футов, но Маугли упал так, как Балу учил его падать, и сразу стал на ноги.

— Посиди тут, — кричали обезьяны, — пока мы не убьём твоих приятелей! А после мы поиграем с тобой, если Ядовитый Народ оставит тебя в живых!

— Мы с вами одной крови, я и вы! — быстро шепнул Маугли Змеиное Слово.

Он слышал шорох и шипение вокруг в кучах щебня и для верности ещё раз повторил Змеиное Слово.

— Ссслышим! Уберите клобуки! — произнесли тихие голоса (все развалины в Индии рано или поздно становятся обиталищем змей, и ветхая беседка кишела кобрами). — Стой смирно, Маленький Брат, иначе ты раздавишь нас![3]

Маугли стоял спокойно, глядя в отверстия ажурной резьбы и прислушиваясь к шуму драки вокруг чёрной пантеры, к воплям, бормотанию и

---

[3] Примечания: 3

Клобук — здесь: капюшон, который появляется на теле кобры, когда она агрессивна.

шлепкам и к густому, хриплому кашлю Багиры, которая рвалась и металась взад и вперёд, задыхаясь под кучей навалившихся на неё обезьян.

Впервые со дня своего рождения Багира дралась не на жизнь, а на смерть.

«Балу должен быть близко: Багира не пришла бы одна», — подумал Маугли и крикнул громко:

— К водоёму, Багира! Скатись к водоёму! Скатись и нырни! Бросайся в воду!

Багира его услышала, и этот крик, сказавший ей, что Маугли жив, придал ей силы. Она дралась отчаянно, шаг за шагом прокладывая себе дорогу к водоёму. И вот у подножия разрушенной стены, ближе к джунглям, раздался, как гром, боевой клич Балу. Как ни спешил старый медведь, он не мог поспеть раньше.

— Багира, — кричал он, — я здесь! Я лезу вверх! Я спешу! Камни скользят у меня из-под ног! Дайте только до вас добраться, о вы, подлые Бандар-Логи!

Медведь, пыхтя, взобрался на террасу и исчез под волной обезьян, но тут же, присев на корточки, расставил передние лапы и загрёб ими столько обезьян, сколько мог удержать. Потом посыпались равномерные удары — хлоп-хлоп-хлоп! — с чмоканьем, словно гребное колесо било

по воде. Шум падения и всплеск сказали Маугли, что Багира пробилась к водоёму, куда обезьяны не могли полезть за ней. Пантера лежала в воде, выставив только голову, и жадно ловила ртом воздух, а обезьяны, стоя в три ряда на красных ступенях, приплясывали от злобы на месте, готовые наброситься на неё со всех сторон разом, если она выйдет из воды на помощь Балу.

Вот тогда-то Багира подняла мокрый подбородок и в отчаянии крикнула, зовя на помощь Змеиный Народ:

— Мы с вами одной крови, я и вы!

Она думала, что Каа струсил в последнюю минуту. Даже Балу на краю террасы, едва дыша под навалившимися на него обезьянами, не мог не засмеяться, услышав, что чёрная пантера просит помощи.

Каа только что перевалился через западную стену и с такой силой рухнул на землю, что большой камень свалился в ров. Он не намерен был отступать и раза два свернулся и развернулся, проверяя, насколько каждый фут его длинного тела готов к бою. Тем временем Балу продолжал бой, и обезьяны вопили над водоёмом вокруг Багиры, и нетопырь Манг, летая взад и вперёд, разносил по джунглям вести о великой битве,

так что затрубил даже дикий слон Хатхи. Далеко в лесу проснулись отдельные стайки обезьян и помчались по верхушкам деревьев к Холодным Берлогам на помощь своим родичам, и шум битвы разбудил дневных птиц на много миль вокруг. Тогда Каа двинулся быстро, напрямик, горя жаждой убийства. Вся сила удава — в тяжком ударе головой, удвоенном силой и тяжестью всего тела. Если вы можете себе представить копьё, или таран, или молот весом почти в полтонны, направляемый спокойным, хладнокровным умом, обитающим в его ручке, вы можете себе представить, каким был Каа в бою. Удав длиной в четыре или пять футов может сбить с ног человека, если ударит его головой в грудь, а в Каа было целых тридцать футов, как вам известно. Первый удар, направленный прямо в гущу обезьян, окружавших Балу, был нанесён молча, с закрытым ртом, а второго удара не понадобилось. Обезьяны бросились врассыпную с криком:

— Каа! Это Каа! Бегите! Бегите!

Не одно поколение обезьян воспитывалось в страхе и вело себя примерно, наслушавшись от старших рассказов про Каа, ночного вора, который умел проскользнуть среди ветвей так же бесшумно, как растёт мох, и утащить самую

сильную обезьяну; про старого Каа, который умел прикидываться сухим суком или гнилым пнём, так что самые мудрые ничего не подозревали до тех пор, пока этот сук не хватал их. Обезьяны боялись Каа больше всего на свете, ибо ни одна из них не знала пределов его силы, ни одна не смела взглянуть ему в глаза и ни одна не вышла живой из его объятий. И потому, дрожа от страха, они бросились на стены и на крыши домов, а Балу глубоко вздохнул от облегчения. Шерсть у него была гораздо гуще, чем у Багиры, но и он сильно пострадал в бою. И тут Каа, впервые раскрыв пасть, прошипел одно долгое, свистящее слово, и обезьяны, далеко в лесу спешившие на помощь к Холодным Берлогам, замерли на месте, дрожа так сильно, что ветви под их тяжестью согнулись и затрещали. Обезьяны на стенах и на крышах домов перестали кричать, в городе стало тихо, и Маугли услышал, как Багира отряхивает мокрые бока, выйдя из водоёма. Потом снова поднялся шум. Обезьяны полезли выше на стены, уцепились за шеи больших каменных идолов и визжали, прыгая по зубчатым стенам, а Маугли, приплясывая на месте, приложился глазом к ажурной резьбе и начал ухать по-совиному, выражая этим презрение и насмешку.

— Достанем детёныша из западни, я больше не могу! — тяжело дыша, сказала Багира. — Возьмём детёныша и бежим. Как бы они опять не напали!

— Они не двинутся, пока я не прикажу им. Сстойте на месссте! — прошипел Каа, и кругом опять стало тихо. — Я не мог прийти раньше, Сестра, но мне показалось, что я сслышу твой зов, — сказал он Багире.

— Я… я, может быть, и звала тебя в разгаре боя, — ответила Багира. — Балу, ты ранен?

— Не знаю, как это они не разорвали меня на сотню маленьких медведей, — сказал Балу, степенно отряхивая одну лапу за другой. — Ооу! Мне больно! Каа, мы тебе обязаны жизнью, мы с Багирой…

— Это пустяки. А где же человечек?

— Здесь, в западне! Я не могу выбраться! — крикнул Маугли.

Над его головой закруглялся купол, провалившийся по самой середине.

— Возьмите его отсюда! Он танцует, как павлин Мор! Он передавит ногами наших детей! — сказали кобры снизу.

— Ха! — засмеялся Каа. — У него везде друзья, у этого человечка. Отойди подальше, человечек, а вы прячьтесь, о Ядовитый Народ! Сейчас я про-

бью стену.

Каа хорошенько осмотрелся и нашёл почерневшую трещину в мраморной резьбе, там, где стена была сильнее всего разрушена, раза два-три слегка оттолкнулся головой, примериваясь, потом приподнялся на шесть футов над землёй и ударил со всей силы десять раз подряд. Мраморное кружево треснуло и рассыпалось облаком пыли и мусора, и Маугли выскочил в пробоину и бросился на землю между Багирой и Балу, обняв обоих за шею.

— Ты не ранен? — спросил Балу, ласково обнимая Маугли.

— Меня обидели, я голоден и весь в синяках. Но как жестоко они вас потрепали, братья мои! Вы все в крови!

— Не одни мы, — сказала Багира, облизываясь и глядя на трупы обезьян на террасе и вокруг водоёма.

— Это пустяки, всё пустяки, если ты жив и здоров, о моя гордость, лучший из лягушат! — прохныкал Балу.

— Об этом мы поговорим после, — сказала Багира сухо, что вовсе не понравилось Маугли. — Однако здесь Каа, которому мы с Балу обязаны победой, а ты — жизнью. Поблагодари его, как

полагается по нашим обычаям, Маугли.

Маугли обернулся и увидел, что над ним раскачивается голова большого удава.

— Так это и есть человечек? — сказал Каа. — Кожа у него очень гладкая, и он похож на Бандар-Логов. Смотри, человечек, чтоб я не принял тебя за обезьяну как-нибудь в сумерках, после того как я сменю свою кожу.

— Мы с тобой одной крови, ты и я, — отвечал Маугли. — Сегодня ты возвратил мне жизнь. Моя добыча будет твоей добычей, когда ты проголодаешься, о Каа!

— Спасибо, Маленький Брат, — сказал Каа, хотя глаза его смеялись. — А что может убить такой храбрый охотник? Я прошу позволения следовать за ним, когда он выйдет на ловлю.

— Сам я не убиваю, я ещё мал, но я загоняю коз для тех, кому они нужны. Когда захочешь есть, приходи ко мне и увидишь, правда это или нет. У меня ловкие руки, — он вытянул их вперёд, — и если ты попадёшься в западню, я смогу уплатить долг и тебе, и Багире, и Балу. Доброй охоты вам всем, учителя мои!

— Хорошо сказано! — проворчал Балу, ибо Маугли благодарил как полагается.

Удав положил на минуту свою голову на плечо

Маугли.

— Храброе сердце и учтивая речь, — сказал он. — С ними ты далеко пойдёшь в джунглях. А теперь уходи отсюда скорей вместе с твоими друзьями. Ступай спать, потому что скоро зайдёт луна, а тебе не годится видеть то, что будет.

Луна садилась за холмами, и ряды дрожащих обезьян, которые жались по стенам и башням, походили на рваную, колеблющуюся бахрому. Балу сошёл к водоёму напиться, а Багира начала вылизывать свой мех. И тут Каа выполз на середину террасы, сомкнул пасть, звучно щёлкнув челюстями, и все обезьяны устремили глаза на него.

— Луна заходит, — сказал он. — Довольно ли света, хорошо ли вам видно?

По стенам пронёсся стон, словно вздох ветра в вершинах деревьев:

— Мы видим, о Каа!

— Хорошо! Начнём же пляску Каа — Пляску Голода. Сидите смирно и смотрите!

Он дважды или трижды свернулся в большое двойное и тройное кольцо, покачивая головой справа налево. Потом начал выделывать петли и восьмёрки и мягкие, расплывчатые треугольники, переходящие в квадраты и пятиугольники, не останавливаясь, не спеша и не прекращая

ни на минуту негромкого гудения. Становилось всё темнее и темнее, и напоследок уже не видно было, как извивается и свивается Каа, слышно было только, как шуршит его чешуя.

Балу и Багира словно обратились в камень, ощетинившись и глухо ворча, а Маугли смотрел и дивился.

— Бандар-Логи, — наконец послышался голос Каа, — можете вы шевельнуть рукой или ногой без моего приказа? Говорите.

— Без твоего слова мы не можем шевельнуть ни рукой, ни ногой, о Каа!

— Хорошо! Подойдите на один шаг ближе ко мне!

Ряды обезьян беспомощно качнулись вперёд, и Балу с Багирой невольно сделали шаг вперёд вместе с ними.

— Ближе! — прошипел Каа.

И обезьяны шагнули ещё раз.

Маугли положил руки на плечи Багиры и Балу, чтобы увести их прочь, и оба зверя вздрогнули, словно проснувшись.

— Не снимай руки с моего плеча, — шепнула Багира, — не снимай, иначе я пойду… пойду к Каа. А-ах!

— Это всего только старый Каа выделывает

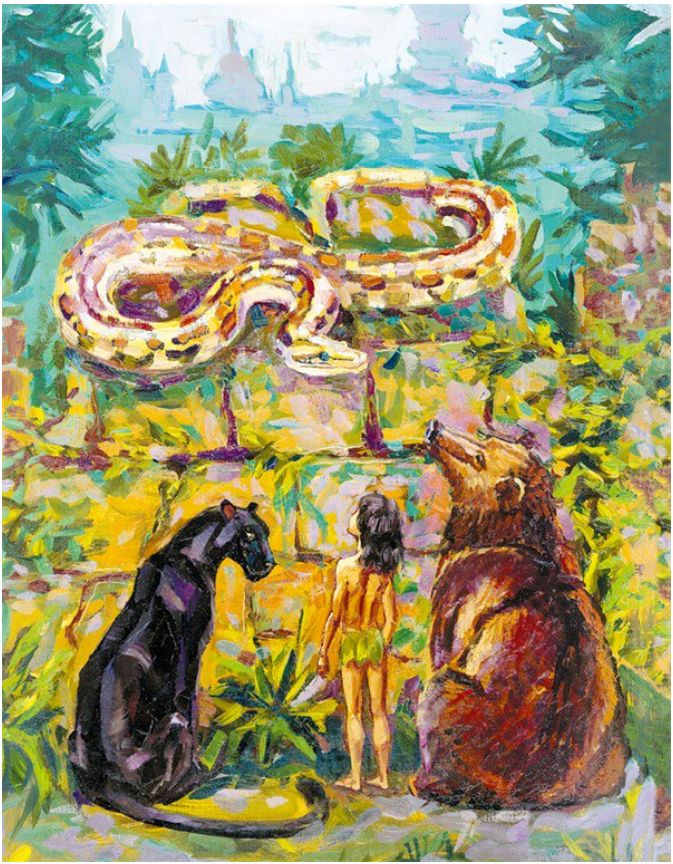
круги в пыли, — сказал Маугли. — Идём отсюда.

И все трое выскользнули в пролом стены и ушли в джунгли.

— Уу-ф! — вздохнул Балу, снова очутившись среди неподвижных деревьев. — Никогда больше не стану просить помощи у Каа! — И он весь содрогнулся с головы до ног.

— Каа знает больше нас, — вся дрожа, сказала Багира. — Ещё немного, и я бы отправилась прямо к нему в пасть.

— Многие отправятся туда же, прежде чем луна взойдёт ещё раз, — ответил Балу. — Он хорошо поохотится — на свой лад.



— Но что же всё это значит? — спросил Маугли, который не знал ничего о притягательной силе змеи. — Я видел только большую змею, которая выписывала зачем-то круги по земле, пока не стемнело. И нос у Каа был весь разбит. Ха-ха!

— Маугли, — сердито сказала Багира, — нос он разбил ради тебя, так же как мои уши, бока и лапы, плечи и шея Балу искусаны ради тебя. И Балу и Багире трудно будет охотиться в течение многих дней.

— Это пустяки, — сказал Балу. — Зато детёныш опять с нами!

— Правда, но он нам дорого обошёлся: ради него мы были ранены, пожертвовали временем, удачной охотой, собственной шкурой — у меня выщипана вся спина — и даже нашей честью. Ибо, не забывай этого, мне, чёрной пантере, пришлось просить помощи у Каа, и мы с Балу потеряли разум, как малые птенцы, увидев Пляску Голода. А всё оттого, что ты играл с Бандар-Логами!

— Правда, всё это правда, — сказал Маугли, опечалившись. — Я плохой детёныш, и в животе у меня горько.

— Мф! Что говорит Закон Джунглей, Балу?

Балу вовсе не желал новой беды для Маугли, но с Законом не шутят, и потому он проворчал:

— Горе не мешает наказанию. Только не забудь, Багира, что он ещё мал!

— Не забуду! Но он натворил беды, и теперь надо его побить. Маугли, что ты на это скажешь?

— Ничего! Я виноват. А вы оба ранены. Это только справедливо.

Багира дала ему с десяток шлепков, лёгких, на взгляд пантеры (они даже не разбудили бы её собственного детёныша), но для семилетнего мальчика это были суровые побои, от которых всякий рад был бы избавиться. Когда всё кончилось, Маугли чихнул и без единого слова поднялся на ноги.

— А теперь, — сказала Багира, — прыгай ко мне на спину, Маленький Брат, и мы отправимся домой.

Одна из прелестей Закона Джунглей состоит в том, что с наказанием кончаются все счёты. После него не бывает никаких придирок.

Маугли опустил голову на спину Багиры и заснул так крепко, что даже не проснулся, когда его положили на землю в родной берлоге.

Как страх пришёл в джунгли

Закон Джунглей, который много старше всех других законов на земле, предвидел почти все случайности, какие могут выпасть на долю Народа Джунглей, и теперь в этом Законе есть всё, что могли дать время и обычай. Если вы читали другие рассказы про Маугли, то помните, что он провёл большую часть своей жизни в Сионийской Волчьей Стае, обучаясь Закону у бурого

медведя Балу. Это Балу сказал мальчику, когда тому наскучило выполнять его приказания, что Закон подобен цепкой лиане: он хватает всякого и никому от него не уйти.

— Когда ты проживёшь с моё, Маленький Брат, то увидишь, что все джунгли повинуются одному Закону. И это будет не очень приятно видеть, — сказал Балу.

Его слова вошли в одно ухо Маугли и вышли в другое: мальчик, у которого вся жизнь уходит на еду и сон, не станет особенно тревожиться, пока беда не подойдёт к нему вплотную. Но настал год, когда слова Балу подтвердились, и Маугли увидел, что все джунгли повинуются одному Закону.

Это началось после того, как зимних дождей не выпало почти совсем и дикобраз Сахи, повстречав Маугли в бамбуковых зарослях, рассказал ему, что дикий ямс подсыхает. А всем известно, что Сахи привередлив до смешного и ест только самое вкусное и самое спелое. Маугли засмеялся и сказал:[4]

— А мне какое дело?

— Сейчас — почти никакого, — сухо и неприветливо ответил Сахи, гремя иглами, — а там

---

[4] Примечания: 4
Ямс — растение, похожее на картофель.

будет видно. Можно ли ещё нырять в глубоком омуте под Пчелиной Скалой, Маленький Брат?

— Нет. Глупая вода вся ушла куда-то, а я не хочу разбить себе голову, — сказал Маугли, который был уверен, что знает не меньше пяти дикобразов, вместе взятых.

— Тебе же хуже: в маленькую трещину могло бы войти сколько-нибудь ума.

Сахи быстро увернулся, чтобы Маугли не дёрнул его за щетинки на носу. Когда Маугли передал Балу слова Сахи, медведь на минуту задумался и проворчал:

— Будь я один, я переменил бы место охоты, прежде чем другие об этом догадаются. Но только охота среди чужих всегда кончается дракой — как бы они не повредили детёнышу. Подождём, посмотрим, как будет цвести махуа.

Этой весной дерево махуа, плоды которого очень любил Балу, так и не зацвело. Сливочного цвета восковые лепестки были сожжены зноем, прежде чем успели развернуться, и лишь несколько дурно пахнущих бутонов упало на землю, когда медведь стал на задние лапы и потряс дерево. Потом шаг за шагом безмерный зной пробрался в самое сердце джунглей, и они пожелтели, побурели и наконец почернели. Зелёная

поросль по склонам оврагов выгорела, померт-вела и свернулась кусками чёрной проволоки; потаённые озёра высохли до дна, покрылись коркой, и даже самые лёгкие следы по их берегам сохранялись долго, словно вылитые из чугуна; сочные стебли плюща, обвивавшие деревья, упали к их подножию и увяли; бамбук засох и тревожно шелестел на знойном ветру; мох сошёл со скал в глубине джунглей, и они стали такими же голыми и горячими, как синие валуны в русле потока.

Птицы и обезьяны ушли на север в самом начале года, понимая, что им грозит беда, а олени и дикие свиньи забирались далеко в сохнущие на корню поля вокруг деревень и нередко умирали на глазах у людей, которые слишком ослабели, чтобы убивать их. Коршун Чиль остался в джунглях и разжирел, потому что падали было очень много. Каждый вечер он твердил зверям, у которых уже не хватало сил уйти на новые места, что солнце убило джунгли на три дня полёта во все стороны.

Маугли, до сих пор не знавший настоящего голода, принялся за старый мёд, трёхлетней давности; он выгребал из опустелых ульев среди скал мёд, чёрный, как терновые ягоды, и по-

крытый налётом застывшего сахара. А ещё он доставал личинок, забравшихся глубоко под кору деревьев, и таскал у ос их детву. От дичи в джунглях остались кости да кожа, и Багира убивала трижды в ночь и всё не могла наесться досыта. Но хуже всего было то, что не хватало воды, ибо Народ Джунглей пьёт хоть и редко, но вволю.[5]

А зной всё держался и держался и выпил всю влагу, и в конце концов из всех потоков оставалось только главное русло Вайнганги, по которому струился тоненький ручеёк воды между мёртвыми берегами; и когда дикий слон Хатхи, который живёт сто лет и даже больше, увидел длинный синий каменный хребет, выступивший из-под воды посередине потока, он узнал Скалу Мира и тут же поднял хобот и затрубил, объявляя Водяное Перемирие, как пятьдесят лет назад объявил это Перемирие его отец. Олени, дикие свиньи и буйволы хрипло подхватили его призыв, а коршун Чиль, летая над землёй большими кругами, свистом и криком извещал джунгли о Перемирии.

По Закону Джунглей за убийство у водопоя полагается смерть, если Перемирие уже объявлено.

---

[5] Примечания: 5
Детва — личинки пчёл.

Это потому, что питьё важнее еды. Каждый зверь в джунглях сможет как-нибудь перебиться, если мало дичи, но вода есть вода, и если остался только один источник, всякая охота прекращается, пока Народ Джунглей ходит к нему на водопой. В хорошие времена, когда воды бывало много, зверям, ходившим на водопой к Вайнганге или в другое место, грозила смерть, и эта опасность много прибавляла к прелестям ночной жизни. Спуститься к реке так ловко, чтобы не зашелестел ни один листок; бродить по колено в грохочущей воде порогов, которая глушит всякий шум; пить, оглядываясь через плечо, в страхе напрягая все мускулы для первого отчаянного прыжка, а потом покататься по песчаному берегу и вернуться с мокрой мордой и полным животом к восхищённому стаду, — всё это с восторгом проделывали молодые олени с блестящими гладкими рожками именно потому, что в любую минуту Багира или Шер-Хан могли броситься на них и унести. Но теперь эта игра в жизнь и смерть была кончена, и Народ Джунглей подходил голодный и измученный к обмелевшей реке — тигр и медведь вместе с оленями, буйволами и кабанами, — пил загрязнённую воду и долго стоял над рекой, не в силах двинуться с места.

Олени и кабаны напрасно искали целыми днями чего-нибудь получше сухой коры и завядших листьев. Буйволы не находили больше ни прохлады в илистых заводях, ни зелёных всходов на полях. Змеи ушли из джунглей и приползли к реке в надежде поймать чудом уцелевшую лягушку. Они обвивались вокруг мокрых камней и даже не шевелились, когда дикая свинья в поисках корней задевала их рылом. Речных черепах давным-давно переловила Багира, самая ловкая из зверей-охотников, а рыба спряталась глубоко в потрескавшийся ил. Одна только Скала Мира длинной змеёй выступала над мелями, и вялые волны едва слышно шипели, касаясь её горячих боков.

Сюда-то и приходил Маугли каждый вечер, ища прохлады и общества.

Самые голодные из его врагов теперь едва ли польстились бы на мальчика. Из-за гладкой, безволосой кожи он казался ещё более худым и жалким, чем его товарищи. Волосы у него выгорели на солнце, как пенька; рёбра выступали, словно прутья на плетёной корзине; высохшие ноги и руки стали похожи на узловатые стебли трав — ползая на четвереньках, он натёр себе шишки на коленях и локтях. Зато глаза смотрели

из-под спутанных волос спокойно и ясно, потому что Багира, его друг и советчик, в это трудное время велела ему двигаться спокойно, охотиться не спеша и никогда ни в коем случае не раздражаться.

— Времена сейчас плохие, — сказала чёрная пантера в один раскалённый, как печка, вечер, — но они пройдут, если мы сумеем продержаться до конца. Полон ли твой желудок, детёныш?

— В желудке у меня не пусто, но пользы от этого мало. Как ты думаешь, Багира, дожди совсем забыли нас и никогда не вернутся?

— Не думаю. Мы ещё увидим махуа в цвету и оленят, разжиревших на молодой травке. Пойдём на Скалу Мира, послушаем новости. Садись ко мне на спину, Маленький Брат.

— Сейчас не время носить тяжести. Я ещё могу держаться на ногах, хотя, правда, мы с тобой не похожи на жирных волов.

Багира искоса посмотрела на свой взъерошенный, пыльный бок и проворчала:

— Вчера ночью я убила вола под ярмом. Я так ослабела, что не посмела бы броситься на него, если б он был на свободе. Вау![6]

---

[6] Примечания: 6

Вол под ярмом — вол с хомутом для упряжки на шее, то есть домашнее животное.

Маугли засмеялся:

— Да, мы теперь смелые охотники. У меня хватает храбрости ловить и есть личинок.

И они вдвоём с Багирой спустились сухим и ломким кустарником на берег реки, к кружевным отмелям, которые разбегались во всех направлениях.

— Эта вода не проживёт долго, — сказал Балу, подходя к ним. — Посмотрите на тот берег!

На ровной низине дальнего берега жёсткая трава джунглей засохла на корню и стояла мёртвая. Протоптанные оленями и кабанами тропы, ведущие к реке, исполосовали рыжую низину пыльными ущельями, проложенными в высокой траве, и хотя было ещё рано, все тропы были полны зверьём, спешившим к воде. Слышно было, как лани и их детёныши кашляют от пыли, мелкой, как нюхательный табак.

Выше по реке, у тихой заводи, огибавшей Скалу Мира, хранительницу Водяного Перемирия, стоял дикий слон Хатхи со своими сыновьями. Худые и серые в лунном свете, они покачивались взад и вперёд, покачивались не переставая. Немного ниже стояли рядами олени, ещё ниже — кабаны и дикие буйволы, а на том берегу, где высокие деревья подступали к самой воде, было место, от-

ведённое для хищников: тигров, волков, пантер, медведей и всех прочих.

— Правда, что мы повинуемся одному Закону, — сказала Багира, заходя в воду и поглядывая искоса на ряды стучащих рогов и настороженных глаз там, где толкались у воды олени и кабаны. — Доброй охоты всем, кто со мной одной крови, — прибавила она, ложась и вытягиваясь во весь рост. Выставив один бок из воды, она шепнула сквозь зубы: — А если б не этот Закон, можно бы очень хорошо поохотиться.

Чуткие уши оленей услышали последние слова, по рядам пробежал испуганный шёпот:

— Перемирие! Не забывайте о Перемирии!

— Тише, тише! — пробурчал дикий слон Хатхи. — Перемирие продолжается, Багира. Не время сейчас говорить об охоте.

— Кому это лучше знать, как не мне? — ответила Багира, поводя жёлтыми глазами вверх по реке. — Я теперь ем черепах, ловлю лягушек. Нгайя! Хорошо бы мне выучиться жевать ветки!

— Нам бы тоже очень этого хотелось, о-очень! — проблеял молоденький оленёнок, который народился только этой весной и не одобрял старых порядков.

Как ни плохо было Народу Джунглей, но даже

слон Хатхи невольно улыбнулся, а Маугли, который лежал в тёплой воде, опираясь на локти, громко расхохотался и взбил ногами пену.

— Хорошо сказано, Маленькие Рожки! — промурлыкала Багира. — Когда Перемирие кончится, это будет зачтено в твою пользу. — И она зорко посмотрела в темноту, чтобы узнать оленёнка при встрече.

Мало-помалу говор пошёл по всему водопою, вверх и вниз по реке. Слышно было, как свиньи, возясь и фыркая, просили потесниться; как мычали буйволы, переговариваясь между собой на песчаных отмелях, как олени рассказывали друг другу жалостные истории о том, что совсем сбились с ног в поисках пищи. Время от времени они спрашивали о чём-нибудь хищников, стоявших на том берегу, но новости были плохие, и жаркий ветер джунглей с шумом проносился между скалами и деревьями, засыпая воду пылью и ветками.

— И люди тоже умирают за плугом, — сказал молодой олень.

— От заката до темноты я видел троих. Они лежали не двигаясь, и их буйволы — рядом с ними. Скоро и мы тоже ляжем и не встанем больше.

— Река убыла со вчерашней ночи, — сказал

Балу. — О Хатхи, приходилось ли тебе видеть засуху, подобную этой?

— Она пройдёт, она пройдёт, — отвечал Хатхи, поливая водой из хобота спину и бока.

— У нас тут есть один, которому не вытерпеть долго, — сказал Балу и посмотрел на мальчика, которого очень любил.

— Мне? — возмущённо крикнул Маугли, садясь в воде. — У меня нет длинной шерсти, прикрывающей кости, но если бы содрать с тебя шкуру, Балу…

Хатхи весь затрясся от смеха, а Балу сказал строго:

— Детёныш, этого не подобает говорить учителю Закона! Меня ещё никто не видел без шкуры.

— Да нет, я не хотел сказать ничего обидного, Балу. Только то, что ты похож на кокосовый орех в шелухе, а я на тот же орех без шелухи. А если эту твою бурую шелуху…

Маугли сидел скрестив ноги и объяснял свою мысль, по обыкновению засунув палец в рот, но тут Багира протянула мягкую лапу и опрокинула его в воду.

— Ещё того хуже, — сказала чёрная пантера, когда мальчик поднялся, отфыркиваясь. — То с Балу надо содрать шкуру, то он похож на коко-

совый орех. Смотри, как бы он не сделал того, что делают кокосовые орехи!

— А что? — спросил Маугли, позабывшись на минуту, хотя это одна самых старых шуток в джунглях.

— Не разбил бы тебе голову, — невозмутимо ответила Багира, снова опрокидывая мальчика в воду.

— Нехорошо смеяться над своим учителем, — сказал медведь, после того как Маугли окунулся в третий раз.

— Нехорошо! А чего же вы хотите? Этот голыш бегает по лесу и насмехается, как обезьяна, над тем, кто был когда-то добрым охотником, да ещё дёргает за усы забавы ради.

Это спускался к реке, ковыляя, Шер-Хан, хромой тигр. Он подождал немножко, наслаждаясь переполохом, который поднялся среди оленей на том берегу, потом опустил к воде усатую квадратную голову и начал лакать, ворча:

— Джунгли теперь логово для голых щенят! Взгляни на меня, человечий детёныш!

Маугли взглянул на него — вернее, посмотрел в упор и очень дерзко, — и через минуту Шер-Хан беспокойно отвернулся.

— Маугли то, Маугли сё! — проворчал он, про-

должая лакать воду. — Он не человек и не волк, не то он испугался бы. Будущим летом мне придётся просить у него позволения напиться! Уф!

— Может быть, и так, — сказала Багира, пристально глядя тигру в глаза. — Может быть, и так… Фу, Шер-Хан! Что это за новую пакость ты принёс сюда?

Хромой тигр окунул в воду подбородок и щёки, и тёмные маслянистые полосы поплыли вниз по реке.

— Час назад я убил человека, — нагло ответил Шер-Хан.

Он продолжал лакать воду, мурлыкая и ворча себе под нос.

Ряды зверей дрогнули и заколебались, над ними пронёсся шёпот, который перешёл в крик:

— Он убил человека! Убил человека!

И все посмотрели на дикого слона Хатхи, но тот, казалось, не слышал. Хатхи никогда не торопится, оттого он и живёт так долго.

— В такое время убивать человека! Разве нет другой дичи в джунглях? — презрительно сказала Багира, выходя из осквернённой воды и по-кошачьи отряхивая одну лапу за другой.

— Я убил его не для еды, а потому, что мне так хотелось.

Опять поднялся испуганный ропот, и внимательные белые глазки Хатхи сурово посмотрели в сторону Шер-Хана.

— Потому, что мне так хотелось, — протянул Шер-Хан. — А теперь я пришёл сюда, чтобы утолить жажду и очиститься. Кто мне запретит?

Спина Багиры изогнулась, как бамбук на сильном ветру, но Хатхи спокойно поднял свой хобот.

— Ты убил потому, что тебе так хотелось? — спросил он.

А когда Хатхи спрашивает, лучше отвечать.

— Вот именно. Это было моё право и моя ночь. Ты это знаешь, о Хатхи, — отвечал Шер-Хан почти вежливо.

— Да, я знаю, — ответил Хатхи и, помолчав немного, спросил: — Ты напился вволю?

— На эту ночь — да.

— Тогда уходи. Река для того, чтобы пить, а не для того, чтобы осквернять её. Никто, кроме хромого тигра, не стал бы хвастаться своим правом в такое время… В такое время, когда все мы страдаем вместе — и человек и Народ Джунглей. Чистый или нечистый, ступай в свою берлогу, Шер-Хан!

Последние слова прозвучали, как серебряные трубы. И три сына Хатхи качнулись вперёд на полшага, хотя в этом не было нужды. Шер-Хан ушёл крадучись, не смея даже ворчать, ибо он знал то, что известно всем: если дойдёт до дела, то хозяин джунглей — Хатхи.

— Что это за право, о котором говорил Шер-Хан? — шепнул Маугли на ухо Багире. — Убивать человека всегда стыдно. Так сказано в Законе. А как же Хатхи говорит…

— Спроси его сам. Я не знаю, Маленький Брат. Есть такое право или нет, а я бы проучила как следует Хромого Мясника, если бы не Хатхи. Приходить к Скале Мира, только что убив человека, да ещё хвастаться этим, — выходка, достойная шакала! Кроме того, он испортил хорошую воду.

Маугли подождал с минуту, набираясь храбрости, потому что все в джунглях побаивались обращаться прямо к Хатхи, потом крикнул:

— Что это за право у Шер-Хана, о Хатхи?

Оба берега подхватили его слова, ибо Народ Джунглей очень любопытен, а на глазах у всех произошло нечто такое, чего не понял никто, кроме Балу, который принял самый глубокомысленный вид.

— Это старая история, — сказал Хатхи, — она много старше джунглей. Помолчите там, на берегах, и я расскажу её вам.

Минута или две прошли, пока буйволы и кабаны толкались и отпихивали друг друга, потом вожаки стад повторили один за другим:

— Мы ждём!

И Хатхи шагнул вперёд и стал по колено в воде посреди заводи у Скалы Мира. Несмотря на худобу, морщины и жёлтые бивни, сразу было видно, что именно он — хозяин джунглей.

— Вы знаете, дети мои, — начал он, — что больше всего на свете вы боитесь человека.

Послышался одобрительный ропот.

— Это тебя касается, Маленький Брат, — сказала Багира Маугли.

— Меня? Я охотник Свободного Народа и при-

надлежу Стае, — ответил Маугли. — Какое мне дело до человека?

— А знаете ли вы, почему вы боитесь человека? — продолжал Хатхи. — Вот почему. В начале джунглей, так давно, что никто не помнит, когда это было, все мы паслись вместе и не боялись друг друга. В то время не было засухи, листья, цветы и плоды вырастали на дереве в одно время, и мы питались только листьями, цветами и плодами да корой и травой.

— Как я рада, что не родилась в то время! — сказала Багира. — Кора хороша только точить когти.

— А Господин Джунглей был Тха, Первый из Слонов. Своим хоботом он вытащил джунгли из глубоких вод, и там, где он провёл по земле борозды своими бивнями, побежали реки, и там, где он топнул ногой, налились водою озёра, а когда он затрубил в хобот — вот так, — народились деревья. Вот так Тха сотворил джунгли, и вот так рассказывали мне эту историю.

— Она не стала короче от пересказа! — шепнула Багира.

А Маугли засмеялся, прикрывая рот ладонью.

— В то время не было ни маиса, ни дынь, ни перца, ни сахарного тростника, ни маленьких

хижин, какие видел каждый из вас, и Народы Джунглей жили в лесах дружно, как один народ, не зная ничего о человеке. Но скоро звери начали ссориться из-за пищи, хотя пастбищ хватало на всех. Они обленились. Каждому хотелось пастись там, где он отдыхал, как бывает иногда и у нас, если весенние дожди прошли дружно. У Тха, Первого из Слонов, было много дела: он создавал новые джунгли и прокладывал русла рек. Он не мог поспеть всюду, и потому сделал Первого из Тигров властелином и судьёй над джунглями, и Народ Джунглей приходил к нему со своими спорами. В то время Первый из Тигров ел плоды и траву вместе со всеми. Он был ростом с меня и очень красив: весь жёлтый, как цветы жёлтой лианы. В то доброе старое время, когда джунгли только что народились, на шкуре тигра ещё не было ни полос, ни пятен. Весь Народ Джунглей приходил к нему без страха, и слово его было законом для всех. Не забывайте, что все мы были тогда один народ.[7]

И всё же однажды ночью между двумя быками вышел спор из-за пастбища, такой спор, какие вы теперь решаете с помощью рогов и передних

---

[7] Примечания: 7
Маис — одно из названий кукурузы.

копыт. Говорят, что, когда оба быка пришли жаловаться к Первому из Тигров, лежавшему среди цветов, один из них толкнул его рогами, и Первый из Тигров, позабыв о том, что он властелин и судья над джунглями, бросился на этого быка и сломал ему шею.

До той ночи никто из нас не умирал, и Первый из Тигров, увидев, что он наделал, и потеряв голову от запаха крови, убежал в болота на север; а мы, Народ Джунглей, остались без судьи и начали ссориться и драться между собой. Тха услышал шум и пришёл к нам. И одни из нас говорили одно, а другие — другое, но он увидел мёртвого быка среди цветов и спросил нас, кто его убил, а мы не могли ему сказать, потому что потеряли разум от запаха крови, как теряем его и теперь. Мы метались и кружились по джунглям, скакали, кричали и мотали головами. И Тха повелел нижним ветвям деревьев и ползучим лианам джунглей отметить убийцу, чтобы Первый из Слонов мог узнать его.

И Тха спросил:

«Кто хочет быть Господином Джунглей?»

Выскочила Серая Обезьяна, которая живёт на ветвях, и крикнула:

«Я хочу быть Госпожой Джунглей!»

Тха усмехнулся и ответил:

«Пусть будет так!» — и в гневе ушёл прочь.

Дети, вы знаете Серую Обезьяну. Тогда она была такая же, как и теперь. Сначала она состроила умное лицо, но через минуту начала почёсываться и скакать вверх и вниз, и, возвратившись, Тха увидел, что она висит на дереве головой вниз и передразнивает всех, кто стоит под деревом, и они тоже её дразнят. И так в джунглях не стало больше Закона — одна глупая болтовня и слова без смысла.

Тогда Тха созвал нас всех и сказал:

«Первый ваш Господин принёс в джунгли Смерть, второй — Позор. Теперь пора дать вам Закон, и такой Закон, которого вы не смели бы нарушать. Теперь вы познаете Страх и, увидев его, поймёте, что он господин над вами, а всё остальное придёт само собой».

Тогда мы, Народ Джунглей, спросили:

«Что такое Страх?»

И Тха ответил:

«Ищите и отыщете».

И мы исходили все джунгли вдоль и поперёк в поисках Страха, и вскоре буйволы…

— Уф! — отозвался со своей песчаной отмели Меса, вожак буйволов.

— Да, Меса, то были буйволы. Они принесли весть, что в одной пещере в джунглях сидит Страх, что он безволосый и ходит на задних лапах. Тогда все мы пошли за стадом буйволов к этой пещере, и Страх стоял там у входа. Да, он был безволосый, как рассказывали буйволы, и ходил на задних лапах. Увидев нас, он крикнул, и его голос вселил в нас тот страх, который мы знаем теперь, и мы ринулись прочь, топча и нанося раны друг другу. В ту ночь Народ Джунглей не улёгся отдыхать весь вместе, как было у нас в обычае, но каждое племя легло отдельно — свиньи со свиньями и олени с оленями: рога с рогами и копыта с копытами. Свои залегли со своими и дрожали от страха всю ночь.

Только Первого из Тигров не было с нами: он всё ещё прятался в болотах на севере, и когда до него дошла весть о том, кого мы видели в пещере, он сказал:

«Я пойду к нему и сломаю ему шею».

И он бежал всю ночь, пока не достиг пещеры, но деревья и лианы на его пути, помня повеление Тха, низко опускали свои ветви и метили его на бегу, проводя пальцами по его спине, бокам, лбу и подбородку. И где бы ни дотронулись до него лианы, оставалась метка или полоса на его жёл-

той шкуре. И эти полосы его дети носят до наших дней! Когда он подошёл к пещере, Безволосый Страх протянул руку и назвал его «Полосатый, что приходит ночью», и Первый из Тигров испугался Безволосого и с воем убежал обратно в болота…

Тут Маугли тихонько засмеялся, опустив подбородок в воду.

— …Он выл так громко, что Тха услышал его и спросил:

«О чём ты?»

И Первый из Тигров, подняв морду к только что сотворённому небу, которое теперь так старо, сказал:

«Верни мне мою власть, о Тха! Меня опозорили перед всеми джунглями: я убежал от Безволосого, а он назвал меня позорным именем».

«А почему?» — спросил Тха.

«Потому, что я выпачкался в болотной грязи», — ответил Первый из Тигров.

«Так поплавай и покатайся по мокрой траве, и если это грязь, она, конечно, сойдёт», — сказал Тха.

И Первый из Тигров плавал и плавал, и катался по траве, так что джунгли завертелись у него перед глазами, но ни одно пятнышко не сошло с его шкуры, и Тха засмеялся, глядя на него. Тогда

Первый из Тигров спросил:

«Что же я сделал и почему это случилось со мной?»

Тха ответил:

«Ты убил быка и впустил Смерть в джунгли, а вместе со Смертью пришёл Страх, и потому Народы Джунглей теперь боятся один другого, как ты боишься Безволосого».

Первый из Тигров сказал:

«Они не побоятся меня, потому что я давно их знаю».

«Поди и посмотри», — ответил Тха.

Тогда Первый из Тигров стал бегать взад и вперёд по джунглям и громко звать оленей, кабанов, дикобразов и все Народы Джунглей. И все они убежали от тигра, который был прежде их Судьёй, потому что боялись его теперь.

Тогда Первый из Тигров вернулся к Тха. Гордость его была сломлена, и, ударившись головой о землю, он стал рыть её всеми четырьмя лапами и провыл:

«Вспомни, что я был когда-то Властелином Джунглей! Не забудь меня, о Тха! Пусть мои дети помнят, что когда-то я не знал ни стыда, ни страха!»

И Тха сказал:

«Это я сделаю, потому что мы вдвоём с тобой видели, как создавались джунгли. Одна ночь в году будет для тебя и для твоих детей такая же, как была прежде, пока ты не убил быка. Если ты повстречаешь Безволосого в эту единственную ночь — а имя ему Человек, — ты не испугаешься его, зато он будет бояться тебя и твоих детей, словно вы судьи джунглей и хозяева всего, что в них есть. Будь милосерден к нему в эту ночь Страха, ибо теперь ты знаешь, что такое Страх».

И тогда Первый из Тигров ответил:

«Хорошо. Я доволен».

Но после того, подойдя к реке напиться, он увидел полосы на своих боках, вспомнил имя, которое ему дал Безволосый, и пришёл в ярость. Целый год он прожил в болотах, ожидая, когда Тха исполнит своё обещание. И в одну ночь, когда Лунный Шакал (вечерняя звезда) поднялся над джунглями, тигр почуял, что настала его ночь, и пошёл к той пещере, где жил Безволосый. И всё случилось так, как обещал Первый из Слонов: Безволосый упал на колени перед ним и распростёрся на земле, а Первый из Тигров бросился на него и сломал ему хребет, думая, что в джунглях больше нет Безволосых и что он убил Страх. И тогда, обнюхав свою добычу, он услышал, что

Тха идёт из лесов севера. И вскоре раздался голос Первого из Слонов, тот самый голос, который мы слышим сейчас…

Гром прокатился по иссохшим и растрескавшимся холмам, но не принёс с собой дождя — только зарницы блеснули за дальними горами. И Хатхи продолжал:

— Вот этот голос он и услышал. И голос сказал ему:

«Это и есть твоё милосердие?»

Первый из Тигров облизнулся и ответил:

«Что за беда? Я убил Страх».

И Тха сказал:

«О слепой и неразумный! Ты развязал ноги Смерти, и она станет ходить за тобою по пятам, пока ты не умрёшь. Ты научил человека убивать!»

Первый из Тигров наступил на свою добычу и сказал:

«Он теперь такой же, как тот бык. Страха больше нет, и я по-прежнему буду судить Народы Джунглей».

Но Тха сказал:

«Никогда больше не придут к тебе Народы Джунглей. Никогда не скрестятся их пути с твоими, никогда не будут они спать рядом с тобой, ни

ходить за тобой, ни пастись возле твоей берлоги. Только Страх будет ходить за тобой по пятам и, когда ему вздумается, поражать тебя оружием, которого ты не увидишь. Он сделает так, что земля разверзнется у тебя под ногами, и лиана захлестнёт твою шею, и стволы деревьев нагромоздятся вокруг тебя так высоко, что ты не сможешь через них перепрыгнуть. А напоследок он снимет с тебя шкуру и прикроет ею своих детёнышей, чтобы согреть их. Ты не пощадил его, и он тебе не даст пощады».

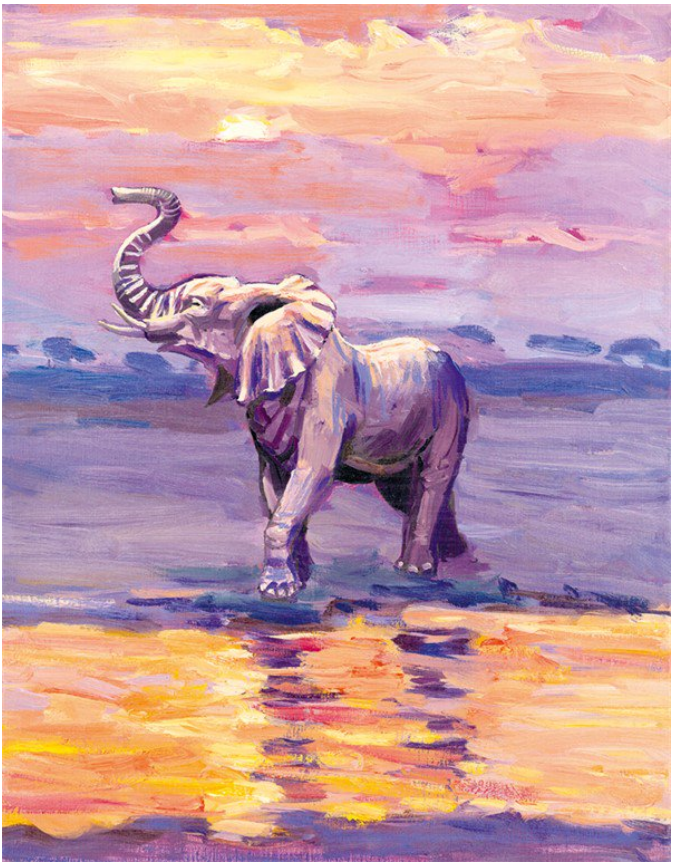
Первый из Тигров был очень отважен, потому что его ночь ещё не прошла, и он сказал:

«Обещание Тха остаётся в силе. Ведь он не отнимет у меня моей ночи?»

И Тха сказал:

«Твоя ночь остаётся твоей, как я обещал, но за неё придётся заплатить. Ты научил человека убивать, а он всё перенимает быстро».

Первый из Тигров ответил:



«Вот он, у меня под ногой, и хребет его сломлен. Пусть узнают все Джунгли, что я убил Страх».

Но Тха засмеялся и сказал:

«Ты убил одного из многих и сам скажешь об этом Джунглям, потому что твоя ночь прошла!»

И вот наступил день — из пещеры вышел другой Безволосый, и, увидев убитого на тропинке и тигра, стоящего над ним, он взял палку с острым концом…

— Теперь они бросают такую острую штуку, — сказал дикобраз Сахи, с шорохом спускаясь к реке.

Гонды (один из древнейших народов Индии) считают Сахи самой вкусной едой — они зовут его Хо-Игу, — и ему известно кое-что о коварном топорике гондов, который летит через просеку, блестя, как стрекоза.

— Это была палка с острым концом, какие втыкают на дно ловчей ямы, — сказал Хатхи. — Безволосый бросил её, и она воткнулась в бок Первому из Тигров. Всё случилось, как сказал Тха: Первый из Тигров с воем бегал по лесу, пока не вырвал палку, и все Джунгли узнали, что Безволосый может поражать издали, и стали бояться больше прежнего. Так вышло, что Первый из Тигров научил Безволосого убивать — а вы сами

знаете, сколько вреда это принесло всем нам, — убивать и петлёй, и ловушкой, и спрятанным капканом, и кусачей мухой, которая вылетает из белого дыма (Хатхи говорил о пуле), и Красным Цветком, который выгоняет нас из лесу. И всё же одну ночь в году Безволосый боится тигра, как обещал Тха, и тигр ничего не сделал, чтобы прогнать его Страх. Где он найдёт Безволосого, там и убивает, помня, как опозорили Первого из Тигров.

И теперь Страх свободно разгуливает по джунглям днём и ночью.

— Ахи! Ао! — вздохнули олени, думая, как важно всё это для них.

— И только когда один Великий Страх грозит всем, как теперь, мы в джунглях забываем свои мелкие страхи и сходимся в одно место, как теперь.

— Человек только одну ночь боится тигра? — спросил Маугли.

— Только одну ночь, — ответил Хатхи.

— Но ведь я… но ведь мы… но ведь все джунгли знают, что Шер-Хан убивает человека дважды и трижды в месяц.

— Это так. Но тогда он бросается на него сзади и, нападая, отворачивает голову, потому что боится.

Если человек посмотрит на тигра, он убежит. А в свою ночь он входит в деревню не прячась. Он идёт между домами, просовывает голову в дверь, а люди падают перед ним на колени, и тогда он убивает. Один раз — в ту ночь.

«О! — сказал Маугли про себя, перевёртываясь в воде с боку на бок. — Теперь я понимаю, почему Шер-Хан попросил меня взглянуть на него. Ему это не помогло, он не мог смотреть мне в глаза, а я… разумеется, не упал перед ним на колени. Но ведь я не человек, я принадлежу Свободному Народу».

— Гм-м! — глухо проворчала Багира. — А тигр знает свою ночь?

— Нет, не знает, пока Лунный Шакал не выйдет из ночного тумана. Иногда эта ночь бывает летом, в сухое время, а иногда зимой, когда идут дожди. Если бы не Первый из Тигров, этого не случилось бы и никто из нас не знал бы Страха.

Олени грустно вздохнули, а Багира коварно улыбнулась.

— Люди знают эту… сказку? — спросила она.

— Никто её не знает, кроме тигров и нас, слонов, детей Тха. Теперь и вы, те, что на берегах, слышали её, и больше мне нечего сказать вам.

Хатхи окунул хобот в воду в знак того, что не

желает больше разговаривать.

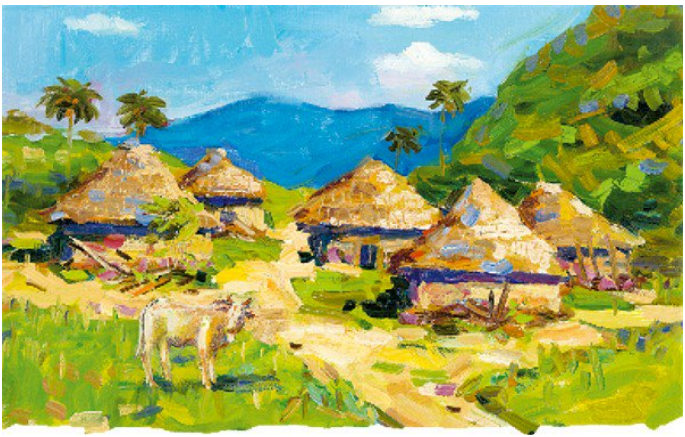
— Но почему же, почему, — спросил Маугли, обращаясь к Балу, — почему Первый из Тигров перестал есть траву, плоды и листья? Ведь он только сломал шею быку. Он не сожрал его. Что же заставило его отведать свежей крови?

— Деревья и лианы заклеймили тигра, Маленький Брат, и он стал полосатым, каким мы видим его теперь. Никогда больше не станет он есть их плодов, и с того самого дня он мстит оленям, буйволам и другим травоедам, — сказал Балу.

— Так ты тоже знаешь эту сказку? Да? Почему же я никогда её не слыхал?

— Потому, что джунгли полны таких сказок. Стоит только начать, им и конца не будет. Пусти моё ухо, Маленький Брат!

«Тигр, тигр!»



После драки на Скале Совета Маугли ушёл из волчьего логова и спустился вниз, к пашням, где жили люди, но не остался там — джунгли были слишком близко, а он знал, что на Совете нажил себе не одного лютого врага. И потому он побежал дальше, держась дороги по дну долины, и отмахал около двадцати миль ровной рысью, пока не добрался до мест, которых ещё не знал. Тут начиналась широкая равнина, усеянная скалами

и изрезанная оврагами. На одном краю равнины стояла маленькая деревушка, с другого края густые джунгли дугой подступали к самому выгону и сразу обрывались, словно срезанные мотыгой. По всей равнине паслись коровы и буйволы, и мальчики, сторожившие стадо, завидев Маугли, убежали с криком, а бездомные жёлтые псы, которых много возле каждой индийской деревни, подняли лай. Маугли пошёл дальше, потому что был голоден, и, дойдя до деревенской околицы, увидел, что большой терновый куст, которым в сумерки загораживают ворота, отодвинут в сторону.

— Гм! — сказал Маугли (он не в первый раз натыкался на такие заграждения во время своих ночных вылазок за едой). — Значит, люди и здесь боятся Народа Джунглей!

Он сел у ворот и, как только за ворота вышел человек, вскочил на ноги, раскрыл рот и показал на него пальцем в знак того, что хочет есть. Человек посмотрел на него, побежал обратно по единственной деревенской улице и позвал жреца — высокого и толстого человека, одетого во всё белое, с красным и жёлтым знаком на лбу. Жрец подошёл к воротам, а за ним прибежало не меньше сотни жителей деревушки: они гла-

зели, болтали, кричали и показывали на Маугли пальцами.

«Какие они невежи, эти люди! — сказал про себя Маугли. — Только серые обезьяны так себя ведут». И, отбросив назад свои длинные волосы, он хмуро посмотрел на толпу.

— Чего же тут бояться? — сказал жрец. — Видите знаки у него на руках и на ногах? Это волчьи укусы. Он волчий приёмыш и прибежал к нам из джунглей.

Играя с Маугли, волчата нередко кусали его сильнее, чем хотели, и руки и ноги мальчика были сплошь покрыты белыми рубцами. Но Маугли никогда в жизни не назвал бы эти рубцы укусами: он хорошо знал, какие бывают настоящие укусы.

— Ой! Ой! — сказали в один голос две-три женщины. — Весь искусан волками, бедняжка! Красивый мальчик. Глаза у него как огоньки. Право, Мессуа, он очень похож на твоего сына, которого унёс тигр.

— Дайте мне взглянуть, — сказала женщина с тяжёлыми медными браслетами на запястьях и щиколотках и, прикрыв глаза ладонью, посмотрела на Маугли. — Да, очень похож! Он худее, зато лицом он точь-в-точь мой сын.

Жрец был человек ловкий и знал, что муж

Мессуа — один из первых деревенских богачей. И потом он возвёл глаза к небу и произнёс торжественно:

— Что джунгли взяли, то джунгли и отдали. Возьми мальчика к себе в дом, сестра моя, и не забывай оказывать почёт жрецу, которому открыто всё будущее человека.

«Клянусь буйволом, выкупившим меня, — подумал Маугли, — всё это очень похоже на то, как меня осматривала Стая! Что ж, если я человек, то и буду человеком».

Толпа расступилась, и женщина сделала Маугли знак, чтобы он шёл за ней в хижину, где стояла красная лакированная кровать. А ещё там было много вещей: большой глиняный сосуд для зерна, покрытый забавным выпуклым узором, с полдюжины медных котелков для стряпни, божок в маленькой нише и на стене — настоящее зеркало, какое можно купить на деревенской ярмарке за восемь центов.

Она дала Маугли вволю молока и кусочек хлеба, потом положила руку ему на голову и заглянула в глаза; ей всё-таки думалось, что, может быть, это и в самом деле её родной сын вернулся из джунглей, куда его унёс тигр. И она позвала:

— Натху! О Натху!

Маугли ничем не показал, что это имя ему знакомо.

— Разве ты забыл тот день, когда я подарила тебе новые башмаки? — Она дотронулась до его ступни, твёрдой почти как рог. — Нет, — сказала она с грустью, — эти ноги никогда не знали башмаков. Но ты очень похож на моего Натху и будешь моим сыном.

Маугли стало не по себе, оттого что он до сих пор никогда ещё не бывал под крышей. Но, взглянув на соломенную кровлю, он увидел, что сможет её разобрать, если захочет выбраться на волю, и что окно не запирается.

«Что толку быть человеком, если не понимаешь человечьей речи? — сказал он себе. — Здесь я так же глуп и нем, как человек у нас в джунглях. Надо научиться их языку».

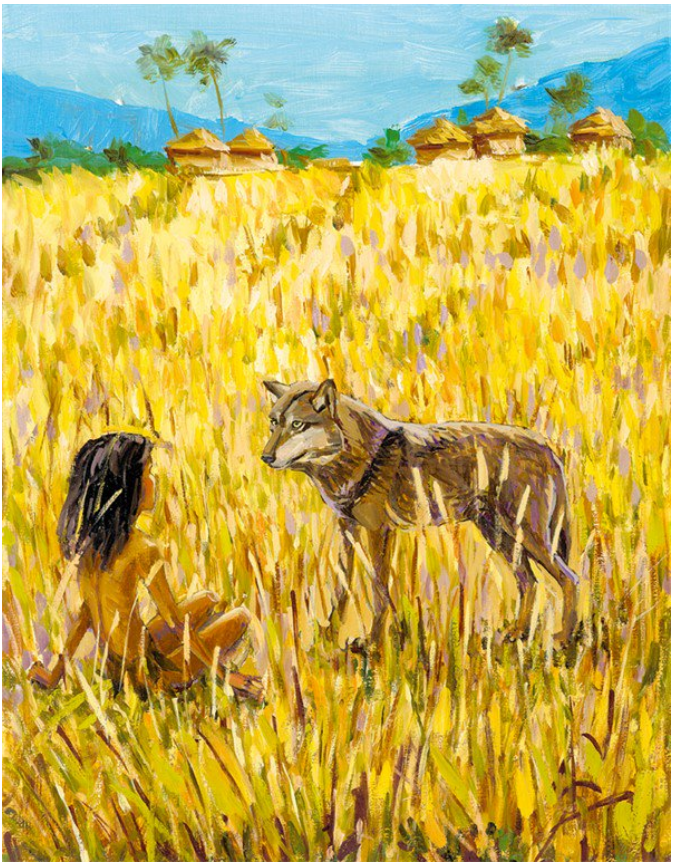
Недаром, живя с волками, он выучился подражать боевому кличу оленей в джунглях и хрюканью диких свиней. Как только Мессуа произносила какое-нибудь слово, Маугли очень похоже повторял его за ней и ещё до темноты заучил названия многих предметов в хижине.

Пришло время спать, но Маугли ни за что не хотел ложиться в хижине, похожей на ловушку для пантеры, и, когда заперли дверь, он выскочил

в окно.

— Оставь его, — сказал муж Мессуи. — Не забывай, что он никогда ещё не спал на кровати. Если он вправду послан нам вместо сына, он никуда не убежит.

И Маугли растянулся среди высокой чистой травы на краю поля. Но не успел он закрыть глаза, как чей-то мягкий серый нос толкнул его в шею.



— Фу! — сказал Серый Брат (это был старший из детёнышей Матери Волчицы). — Стоило ради этого бежать за тобой двадцать миль! От тебя пахнет дымом и хлевом — совсем как от человека. Проснись, Маленький Брат, я принёс тебе новости.

— Все ли здоровы в джунглях? — спросил Маугли, обнимая его.

— Все, кроме волков, которые обожглись Красным Цветком. Теперь слушай, Шер-Хан ушёл охотиться в дальние леса, пока не заживёт его шкура, — он весь в ожогах. Он поклялся, что побросает твои кости в реку, когда вернётся.

— Ну, это мы ещё посмотрим. Я тоже кое в чём поклялся. Однако новости всегда приятно слышать. Я устал сегодня, очень устал от всего нового, Серый Брат, но ты мне всегда рассказывай, что знаешь нового.

— Ты не забудешь, что ты волк? Люди не заставят тебя забыть нас? — тревожно спросил Серый Брат.

— Никогда! Я никогда не забуду, что люблю тебя и всех в нашей пещере. Но не забуду и того, что меня прогнали из Стаи…

— …и что тебя могут прогнать из другой стаи, Маленький Брат. Люди есть люди, и речь их похожа на речь лягушек в пруду. Когда я приду

сюда снова, я буду ждать тебя в бамбуках на краю выгона.

В течение трёх месяцев после этой ночи Маугли почти не выходил за деревенские ворота, так он был занят, изучая повадки и обычаи людей. Прежде всего ему пришлось надеть повязку вокруг бёдер, что очень его стесняло, потом выучиться считать деньги, непонятно зачем, потом пахать землю, в чём он не видел пользы. Деревенские дети постоянно дразнили его. К счастью, Закон Джунглей научил Маугли сдерживаться, ибо в джунглях от этого зависит жизнь и пропитание. Но когда дети дразнили его за то, что он не хотел играть с ними или пускать змея, или за то, что он не так выговаривал какое-нибудь слово, одна только мысль, что недостойно охотника убивать маленьких, беззащитных детёнышей, не позволяла ему схватить и разорвать их пополам.

Маугли сам не знал своей силы. В джунглях он чувствовал себя гораздо слабее зверей, а в деревне люди говорили, что он силён, как бык. Он не понимал, что такое страх, и когда деревенский жрец сказал ему, что бог в храме разгневается на Маугли, если он будет красть у жреца сладкие плоды манго, Маугли схватил статую божка, притащил её к жрецу в дом и попросил сделать так,

чтобы бог разгневался и Маугли можно было бы подраться с ним. Соблазн был большой, но жрец замял дело, а мужу Мессуи пришлось заплатить немало серебра, чтобы успокоить бога.

Кроме того, Маугли не имел никакого понятия о тех различиях между людьми, которые создаёт каста. Когда осёл гончара свалился в яму, Маугли вытащил его за хвост и помог уложить горшки для отправки на рынок в Канхивару. Это было уже из рук вон плохо, потому что гончар принадлежал к низшей касте, а про осла и говорить нечего. Когда жрец стал бранить Маугли, тот пригрозил посадить и его на осла, и жрец сказал мужу Мессуи, что самое лучшее — поскорее приставить Маугли к какому-нибудь делу. После этого деревенский староста велел Маугли отправляться завтра утром на пастбище стеречь буйволов. Больше всех был доволен этим Маугли. В тот же вечер, считая себя уже на службе у деревни, он присоединился к кружку, который собирался каждый вечер на каменной площадке под большой смоковницей. Это был деревенский клуб, куда сходились курить и староста, и цирюльник, и сторож, знавшие наперечёт все деревенские сплетни, и старик Балдео, деревенский охотник, у которого имелся английский мушкет. Обезьяны

сидели и болтали на верхних ветвях смоковницы, а в норе под площадкой жила кобра, которой каждый вечер ставили блюдечко молока, потому что она считалась священной. Старики рассаживались вокруг дерева, болтали до поздней ночи и курили табак из больших кальянов. Они рассказывали удивительные истории о людях, богах и привидениях, а Балдео рассказывал ещё более удивительные истории о повадках зверей в Джунглях, так что у мальчиков, сидевших вне круга, дух захватывало. Больше всего рассказов было про зверей, потому что джунгли [8]подходили вплотную к деревне. Олени и дикие свиньи подкапывали посевы, и время от времени в сумерках тигр уносил человека на глазах у всех, чуть ли не от самых деревенских ворот.

Маугли, который, разумеется, хорошо знал то, о чём здесь рассказывали, закрывал лицо руками, чтобы никто не видел, как он смеётся. Балдео, положив мушкет на колени, переходил от одной удивительной истории к другой, а у Маугли тряслись плечи от смеха.

Балдео толковал о том, что тигр, который унёс

---

[8] Примечания: 8

Каста — в Индии и некоторых других восточных странах замкнутая группа людей, для которых характерны определённое поведение и особая профессия.

сына Мессуи, был оборотень и что в него вселилась душа злого старого ростовщика, который умер несколько лет назад...[9]

— И это верно, я знаю, — говорил он, — потому что Пуран Дас всегда хромал. Ему зашибли ногу во время бунта, когда сожгли все его счётные книги, а тот тигр, о котором я говорю, тоже хромает: его лапы оставляют неровные следы.

— Верно, верно, так оно и есть! — подтвердили седые бороды, дружно кивая головами.

— Неужели все ваши россказни такая старая труха? — сказал Маугли. — Этот тигр хромает потому, что родился хромым, как всем известно. Болтать, будто душа ростовщика живёт в звере, который всегда был трусливее шакала, могут только малые дети.

Балдео на минуту онемел от изумления, а староста вытаращил глаза.

— Ого! Это ведь мальчишка из джунглей! — сказал Балдео. — Если уж ты так умён, тогда лучше отнеси шкуру этого тигра в Канхивару — правительство назначило сто рупий за его голову. А ещё лучше помолчи, когда говорят старшие.

Маугли встал, собираясь уходить.

---

[9] Примечания: 9

Ростовщик — человек, дающий деньги в долг под большие проценты.

— Весь вечер я лежал тут и слушал, — отозвался он, оглянувшись через плечо, — и за всё это время, кроме одного или двух раз, Балдео не сказал ни слова правды о джунглях, а ведь они у него за порогом. Как же я могу поверить сказкам о богах, привидениях и злых духах, которых он будто бы видел?

— Этому мальчику давно пора к стаду, — сказал староста. А Балдео пыхтел и фыркал, возмущаясь дерзостью Маугли.

Во многих индийских деревнях мальчики с раннего утра выгоняют коров и буйволов на пастбище, а вечером пригоняют их обратно, и те самые буйволы, которые затоптали бы белого человека насмерть, дозволяют колотить и гонять себя детям, которые едва достают им до морды. Пока мальчики держатся возле буйволов, им не грозит никакая опасность — даже тигр не посмеет напасть на целое стадо. Но если они отойдут собирать цветы или ловить ящериц, их может унести тигр.

Ранним утром Маугли проехал по деревенской улице, сидя на спине Рамы, самого большого буйвола в стаде. Сине-серые буйволы с длинными, загнутыми назад рогами и диковатым взглядом один за другим выбирались из хлевов и шли за

вожаком Рамой, и Маугли дал понять остальным мальчикам, что хозяин здесь он. Он колотил буйволов длинной отполированной бамбуковой палкой и сказал одному из мальчиков, по имени Камия, что проедет дальше с буйволами, а мальчики пусть пасут коров без него и ни в коем случае не отходят от стада.

Индийское пастбище — это сплошные камни, кусты, пучки жёсткой травы и неглубокие овраги, по которым разбредается и прячется стадо. Буйволы обычно держатся вблизи болот, где много ила, и целыми часами лежат и греются в горячей от солнца грязи. Маугли пригнал стадо на тот край равнины, где Вайнганга выходит из джунглей, соскочил с шеи Рамы, подбежал к бамбуковой рощице и нашёл там Серого Брата.

— Ага, — сказал Серый Брат, — я уже много дней жду тебя здесь. Для чего тебе эта возня со стадом?

— Так мне приказано, — сказал Маугли. — Пока что я деревенский пастух. А где Шер-Хан?

— Он вернулся в эти места и долго подстерегал тебя здесь. Теперь он опять ушёл, потому что дичи мало. Он хочет убить тебя.

— Отлично! — сказал Маугли. — Пока его здесь нет, ты или кто-нибудь из четверых братьев

должен сидеть на этой скале, чтобы я тебя видел, когда выхожу из деревни. Когда он вернётся, ждите меня в овраге посреди равнины, под деревом дхак. Незачем лезть в самую пасть Шер-Хану.

После этого Маугли выбрал тенистое место и уснул, а буйволы паслись вокруг него. Пасти скот в Индии — занятие для лентяев. Коровы передвигаются с места на место и жуют, потом ложатся, потом опять двигаются дальше и даже не мычат. Они только фыркают, а буйволы очень редко говорят что-нибудь. Они входят в илистые заводи один за другим и забираются в грязь по самую морду, так что видны только нос да синие, словно фарфоровые, глаза, и лежат там, как колоды. Нагретые солнцем скалы словно струятся от зноя, и пастушата слышат, как коршун (всегда только один) незримо посвистывает у них над головой, и знают, что, если кто-нибудь из них умрёт или издохнет корова, этот коршун слетит вниз и соседний коршун за много миль отсюда увидит, как тот спустился, и тоже полетит за ним, а потом ещё один, и ещё, так что едва успеет кто-нибудь умереть, как двадцать голодных коршунов являются неизвестно откуда. Мальчики дремлют, просыпаются и снова засыпают, плетут маленькие корзиночки из сухой травы и сажают

в них кузнечиков; а то поймают двух богомолов и заставляют их драться; а то нижут бусы из красных и чёрных лесных орехов или смотрят, как ящерица греется на солнце, или как змея возле лужи охотится за лягушкой. Потом они поют долгие, протяжные песни со странными переливами в конце, и день кажется им длиннее, чем вся жизнь другим людям. А иногда вылепят дворец или храм из глины с фигурками людей, лошадей и буйволов, вложат тростинки людям в руки, будто бы это владетельные князья, а остальные фигурки — их войско, или будто бы это боги, а остальные им молятся. Потом наступает вечер, дети сзывают стадо, и буйволы один за другим поднимаются из густой грязи с шумом пушечного выстрела, и всё стадо тянется вереницей через серую равнину обратно, к мерцающим огонькам деревни.

День за днём водил Маугли буйволов к илистым заводям, день за днём видел Серого Брата на равнине (и потому знал, что Шер-Хан ещё не вернулся), день за днём он лежал в траве, прислушиваясь к звукам вокруг него, и думал о прежней жизни в джунглях. Если бы Шер-Хан оступился своей хромой лапой где-нибудь в зарослях на берегу Вайнганги, Маугли услышал бы его в эти

долгие тихие утра.

Настал наконец день, когда Маугли не увидел Серого Брата на условленном месте, и, засмеявшись, он погнал буйволов к оврагу под деревом дхак, сплошь покрытым золотисто-красными цветами. Там сидел Серый Брат, и каждый волосок на его спине поднялся дыбом.

— Он прятался целый месяц, чтобы сбить тебя со следа. Вчера ночью он перешёл горы вместе с Табаки и теперь идёт по горячим следам за тобой, — сказал волк, тяжело дыша.

Маугли нахмурился:

— Я не боюсь Шер-Хана, но Табаки очень хитёр.

— Не бойся, — сказал Серый Брат, слегка облизнув губы. — Я повстречал Табаки на рассвете. Теперь он рассказывает все свои хитрости коршунам. Но, прежде чем я сломал ему хребет, он всё рассказал мне. Шер-Хан намерен ждать тебя сегодня вечером у деревенских ворот, только тебя и никого другого. А теперь он залёг в большом пересохшем овраге у реки.

— Ел он сегодня или охотится на пустой желудок? — спросил Маугли, потому что от ответа зависела его жизнь или смерть.

— Он зарезал свинью на рассвете, а теперь ещё

напился вволю. Не забудь, что Шер-Хан не может пробыть и одного дня без еды даже ради мести.

— О глупец, глупец! Щенок щенков! Наелся да ещё и напился и думает, что я стану ждать, пока он выспится! Так где же он залёг? Если бы нас было хоть десятеро, мы сбили бы с него спесь. Эти буйволы не захотят нападать, если не почуют тигра, а я не умею говорить на их языке. Нельзя ли нам пойти по его следу, чтобы буйволы его почуяли?

— Он проплыл далеко вниз по Вайнганге, чтобы след потерялся, — ответил Серый Брат.

— Это Табаки его надоумил, я знаю. Сам он никогда не догадался бы. — Маугли стоял, положив палец в рот, и раздумывал. — Большой овраг Вайнганги — он выходит на равнину почти за полмили отсюда. Я могу повести стадо кругом, через джунгли, вверху оврага, а потом спуститься вниз, но тогда он уйдёт от нас по дну оврага. Надо загородить тот конец. Серый Брат, можешь ты разделить стадо пополам?

— Не знаю, может быть, и не сумею, но я привёл тебе умного помощника.

Серый Брат отбежал в сторону и соскочил в яму. Оттуда поднялась большая серая голова, хорошо знакомая Маугли, и знойный воздух наполнило самым тоскливым воем, какой только можно услышать в джунглях, — то был охотничий клич волка в полуденное время.

— Акела! Акела! — крикнул Маугли, хлопая в ладоши. — Я так и знал, что ты меня не забудешь! Нам предстоит большая работа. Раздели стадо надвое, Акела. Собери коров с телятами, а быков и рабочих буйволов — отдельно.

Оба волка, делая петли, забегали в стаде среди буйволов и коров, которые фыркали и закидывали вверх головы, и разделили его на две группы. В одной стояли коровы, окружив телят кольцом, и, злобно глядя, рыли копытами землю, готовые броситься на волка и растоптать его насмерть, если только он остановится. В другой группе фыркали и рыли землю быки и молодые бычки, которые казались страшнее, но были далеко не так опасны, потому что не защищали своих телят. Люди и вшестером не сумели бы разделить стадо так ловко.

— Что прикажешь ещё? — спросил Акела, зады-

хаясь. — Они хотят опять сойтись вместе.

Маугли вскочил на спину Рамы:

— Отгони быков подальше налево, Акела. Серый Брат, когда мы уйдём, не давай коровам разбегаться и загоняй их в устье оврага.

— Далеко ли? — спросил Серый Брат, тяжело дыша и щёлкая зубами.

— До того места, где склоны всего круче, чтобы Шер-Хан не мог выскочить! — крикнул Маугли. — Задержи их там, пока мы не подойдём.

Быки рванулись вперёд, услышав голос Акелы, а Серый Брат вышел и стал перед коровами. Те бросились на него, и он побежал перед самым стадом к устью оврага, а в это время Акела отогнал быков далеко влево.

— Хорошо сделано! Ещё раз — и они дружно двинутся вперёд. Осторожней теперь, осторожней, Акела! Стоит только щёлкнуть зубами, и они бросятся на тебя! Ого! Бешеная работа, хуже, чем гонять чёрных оленей! Думал ли ты, что эти твари могут так быстро двигаться? — спросил Маугли.

— Я… я охотился и на них в своё время, — задыхаясь от пыли, отозвался Акела. — Повернуть их в джунгли?

— Да, поверни. Поверни их скорее! Рама бесится

от злости. О, если б я только мог сказать ему, что мне от него нужно!

Быки повернули, на этот раз направо, и с шумом бросились в чащу. Мальчики-пастухи, сторожившие стадо полумилей дальше, со всех ног бросились в деревню, крича, что буйволы взбесились и убежали.

План Маугли был довольно прост. Он хотел сделать большой круг по холмам и дойти до верха оврага, а потом согнать быков вниз, чтобы Шер-Хан попал между быками и коровами. Он знал, что, наевшись и напившись вволю, Шер-Хан не сможет драться и не вскарабкается по склонам оврага. Теперь Маугли успокаивал буйволов голосом, а Акела бежал позади, подвывая изредка, чтобы подогнать отстающих. Пришлось делать большой-большой круг, потому что они не хотели подходить слишком близко к оврагу, чтобы не вспугнуть Шер-Хана. Наконец Маугли повернул стадо на поросший травой обрыв, круто спускавшийся к оврагу. С обрыва из-за вершин деревьев была видна равнина внизу, но Маугли смотрел только на склоны оврага и с немалым удовольствием видел, что они очень круты, почти отвесны, и что плющ и лианы, которые их заплели, не удержат тигра, если он захочет вы-

браться наверх.

— Дай им вздохнуть, Акела, — сказал он, поднимая руку. — Они ещё не почуяли тигра. Дай им вздохнуть. Надо же сказать Шер-Хану, кто идёт. Мы поймали его в западню.

Он приложил руки ко рту и крикнул в овраг — это было всё равно что кричать в туннель, — и эхо покатилось от скалы к скале.

Очень не скоро в ответ послышалось протяжное сонное ворчание сытого тигра, который только что проснулся.

— Кто зовёт? — рявкнул Шер-Хан, и великолепный павлин с резким криком выпорхнул из оврага.

— Я, Маугли! Пора тебе явиться на Скалу Совета, коровий вор! Вниз! Гони их вниз, Акела! Вниз, Рама, вниз!

На миг стадо замерло на краю обрыва, но Акела провыл во весь голос охотничий клич, и буйволы один за другим нырнули в овраг, как пароходы ныряют через пороги. Песок и камни полетели фонтаном во все стороны.

Раз двинувшись, стадо уже не могло остановиться, и не успело оно спуститься на дно оврага, как Рама замычал, почуяв Шер-Хана.

— Ага! — сказал Маугли, сидевший на его

спине. — Теперь ты понял!

И поток чёрных рогов, морд, покрытых пеной, и выпученных глаз покатился по оврагу точно так, как катятся валуны в половодье: буйволов послабее оттеснили к бокам оврага, где они с трудом продирались сквозь лианы. Буйволы поняли, что им предстоит: напасть всем стадом и со всех сил, чего не выдержит ни один тигр. Шер-Хан, заслышав топот копыт, вскочил и неуклюже затрусил вниз по оврагу, озираясь по сторонам в поисках выхода. Но откосы поднимались почти отвесно, и он бежал дальше и дальше, отяжелев от еды и питья, готовый на всё, лишь бы не драться. Стадо уже расплёскивало лужу, по которой он только что прошёл, и мычало так, что стон стоял в узком проходе. Маугли услышал ответное мычание в конце оврага и увидел, как повернул Шер-Хан (тигр понимал, что лучше встретиться с быками, чем с коровами и телятами). Потом Рама оступился, споткнулся и прошёл по чему-то мягкому и, подгоняемый остальным быками, на всём ходу врезался в другую половину стада. Буйволов послабее это столкновение просто сбило с ног. И оба стада вынеслись на равнину, бодаясь, фыркая и топоча копытами.

Маугли выждал сколько надо и соскользнул

со спины Рамы, колотя направо и налево своей палкой.

— Живо, Акела, разводи стадо! Разгоняй их, не то они начнут бодать друг друга! Отгони их подальше, Акела. Эй, Рама! Эй, эй, эй, дети мои! Тихонько теперь, тихонько! Всё уже кончено.

Акела и Серый Брат бегали взад и вперёд, кусая буйволов за ноги, и хотя стадо опять направилось было в овраг, Маугли сумел повернуть Раму, а остальные буйволы побрели за ним к болотам.

Шер-Хана не нужно было больше топтать. Он был мёртв, и коршуны уже слетались к нему.

— Братья, вот это была собачья смерть! — сказал Маугли, нащупывая нож, который всегда носил в ножнах на шее, с тех пор как стал жить с людьми. — Но он всё равно был трус, и не стал бы драться. Да! Его шкура будет очень хороша на Скале Совета. Надо скорей приниматься за работу.

Мальчику, выросшему среди людей, никогда не пришло бы в голову одному свежевать десятифутового тигра, но Маугли лучше всякого другого знал, как прилажена шкура животного и как её надо снимать. Однако работа была трудная, и Маугли старался целый час, отдирая и полосуя шкуру ножом, а волки смотрели, высунув язык, или подходили и тянули шкуру, когда он прика-

зывал им.

Вдруг чья-то рука легла на плечо Маугли, и, подняв глаза, мальчик увидел Балдео с английским мушкетом. Пастухи рассказали в деревне о том, что буйволы взбесились и убежали, и Балдео вышел сердитый, заранее приготовившись наказать Маугли за то, что он плохо смотрел за стадом. Волки скрылись из виду, как только заметили человека.

— Что это ещё за глупости? — сердито спросил Балдео. — Да разве тебе ободрать тигра! Где буйволы его убили? К тому же это хромой тигр, и за его голову назначено сто рупий. Ну-ну, мы не взыщем с тебя за то, что ты упустил стадо, и, может быть, я дам тебе одну рупию, после того как отвезу шкуру в Канхивару.

Он нащупал за поясом кремень и огниво и нагнулся, чтобы опалить Шер-Хану усы. Почти все охотники в Индии подпаливают тигру усы, чтобы его призрак не тревожил их.

— Гм! — сказал Маугли вполголоса, снимая кожу с передней лапы. — Так ты отвезёшь шкуру в Канхивару, получишь награду и, может быть, дашь мне одну рупию? А я так думаю, что шкура понадобится мне самому. Эй, старик, убирайся с огнём подальше!

— Как ты смеешь так разговаривать с первым охотником деревни? Твоё счастье и глупость буйволов помогли тебе заполучить такую добычу. Тигр только что наелся, иначе он был бы сейчас в двадцати милях отсюда. Ты даже ободрать его не сумеешь как следует, нищий мальчишка, да ещё смеешь говорить мне, Балдео, чтобы я не подпаливал тигру усов! Нет, Маугли, я не дам тебе из награды ни одного медяка, зато поколочу тебя как следует. Отойди от туши!

— Клянусь буйволом, который выкупил меня, — сказал Маугли, снимая шкуру с лопатки, — неужели я потрачу весь полдень на болтовню с этой старой обезьяной? Сюда, Акела, этот человек надоел мне!

Балдео, который всё ещё стоял, нагнувшись над головой Шер-Хана, вдруг растянулся на траве, а когда пришёл в себя, то увидел, что над ним стоит серый волк, а Маугли по-прежнему снимает шкуру, как будто он один во всей Индии.

— Да-а, — сказал Маугли сквозь зубы, — ты прав, Балдео: ты не дашь мне ни одного медяка из награды. Я давно воюю с этим хромым тигром, очень давно, и верх теперь мой!

Надо отдать Балдео справедливость — будь он лет на десять помоложе, он бы не побоялся схва-

титься с Акелой, повстречав его в лесу, но волк, повинующийся слову мальчика, у которого есть личные счёты с тигром-людоедом, — не простой зверь. Тут колдовство, самые опасные чары, думал Балдео и уже не надеялся, что амулет на шее защитит его. Он лежал едва дыша и ждал, что Маугли вот-вот превратится в тигра.

— Махараджа! Владыка! — произнёс он наконец хриплым шёпотом.[10]

— Да? — ответил Маугли, не поворачивая головы и слегка посмеиваясь.

— Я уже старик. Откуда я знал, что ты не простой пастушонок? Можно ли мне встать и уйти отсюда или твой слуга разорвёт меня в клочки?

— Ступай, да будет мир с тобой. Только в другой раз не мешайся в мои дела. Пусти его, Акела!

Балдео заковылял в деревню, спеша и поминутно оглядываясь через плечо, не превратится ли Маугли во что-нибудь страшное. Добравшись до деревни, он рассказал такую историю о напущенных на него чарах, волшебстве и колдовстве, что жрец не на шутку испугался.

Маугли работал не отдыхая, однако надвигались уже сумерки, когда он вместе с волками

---

[10] Примечания: 10

Махараджа — высший титул индийского правителя.

снял с туши большую пёструю шкуру.

— Теперь надо спрятать шкуру и гнать буйволов домой. Помоги мне собрать их, Акела!

Стадо собрали в сумеречной мгле, и, когда оно приближалось к деревне, Маугли увидел огни и услышал, как в храме звонят в колокола и трубят в раковины. Казалось, полдеревни собралось к воротам встречать Маугли.[11]

«Это потому, что я убил Шер-Хана», — подумал он. Но целый дождь камней просвистел мимо него, и люди закричали:

— Колдун! Оборотень! Волчий выкормыш! Ступай прочь! Да поживее, не то жрец опять превратит тебя в волка! Стреляй, Балдео, стреляй!

Старый английский мушкет громко хлопнул, и в ответ замычал от боли раненый буйвол.

— Опять колдовство! — закричали люди. — Он умеет отводить пули! Балдео, ведь это твой буйвол!

— Это ещё что такое? — спросил растерянно Маугли, когда камни полетели гуще.

— А ведь они похожи на Стаю, эти твои братья, — сказал Акела, спокойно усаживаясь на

---

[11] Примечания: 11

Трубят в раковины — в Индии раковины используют в священных ритуалах, например, трубя в раковину, открывают или закрывают богослужения в храмах.

земле. — Если пули что-нибудь значат, они как будто собираются прогнать тебя.

— Волк! Волчий выкормыш! Ступай прочь! — кричал жрец, размахивая веткой священного растения тулей.[12]

— Опять? Прошлый раз меня гнали за то, что я человек. На этот раз за то, что я волк. Пойдём, Акела!

Женщина — это была Мессуа — перебежала через дорогу к стаду и крикнула:

— О сын мой, сын мой! Они говорят, что ты колдун и можешь, когда захочешь, превращаться в волка! Я им не верю, но всё-таки уходи, а то они убьют тебя. Балдео говорит, что ты чародей, но я знаю, что ты отомстил за смерть моего Натху.

— Вернись, Мессуа! — кричала толпа. — Вернись, не то мы побьём тебя камнями!

Маугли засмеялся коротким, злым смехом — камень ударил его по губам.

— Беги назад, Мессуа. Это глупая сказка из тех, какие рассказывают под большим деревом в сумерки. Я всё-таки отомстил за твоего сына. Прощай и беги скорее, потому что я сейчас пошлю на них стадо, а оно движется быстрее, чем

---

[12] Примечания: 12

Тулей, туласи — базилик, священное растение в индуизме.

камни. Я не колдун, Мессуа. Прощай!.. Ну, ещё раз, Акела! — крикнул он. — Гони стадо в ворота!

Буйволы и сами рвались в деревню. Они не нуждались в том, чтобы их подгонял вой Акелы, и вихрем влетели в ворота, расшвыряв толпу направо и налево.

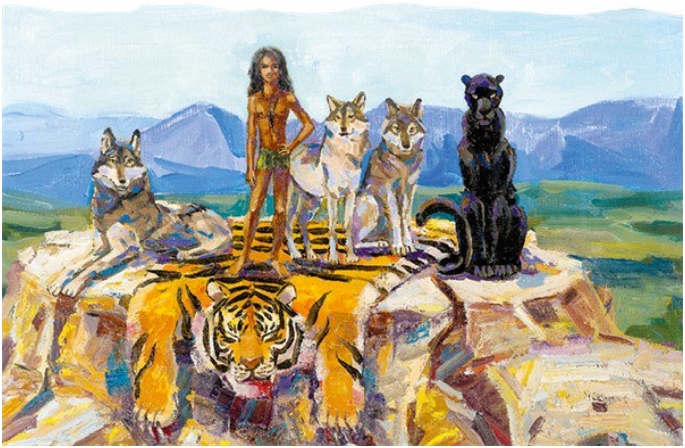
— Считайте! — презрительно крикнул Маугли. — Может быть, я украл у вас буйвола? Считайте, потому что больше я не стану пасти для вас стада. Прощайте, люди, и скажите спасибо Мессуе, что я не позвал своих волков и не стал гонять вас взад и вперёд по деревенской улице.

Он повернулся и пошёл прочь вместе с волком-одиночкой и, глядя вверх на звёзды, чувствовал себя счастливым.

— Больше я уж не стану спать в ловушках, Акела. Давай возьмём шкуру Шер-Хана и пойдём отсюда. Нет, деревню мы не тронем, потому что Мессуа была добра ко мне.

Когда луна взошла над равниной, залив её словно молоком, напуганные крестьяне увидели, как Маугли с двумя волками позади и с узлом на голове бежал к лесу волчьей рысью, пожирающей милю за милей, как огонь. Тогда они зазвонили в колокола и затрубили в раковины пуще прежнего. Мессуа плакала. Балдео всё больше привирал,

рассказывая о своих приключениях в джунглях, и кончил тем, что рассказал, будто Акела стоял на задних лапах и разговаривал, как человек.



Луна уже садилась, когда Маугли и оба волка подошли к холму, где была Скала Совета, и остановились перед логовом Матери Волчицы.

— Они прогнали меня из человечьей стаи,

мать! — крикнул ей Маугли. — Но я сдержал своё слово и вернулся со шкурой Шер-Хана.

Мать Волчица не спеша вышла из пещеры со своими волчатами, и глаза её загорелись, когда она увидела шкуру.

— В тот день, когда он втиснул голову и плечи в наше логово, охотясь за тобой, Лягушонок, я сказала ему, что из охотника он станет добычей. Ты сделал как надо.

— Хорошо сделал, Маленький Брат, — послышался чей-то низкий голос в зарослях. — Мы скучали в джунглях без тебя. — Багира подбежала и потёрлась о босые ноги Маугли.

Они вместе поднялись на Скалу Совета, и на том плоском камне, где сиживал прежде Акела, Маугли растянул тигровую шкуру, прикрепив её четырьмя бамбуковыми колышками. Акела улёгся на шкуру и по-старому стал сзывать волков на Совет: «Смотрите, смотрите, о волки!» — совсем как в ту ночь, когда Маугли впервые привели сюда.

С тех пор как сместили Акелу, Стая оставалась без вожака и волки охотились или дрались как кому вздумается. Однако волки по привычке пришли на зов. Одни из них охромели, попавшись в капкан, другие едва ковыляли, раненные

дробью, третьи запаршивели, питаясь всякой дрянью, многих недосчитывались совсем. Но все, кто остался в живых, пришли на Скалу Совета и увидели полосатую шкуру Шер-Хана на скале и громадные когти, болтающиеся на концах пустых лап.

— Смотрите хорошенько, о волки! Разве я не сдержал слово? — сказал Маугли.

И волки пролаяли: «Да!» — а один, самый захудалый, провыл:

— Будь снова нашим вожаком, о Акела! Будь нашим вожаком, о детёныш! Нам опротивело беззаконие, и мы хотим снова стать Свободным Народом.

— Нет, — промурлыкала Багира, — этого нельзя. Если вы будете сыты, вы можете опять взбеситься. Недаром вы зовётесь Свободным Народом. Вы дрались за Свободу, и она ваша. Ешьте её, о волки!

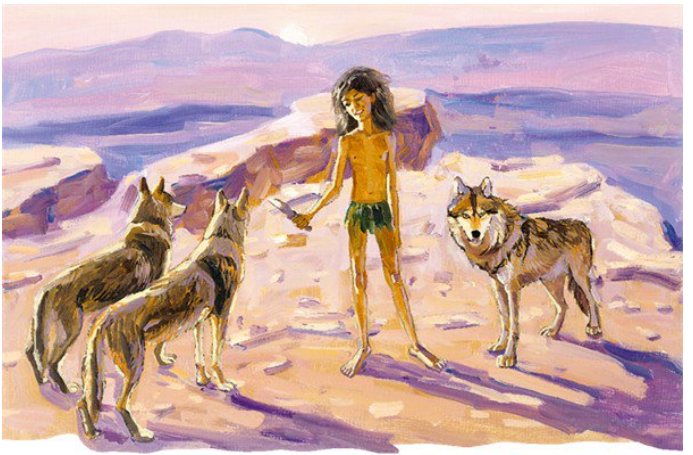
— Человечья стая и волчья стая прогнали меня, — сказал Маугли. — Теперь я буду охотиться в джунглях один.

— И мы станем охотиться вместе с тобой, — сказали четверо волчат.

И Маугли ушёл и с этого дня стал охотиться в джунглях вместе с четырьмя волчатами.

Но он не всегда оставался один: спустя много лет он стал взрослым и женился. Но это уже — рассказ для больших!

Нашествие джунглей



Не так-то легко сразу переменить свою жизнь, особенно в джунглях. После того как Стая разбежалась кто куда, Маугли прежде всего отправился в родное логово и залёг спать на весь день и на всю ночь. Проснувшись, он рассказал Отцу Волку и Матери Волчице о своих приключениях среди людей ровно столько, сколько они могли понять. Когда Маугли стал играть перед ними своим охот-

ничьим ножом так, что утреннее солнце заиграло и заблистало на его лезвии — это был тот самый нож, которым он снял шкуру с Шер-Хана, — волки сказали, что он кое-чему научился. После того Акеле и Серому Брату пришлось рассказать, как они помогали Маугли гнать буйволов по оврагу, и Балу вскарабкался на холм послушать их, а Багира почёсывалась от удовольствия при мысли о том, как ловко Маугли воевал с тигром.

Солнце давно уже взошло, но никто и не думал ложиться спать, а Мать Волчица время от времени закидывала голову кверху и радостно вдыхала запах шкуры Шер-Хана, доносимый ветром со Скалы Совета.

— Если бы не Акела с Серым Братом, — сказал в заключение Маугли, — я бы ничего не смог сделать. О Мать Волчица, если б ты видела, как серые буйволы неслись по оврагу и как они ломились в деревенские ворота, когда человечья стая бросала в меня камнями!

— Я рада, что не видела этого, — сурово сказала Мать Волчица. — Не в моём обычае терпеть, чтобы моих волчат гоняли, как шакалов! Я бы заставила человечью стаю поплатиться за это, но пощадила бы женщину, которая кормила тебя молоком. Да, я пощадила бы только её одну!

— Тише, тише, Ракша! — лениво заметил Отец Волк. — Наш Лягушонок опять вернулся к нам и так поумнел, что родной отец должен лизать ему пятки. А не всё ли равно — одним шрамом на голове больше или меньше? Оставь человека в покое.

И Балу с Багирой отозвались, как эхо:

— Оставь человека в покое!

Маугли, положив голову на бок Матери Волчицы, улыбнулся довольной улыбкой и сказал, что и он тоже не хочет больше ни видеть, ни слышать, ни чуять человека.

— А что, если люди не оставят тебя в покое, Маленький Брат? — сказал Акела, приподняв одно ухо.

— Нас пятеро, — сказал Серый Брат, оглянувшись на всех сидящих и щёлкнув зубами.

— Мы тоже могли бы принять участие в охоте, — сказала Багира, пошевеливая хвостом и глядя на Балу. — Но к чему думать теперь о человеке, Акела?!

— А вот к чему, — ответил волк-одиночка. — После того как шкуру этого жёлтого вора повесили на Скале Совета, я пошёл обратно к деревне по нашим следам, чтобы запутать их на тот случай, если за нами кто-нибудь погонится, я ступал

в свои следы, а иногда сворачивал в сторону и ложился. Но когда я запутал след так, что и сам не мог бы в нём разобраться, прилетел нетопырь Манг и стал кружить надо мной.

Он сказал: «Деревня человечьей стаи, откуда прогнали Маугли, гудит, как осиное гнездо».

— Это оттого, что я бросил туда большой камень, — посмеиваясь, сказал Маугли, который часто забавлялся тем, что кидал спелые папайи в осиное гнездо, а потом бросался бегом к ближайшей заводи, чтобы осы его, чего доброго, не догнали.

— Я спросил нетопыря, что он видел. Он сказал, что перед деревенскими воротами цветёт Красный Цветок и люди сидят вокруг него с ружьями. Я говорю недаром: я ведь знаю по опыту, — тут Акела взглянул на старые рубцы на своих боках, — что люди носят ружья не для забавы. Скоро, Маленький Брат, человек с ружьём пойдёт по нашему следу.

— Но зачем это? Люди прогнали меня. Чего ещё им нужно? — сердито спросил Маугли.

— Ты человек, Маленький Брат, — возразил Акела. — Не нам, Вольным Охотникам, говорить тебе, что и зачем делают твои братья.

Он едва успел отдёрнуть лапу, как охотничий

нож глубоко вонзился в землю на том месте, где она лежала. Маугли бросил нож так быстро, что за ним не уследил бы человечий глаз, но Акела был волк, а даже собака, которой далеко до дикого волка, её прапрадеда, может проснуться от крепкого сна, когда колесо телеги слегка коснётся её бока, и отпрыгнуть в сторону невредимой, прежде чем это колесо наедет на неё.

— В другой раз, — спокойно сказал Маугли, вкладывая нож в ножны, — не говори о человечьей стае, когда говоришь с Маугли.

— Пфф! Зуб острый, — сказал Акела, обнюхивая ямку, оставленную ножом в земле, — но только житьё с человечьей стаей испортило тебе глаз, Маленький Брат. Я бы успел убить оленя, пока ты замахивался.

Багира вдруг вскочила, вытянула шею вперёд, понюхала воздух и вся напряглась. Серый Волк быстро повторил все её движения, повернувшись немного влево, чтобы уловить ветер, который дул справа. Акела же отпрыгнул шагов на пятьдесят в сторону ветра, присел и тоже напрягся всем телом. Маугли смотрел на них с завистью. Чутьё у него было такое, какое редко встречается у людей, но этому чутью не хватало той необычайной тонкости, какая свойственна каждому

носу в джунглях, а за три месяца житья в дымной деревне оно сильно притупилось. Однако он смочил палец, потёр им нос и выпрямился, чтобы уловить ветер верхним чутьём, которое всего вернее.

— Человек! — проворчал Акела, присаживаясь на задние лапы.

— Балдео! — сказал Маугли, садясь. — Он идёт по нашему следу. А вон и солнце блестит на его ружье. Смотрите!

Солнце только блеснуло на долю секунды на медных скрепах старого мушкета, но ничто в джунглях не даёт такой вспышки света, разве только если облака бегут по небу. Тогда чешуйка слюды, маленькая лужица и даже блестящий лист сверкают, как гелиограф. Но день был безоблачный и тихий.[13]

— Я знал, что люди погонятся за нами, — торжествуя, сказал Акела. — Недаром я был Вожаком Стаи!

Четверо волков Маугли, не сказав ничего, легли на брюхо, поползли вниз по холму и вдруг пропали, словно растаяли среди терновника и зелёной поросли.

---

[13] Примечания: 13

Гелиограф — прибор, который передаёт информацию на расстоянии с помощью вспышек света.

— Скажите сначала, куда вы идёте? — окликнул их Маугли.

— Ш-ш! Мы прикатим сюда его череп ещё до полудня! — отозвался Серый Брат.

— Назад! Назад! Стойте! Человек не ест человека! — крикнул Маугли.

— А кто был только что волком? Кто бросил в меня нож за то, что его назвали человеком? — сказал Акела.

Но вся четвёрка послушалась и угрюмо повернула назад.

— Неужели я должен объяснять вам, почему я делаю то или другое? — спросил Маугли, рассердившись.

— Вот вам человек! Это говорит человек! — проворчала Багира себе в усы. — Вот так же говорили люди вокруг княжеского зверинца в Удайпуре. Нам в джунглях давно известно, что человек всех умнее. А если б мы верили своим ушам, то знали бы, что он глупей всех на свете. — И, повысив голос, она прибавила: — На этот раз детёныш прав: люди охотятся стаей. Плохая охота убивать одного, когда мы не знаем, что собираются делать остальные. Пойдём посмотрим, чего хочет от нас этот человек.

— Мы не пойдём, — заворчал Серый Брат. —

Охоться один, Маленький Брат! Мы-то знаем, чего хотим! Мы бы давно принесли сюда череп.

Маугли обвёл взглядом всех своих друзей. Грудь его тяжело поднималась и глаза были полны слёз. Он сделал шаг вперёд и, упав на одно колено, сказал:

— Разве я не знаю, чего хочу? Взгляните на меня!

Они неохотно взглянули на Маугли, потом отвели глаза в сторону, но он снова заставил их смотреть себе в глаза, пока шерсть не поднялась на них дыбом и они не задрожали всем телом, а Маугли всё смотрел да смотрел.

— Ну, так кто же вожак из нас пятерых? — сказал он.

— Ты вожак, Маленький Брат, — ответил Серый Брат и лизнул Маугли ногу.

— Тогда идите за мной, — сказал Маугли.

И вся четвёрка, поджав хвосты, побрела за ним по пятам.

— Вот что бывает от житья в человечьей стае, — сказала Багира, неслышно спускаясь по холму вслед за ними. — Теперь в джунглях не один Закон, Балу.

Старый медведь не ответил ничего, но подумал очень многое.

Маугли бесшумно пробирался по лесу, пересекая его под прямым углом к тому пути, которым шёл Балдео. Наконец, раздвинув кусты, он увидел старика с мушкетом на плече: он трусил собачьей побежкой по старому, двухдневному следу.

Вы помните, что Маугли ушёл из деревни с тяжёлой шкурой Шер-Хана на плечах, а позади него бежали Акела с Серым Братом, так что след был очень ясный. Скоро Балдео подошёл к тому месту, где Акела повернул обратно и запутал след. Тут Балдео сел на землю, долго кашлял и ворчал, потом стал рыскать вокруг, стараясь снова напасть на след, а в это время те, которые наблюдали за ним, были так близко, что он мог бы попасть в них камнем. Ни один зверь не может двигаться так тихо, как волк, когда он не хочет, чтобы его слышали, а Маугли, хотя волки считали его очень неуклюжим, тоже умел появляться и исчезать, как тень. Они окружили старика кольцом, как стая дельфинов окружает пароход на полном ходу, и разговаривали не стесняясь, потому что их речь начинается ниже самой низкой ноты, какую может уловить непривычное человечье ухо. На другом конце ряда находится тончайший писк летучей мыши, который многие люди не слышат совсем. С этой ноты начинается разговор

всех птиц, летучих мышей и насекомых.

— Это лучше всякой другой охоты, — сказал Серый Брат, когда Балдео нагнулся, пыхтя и что-то разглядывая. — Он похож на свинью, которая заблудилась в джунглях у реки. Что он говорит?

Балдео сердито бормотал что-то.

Маугли объяснил:

— Он говорит, что вокруг меня, должно быть, плясала целая стая волков. Говорит, что никогда в жизни не видывал такого следа. Говорит, что очень устал.

— Он отдохнёт, прежде чем снова отыщет след, — равнодушно сказала Багира, продолжая прятки и прокрадываясь за стволом дерева.

— А теперь что делает этот убогий?

— Собирается есть или пускать дым изо рта. Люди всегда что-нибудь делают ртом, — сказал Маугли.

Молчаливые следопыты увидели, как старик набил трубку, зажёг и стал курить. Они постарались хорошенько запомнить запах табака, чтобы потом узнать Балдео даже в самую тёмную ночь.

Потом по тропе прошли угольщики и, конечно, остановились поболтать с Балдео, который считался первым охотником в этих местах. Все они уселись в кружок и закурили, а Багира и остальные подошли поближе и смотрели на них,

пока Балдео рассказывал сначала и до конца, с прибавлениями и выдумками, всю историю Маугли, мальчика-оборотня. Как он, Балдео, убил Шер-Хана и как Маугли обернулся волком и дрался с ним целый день, а потом снова превратился в мальчика и околдовал ружьё Балдео, так что, когда он прицелился в Маугли, пуля свернула в сторону и убила одного из буйволов Балдео; и как деревня послала Балдео, самого храброго охотника в Сионийских горах, убить волка-оборотня. А Мессуа с мужем, родители оборотня, сидят под замком, в собственной хижине, и скоро их начнут пытать, для того чтобы они сознались в колдовстве, а потом сожгут на костре.

— Когда? — спросили угольщики, которым очень хотелось посмотреть на эту церемонию.

Балдео сказал, что до его возвращения ничего не станут делать: в деревне хотят, чтобы он сначала убил лесного мальчика. После того они расправятся с Мессуей и с её мужем и поделят между собой их землю и буйволов.

А буйволы у мужа Мессуи, кстати сказать, очень хороши. Ведьм и колдунов всего лучше убивать, говорил Балдео, а такие люди, которые берут в приёмыши волков-оборотней из лесу, и есть самые злые колдуны.

— Но что, если англичане узнают? — спросили угольщики. — Говорят, все англичане — сумасшедшие и не дают честным людям мирно жечь колдунов.

— Пустяки, — ответил им Балдео, — староста сообщит, что Мессуа с мужем умерли от укуса змеи. Тут не о чем беспокоиться, надо только не упустить оборотня. Он вам не встречался в джунглях?

Угольщики боязливо озирались по сторонам, благодаря судьбу за то, что не видали оборотня; однако они не сомневались, что такой храбрец, как Балдео, разыщет оборотня скорее всякого другого.

Солнце спустилось уже довольно низко, и угольщики решили идти в ту деревню, где жил Балдео, посмотреть на ведьму и колдуна. Балдео сказал, что, конечно, он обязан застрелить мальчика-оборотня, однако он и думать не хочет о том, чтобы безоружные люди шли одни через джунгли, где волк-оборотень может повстречаться им каждую минуту. Он сам их проводит, и если сын колдуньи встретится им, они увидят, как первый здешний охотник с ним расправится. Жрец дал ему такой амулет против оборотня, что бояться нечего.

— Что он говорит? Что он говорит? Что он говорит? — то и дело спрашивали волки.

А Маугли объяснял, пока дело не дошло до колдунов, что было для него не совсем понятно, и тогда он сказал, что мужчина и женщина, которые были так добры к нему, пойманы в ловушку.

— Разве люди ловят людей? — спросил Серый Брат.

— Так он говорит. Я что-то не понимаю. Все они, должно быть, просто взбесились. Зачем понадобилось сажать в ловушку Мессую с мужем и что у них общего со мной? И к чему весь этот разговор о Красном Цветке? Надо подумать. Что бы они ни собирались делать с Мессуей, они ничего не начнут, пока Балдео не вернётся. Так, значит… — И Маугли глубоко задумался, постукивая пальцами по рукоятке охотничьего ножа.

А Балдео и угольщики храбро пустились в путь, прячась один за другим.

— Я сейчас же иду к человечьей стае, — сказал наконец Маугли.

— А эти? — спросил Серый Брат, жадно глядя на смуглые спины угольщиков.

— Проводите их с песней, — сказал Маугли ухмыляясь. — Я не хочу, чтоб они были у деревенских ворот раньше темноты. Можете вы

задержать их?

Серый Брат пренебрежительно оскалил белые зубы:

— Мы можем без конца водить их кругом, всё кругом, как коз на привязи!

— Этого мне не нужно. Спойте им немножко, чтобы они не скучали дорогой. Пускай песня будет и не очень весёлая, Серый Брат. Ты тоже иди с ними, Багира, и подпевай им. А когда настанет ночь, встречайте меня у деревни — Серый Брат знает место.

— Нелёгкая это работа — быть загонщиком для детёныша. Когда же я высплюсь? — сказала Багира, зевая, хотя по глазам было видно, как она рада такой забаве. — Я должна петь для каких-то голышей! Что ж, попробуем!

Пантера нагнула голову, чтобы её голос разнёсся по всему лесу, и раздалось протяжное-протяжное «Доброй охоты!» — полуночный зов среди белого дня, довольно страшный для начала. Маугли послушал, как этот зов прокатился по джунглям, то усиливаясь, то затихая, и замер где-то у него за спиной на самой тоскливой ноте, и улыбнулся, пробегая лесом. Он видел, как угольщики сбились в кучку, как задрожало ружьё старого Балдео, словно банановый лист на ветру, потом Серый

Брат провыл: «Йа-ла-хи! Йа-ла-хи!» — охотничий клич, который раздаётся, когда Стая гонит перед собой нильгау — большую серую антилопу.

Этот клич, казалось, шёл со всех концов леса разом и слышался всё ближе, ближе и ближе, пока наконец не оборвался рядом, совсем близко, на самой пронзительной ноте. Остальные трое волков подхватили его, так что даже Маугли мог бы поклясться, что вся Стая гонит дичь по горячему следу. А потом все четверо запели чудесную утреннюю Песню Джунглей, со всеми трелями, переливами и переходами, какие умеет выводить мощная волчья глотка.

Никакой пересказ не может передать ни впечатление от этой песни, ни насмешку, какую вложили волки в каждую ноту, услышав, как затрещали сучья, когда угольщики от страха полезли на деревья, а Балдео начал бормотать заговоры и заклинания. Потом волки улеглись и заснули, потому что вели правильный образ жизни, как и все, кто живёт собственным трудом: не выспавшись, нельзя работать как следует.

Тем временем Маугли отмахивал милю за милей, делая по девять миль в час, и радовался, что нисколько не ослабел после стольких месяцев жизни среди людей. У него осталась одна только

мысль: выручить Мессую с мужем из западни, какова бы она ни была, — он опасался всяких ловушек. После этого, обещал себе Маугли, он расплатится и со всей остальной деревней.

Спустились уже сумерки, когда он увидел знакомое пастбище и дерево дхак, под которым ожидал его Серый Брат в то утро, когда Маугли убил Шер-Хана. Как ни был он зол на всех людей, всё же при первом взгляде на деревенские кровли у него перехватило дыхание. Он заметил, что все вернулись с поля раньше времени и, вместо того чтобы взяться за вечернюю стряпню, собрались толпой под деревенской смоковницей, откуда слышались говор и крик.

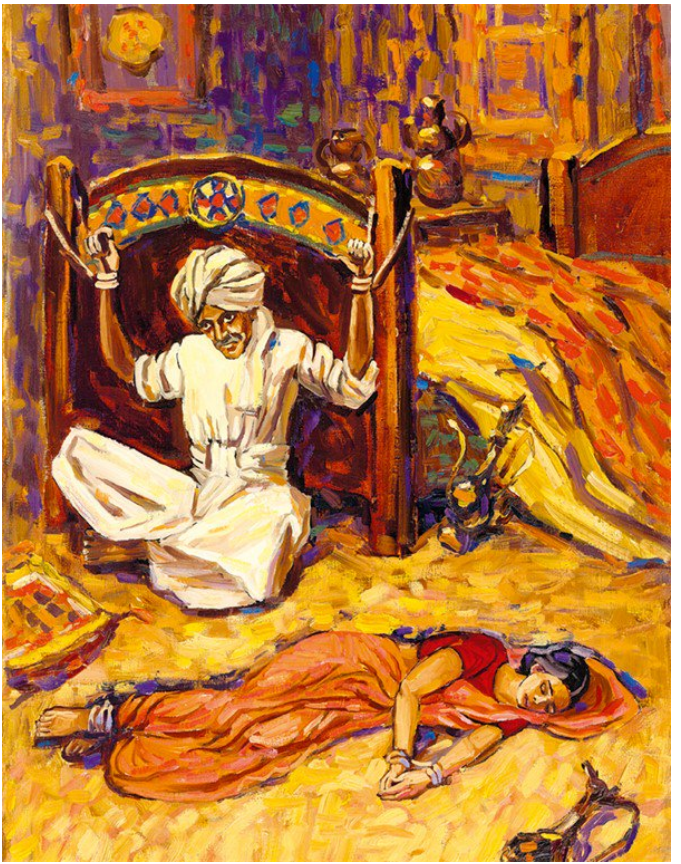
— Людям непременно надо расставлять ловушки для других людей, а без этого они всё будут недовольны, — сказал Маугли. — Две ночи назад они ловили Маугли, а сейчас мне кажется, что эта ночь была много дождей назад. Сегодня черёд Мессуи с мужем. А завтра, и послезавтра, и на много ночей после того опять настанет черёд Маугли.

Он прополз под оградой и, добравшись до хижины Мессуи, заглянул в окно. В комнате лежала Мессуа, связанная по рукам и ногам, и стонала, тяжело дыша; её муж был привязан ремнями к

пёстро раскрашенной кровати. Дверь хижины, выходившая на улицу, была плотно припёрта, и трое или четверо людей сидели, прислонившись к ней спиной.

Маугли очень хорошо знал нравы и обычаи деревни. Он сообразил, что пока люди едят, курят и разговаривают, ничего другого они делать не станут; но после того, как они поедят, их нужно остерегаться. Скоро вернётся и Балдео, и если его провожатые хорошо сослужили свою службу, ему будет о чём порассказать. Мальчик влез в окно и, нагнувшись над мужчиной и женщиной, разрезал связывавшие их ремни, вынул затычки изо рта и поискал, нет ли в хижине молока.

— Я знала, я знала, что он придёт! — зарыдала Мессуа. — Теперь я знаю наверное, что он мой сын! — И она прижала Маугли к груди.



До этой минуты Маугли был совершенно спокоен, но тут он весь задрожал, чему и сам несказанно удивился.

— Для чего эти ремни? За что они связали тебя? — спросил он, помолчав.

— В наказание за то, что мы приняли тебя в сыновья, за что же ещё? — сказал муж сердито. — Посмотри — я весь в крови.

Мессуа ничего не сказала, но Маугли взглянул на её раны, и они услышали, как он скрипнул зубами.

— Чьё это дело? — спросил он. — За это они поплатятся!

— Это дело всей деревни. Меня считали богачом. У меня было много скота. Потому мы с ней колдуны, что приютили тебя.

— Я не понимаю! Пусть расскажет Мессуа.

— Я кормила тебя молоком, Натху, ты помнишь? — робко спросила Мессуа. — Потому что ты мой сын, которого унёс тигр, и потому что я крепко тебя люблю. Они говорят, что я твоя мать, мать оборотня, и за это должна умереть.

— А что такое оборотень? — спросил Маугли. — Смерть я уже видел.

Муж угрюмо взглянул на него исподлобья, но Мессуа засмеялась.

— Видишь? — сказала она мужу. — Я знала, я тебе говорила, что он не колдун. Он мой сын, мой сын!

— Сын или колдун — какая нам от этого польза? — отвечал муж. — Теперь мы с тобой всё равно что умерли.

— Вон там идёт дорога через джунгли, — показал Маугли в окно. — Руки и ноги у вас развязаны. Уходите.

— Мы не знаем джунглей, сын мой, так, как… как ты их знаешь, — начала Мессуа. — Мне не уйти далеко.

— А люди погонятся за нами и опять приведут нас сюда, — сказал её муж.

— Гм! — сказал Маугли, водя кончиком охотничьего ножа по своей ладони. — Пока что я не хочу зла никому в этой деревне. Не думаю, однако, что тебя остановят. Ещё немного времени — и у них найдётся о чём подумать. Ага! — Он поднял голову и прислушался к крикам и беготне за дверями. — Наконец-то они отпустили Балдео домой!

— Его послали утром убить тебя, — сказала Мессуа. — Разве ты его не встретил?

— Да, мы… я встретил его. Ему есть о чём рассказать. А пока он разговаривает, можно сделать

очень много. Но сначала надо узнать, чего они хотят. Подумайте, куда вам лучше уйти, и скажите мне, когда я вернусь.

Он прыгнул в окно и опять побежал, прячась под деревенской стеной, пока ему не стал слышен говор толпы, собравшейся под смоковницей.

Балдео кашлял и стонал, лёжа на земле, а все остальные обступили его и расспрашивали. Волосы у него растрепались, руки и ноги он ободрал, влезая на дерево, и едва мог говорить, зато отлично понимал всю значительность своего положения. Время от времени он начинал говорить что-то о поющих чертях, оборотнях и колдовстве только для того, чтобы раздразнить любопытство и намекнуть толпе, о чём он будет рассказывать. Потом он попросил воды.

— Так! — сказал Маугли. — Слова и слова! Одна болтовня! Люди — кровные братья обезьянам. Сначала он будет полоскать рот водой, потом курить, а управившись со всем этим, он начнёт рассказывать. Ну и дурачьё эти люди! Они не поставят никого стеречь Мессую, пока Балдео забивает им уши своими рассказами. И я становлюсь таким же лентяем!

Он встряхнулся и проскользнул обратно к хижине. Он был уже под окном, когда почувствовал,

что кто-то лизнул ему ногу.

— Мать, — сказал он, узнав Волчицу, — что здесь делаешь ты?

— Я услышала, как мои дети поют в лесу, и пошла за тем, кого люблю больше всех. Лягушонок, я хочу видеть женщину, которая кормила тебя молоком, — сказала Мать Волчица, вся мокрая от росы.

— Её связали и хотят убить. Я разрезал ремни, и она с мужем уйдёт через джунгли.

— Я тоже провожу их. Я стара, но ещё не совсем беззуба. — Мать Волчица встала на задние лапы и заглянула через окно в тёмную хижину.

Потом она бесшумно опустилась на все четыре лапы и сказала только:

— Я первая кормила тебя молоком, но Багира говорит правду: человек в конце концов уходит к человеку.

— Может быть, — сказал Маугли очень мрачно, — только я сейчас далёк от этого пути. Подожди здесь, но не показывайся ей.

— Ты никогда меня не боялся, Лягушонок, — сказала Мать Волчица, отступая на шаг и пропадая в высокой траве, что она отлично умела делать.

— А теперь, — весело сказал Маугли, снова прыгнув в окно, — все собрались вокруг Балдео, и

он рассказывает то, чего не было. А когда он кончит, они непременно придут сюда с Красным… с огнём и сожгут вас обоих. Как же быть?

— Мы поговорили с мужем, — сказала Мессуа. — Канхивара в тридцати милях отсюда. А в Канхиваре англичане…

— Что это за народ? — спросил Маугли.

— Не знаю. У них кожа белая, и говорят, будто они правят нашей страной и не дают жечь или убивать людей втайне. Если мы доберёмся туда сегодня, мы останемся живы. Если нет — умрём.

— Вы останетесь живы. Ни один человек не выйдет сегодня из ворот. Но что это он делает?

Муж Мессуи, стоя на четвереньках, копал землю в углу хижины.

— Там у него деньги, — сказала Мессуа. — Больше мы ничего не можем взять с собой.

— Ах да! Это то, что переходит из рук в руки и не становится теплей. Разве оно бывает нужно и в других местах?

Муж сердито оглянулся.

— Какой он оборотень? Он просто дурак! — проворчал он. — На эти деньги я могу купить лошадь. Мы так избиты, что не уйдём далеко, а деревня погонится за нами.

— Говорю вам, что не погонится, я этого не

позволю, но лошадь — это хорошо, потому что Мессуа устала.

Её муж встал, завязывая в пояс последнюю рупию. Маугли помог Мессуе выбраться в окно, и прохладный ночной воздух оживил её. Но джунгли при свете звёзд показались ей очень тёмными и страшными.

— Вы знаете дорогу в Канхивару? — прошептал Маугли.

Они кивнули.

— Хорошо. Помните же, что бояться нечего. И торопиться тоже не надо. Только… только в джунглях позади вас и впереди вас вы, быть может, услышите пение.

— Неужели ты думаешь, что мы посмели бы уйти ночью в джунгли, если бы не боялись, что нас сожгут? Лучше быть растерзанным зверями, чем убитым людьми, — сказал муж Мессуи.

Но сама Мессуа посмотрела на Маугли и улыбнулась.

— Говорю вам, — продолжал Маугли, словно он был медведь Балу и в сотый раз твердил невнимательному волчонку древний Закон Джунглей, — говорю вам, что ни один зуб в джунглях не обнажится против вас, ни одна лапа в джунглях не поднимется на вас. Ни человек,

ни зверь не остановит вас, пока вы не завидите Канхивару. Вас будут охранять. — Он быстро повернулся к Мессуе, говоря: — Муж твой не верит мне, но ты поверишь?

— Да, конечно, сын мой. Человек ли ты или волк джунглей, но я тебе верю.

— Он испугается, когда услышит пение моего народа. А ты узнаешь и всё поймёшь. Ступайте же и не торопитесь, потому что спешить нет нужды: ворота заперты.

Мессуа бросилась, рыдая, к ногам Маугли, но он быстро поднял её, весь дрожа. Тогда она повисла у него на шее, называя его всеми ласковыми именами, какие только ей вспомнились, но муж её со злостью оглянулся назад и сказал:

— Дай мне добраться до Канхивары и найти англичан, я расскажу про Балдео, жреца и всех остальных такое, что эта деревня нас ещё долго вспоминать будет. Они мне вдвойне заплатят за брошенные поля и за некормленых буйволов. Уж я добьюсь справедливости!

Маугли засмеялся:

— Не знаю, что значит справедливость, но приходи сюда к следующим дождям, и ты увидишь, много ли тут останется.

Они пошли, направляясь к джунглям, и Мать

Волчица выскочила из своей засады.

— Проводи их! — сказал Маугли. — И смотри, чтобы все джунгли знали, что их нельзя трогать. Подай голос, а я позову Багиру.

Глухой, протяжный вой раздался и замер, и Маугли увидел, как муж Мессуи вздрогнул и повернулся, готовый бежать обратно к хижине.

— Иди, иди! — ободряюще крикнул Маугли. — Я же сказал, что вы услышите песню. Она вас проводит до самой Канхивары. Это Милость Джунглей.

Мессуа подтолкнула своего мужа вперёд, и тьма спустилась над ними и Волчицей, как вдруг Багира выскочила чуть ли не из-под ног Маугли.

— Мне стыдно за твоих братьев! — сказала она мурлыча.

— Как? Разве они плохо пели для Балдео? — спросил Маугли.

— Слишком хорошо! Слишком! Они даже меня заставили забыть всякую гордость, и, клянусь сломанным замком, который освободил меня, я бегала по джунглям и пела, словно весной. Разве ты нас не слышал?

— У меня было другое дело. Спроси лучше Балдео, понравилась ли ему песня. Но где же вся четвёрка? Я хочу, чтобы ни один из человечьей стаи не вышел сегодня за ворота.

— Зачем же тебе четвёрка? — сказала Багира. Глядя на него горящими глазами, она переминалась с ноги на ногу и мурлыкала всё громче. — Я могу задержать их, Маленький Брат. Это пение и люди, которые лезли на деревья, раззадорили меня. Я гналась за ними целый день — при свете солнца, в полуденную пору. Я стерегла их, как волки стерегут оленей. Я Багира, Багира, Багира! Я плясала с ними, как пляшу со своей тенью. Смотри!

И большая пантера подпрыгнула, как котёнок, погналась за падающим листом, она била по воздуху лапами то вправо, то влево, и воздух свистел под её ударами, потом бесшумно стала на все четыре лапы, опять подпрыгнула вверх, и опять, и опять, и её мурлыканье и ворчанье становилось всё громче и громче, как пение пара в закипающем котле.

— Я Багира — среди джунглей, среди ночи! — и моя сила вся со мной! Кто выдержит мой натиск? Детёныш, одним ударом лапы я могла бы размозжить тебе голову, и она стала бы плоской, как дохлая лягушка летней порой!

— Что ж, ударь! — сказал Маугли на языке деревни, а не на языке джунглей.

И человечьи слова разом остановили Багиру.

Она отпрянула назад и, вся дрожа, присела на задние лапы, так что её голова очутилась на одном уровне с головой Маугли. И опять Маугли стал смотреть, как смотрел на непокорных волчат, прямо в зелёные, как изумруд, глаза, пока в глубине зелёных зрачков не погас красный огонь, как гаснет огонь на маяке, пока пантера не отвела взгляда. Её голова опускалась всё ниже и ниже, и наконец красная тёрка языка царапнула ногу Маугли.

— Багира, Багира, Багира! — шептал мальчик, настойчиво и легко поглаживая шею и дрожащую спину. — Успокойся, успокойся! Это ночь виновата, а вовсе не ты!

— Это всё ночные запахи, — сказала Багира, приходя в себя. — Воздух словно зовёт меня. Но откуда ты это знаешь?

Воздух вокруг индийской деревни полон всяких запахов, а для зверя, который привык чуять и думать носом, запахи значат то же, что музыка или вино для человека.

Маугли ещё несколько минут успокаивал пантеру, и наконец она улеглась, как кошка перед огнём, сложив лапы под грудью и полузакрыв глаза.

— Ты наш и не наш, из джунглей и не из джун-

глей, — сказала она наконец. — А я только чёрная пантера. Но я люблю тебя, Маленький Брат.

— Они что-то долго разговаривают под деревом, — сказал Маугли, не обращая внимания на её последние слова. — Балдео, должно быть, рассказал им не одну историю. Они скоро придут затем, чтобы вытащить эту женщину с мужем из ловушки и бросить их в Красный Цветок. И увидят, что ловушка опустела. Хо-хо!

— Нет, послушай, — сказала Багира. — Пускай они найдут там меня! Не многие посмеют выйти из дома, после того как увидят меня. Не первый раз мне сидеть в клетке, и вряд ли им удастся связать меня верёвками.

— Ну, так будь умницей! — сказал Маугли смеясь.

А пантера уже прокралась в хижину.

— Брр! — принюхалась Багира. — Здесь пахнет человеком, но кровать как раз такая, на какой я лежала в княжеском зверинце в Удайпуре. А теперь я лягу!

Маугли услышал, как заскрипела верёвочная сетка под тяжестью крупного зверя.

— Клянусь сломанным замком, который освободил меня, они подумают, что поймали важную птицу! Поди сядь рядом со мной, Маленький Брат,

и мы вместе пожелаем им доброй охоты!

— Нет, у меня другое на уме. Человечья стая не должна знать, что я тоже участвую в этой игре. Охоться одна. Я не хочу их видеть.

— Пусть будет так, — сказала Багира. — Вот они идут!

Беседа под смоковницей на том конце деревни становилась всё более шумной. В заключение поднялся крик, и толпа повалила по улице, размахивая дубинками, бамбуковыми палками, серпами и ножами. Впереди всех бежал Балдео, но и остальные не отставали от него, крича:

— Колдуна и колдунью сюда! Подожгите крышу над их головой! Мы им покажем, как нянчиться с оборотнями! Нет, сначала побьём их! Факелов! Побольше факелов!

Тут вышла небольшая заминка с дверной щеколдой. Дверь была заперта очень крепко, но толпа вырвала щеколду вон, и свет факелов залил комнату, где, растянувшись во весь рост на кровати, скрестив лапы и слегка свесив их с одного края, чёрная и страшная, лежала Багира. Минута прошла в молчании, полном ужаса, когда передние ряды всеми силами продирались обратно на улицу. И в эту минуту Багира зевнула старательно и всем напоказ, как зевнула бы, желая оскорбить

равного себе. Усатые губы приподнялись и раздвинулись, красный язык завернулся, нижняя челюсть обвисала всё ниже и ниже, так что видно было жаркую глотку; огромные клыки выделялись в чёрном провале рта, пока не лязгнули как стальные затворы. В следующую минуту улица опустела. Багира выскочила в окно и стала рядом с Маугли. А люди, обезумев от страха, рвались в свои хижины, спотыкаясь и толкая друг друга.

— Они не двинутся с места до рассвета, — спокойно сказала Багира. — А теперь что?

Казалось, безмолвие полуденного сна нависло над деревней, но, если прислушаться, было слышно, как двигают по земляному полу тяжёлые ящики с зерном, заставляя ими двери. Багира права: до самого утра в деревне никто не шевельнётся.

Маугли сидел неподвижно и думал, и его лицо становилось всё мрачнее.

— Что я такое сделала? — сказала наконец Багира, ласкаясь к нему.

— Ничего, кроме хорошего. Постереги их теперь до рассвета, а я усну.

И Маугли убежал в лес, повалился на камень и уснул — он проспал весь день и всю ночь.

Когда он проснулся, рядом с ним сидела Багира,

и у его ног лежал только что убитый олень. Багира с любопытством смотрела, как Маугли работал охотничьим ножом, как он ел и пил, а потом снова улёгся, опёршись подбородком на руку.

— Женщина с мужчиной добрались до Канхивары целы и невредимы, — сказала Багира. — Твоя мать прислала весточку с коршуном Чилем. Они нашли лошадь ещё до полуночи, в тот же вечер, и уехали очень быстро. Разве это не хорошо?

— Это хорошо, — сказал Маугли.

— А твоя человечья стая не пошевельнулась, пока солнце не поднялось высоко сегодня утром. Они приготовили себе поесть, а потом опять заперлись в своих домах.

— Они, может быть, увидели тебя?

— Может быть. На рассвете я каталась в пыли перед воротами и, кажется, даже пела. Ну, Маленький Брат, больше здесь нечего делать. Идём на охоту со мной и с Балу. Он нашёл новые ульи и собирается показать их тебе, и мы все хотим, чтобы ты по-старому был с нами… Не смотри так, я боюсь тебя! Мужчину с женщиной не бросят в Красный Цветок, и всё в джунглях остаётся по-старому. Разве это не правда? Забудем про человечью стаю!

— Про неё забудут, и очень скоро. Где кормится

Хатхи нынче ночью?

— Где ему вздумается. Кто может знать, где теперь Молчаливый? А зачем он тебе? Что такого может сделать Хатхи, чего бы не могли сделать мы?

— Скажи, чтобы он пришёл сюда ко мне вместе со своими тремя сыновьями.

— Но, право же, Маленький Брат, не годится приказывать Хатхи, чтобы он «пришёл» или «ушёл». Не забывай, что он Хозяин Джунглей и что он научил тебя Заветным Словам Джунглей раньше, чем человечья стая изменила твоё лицо.

— Это ничего. У меня тоже есть для него Заветное Слово. Скажи, чтобы он пришёл к Лягушонку Маугли, а если он не сразу расслышит, скажи ему, чтобы пришёл ради вытоптанных полей Бхаратпура.

— «Ради вытоптанных полей Бхаратпура», — повторила Багира дважды или трижды, чтобы запомнить. — Иду! Хатхи только рассердится, и больше ничего, а я с радостью отдала бы добычу целого месяца, лишь бы услышать, какое Заветное Слово имеет власть над Молчаливым.

Она ушла, а Маугли остался, в ярости роя землю охотничьим ножом. Маугли ни разу в жизни не видел человечьей крови и — что значило для него

гораздо больше — ни разу не слышал её запаха до тех пор, пока не почуял запах крови на связывавших Мессую ремнях. А Мессуа была добра к нему, и он её любил. Но как ни были ему ненавистны жестокость, трусость и болтливость людей, он бы ни за что не согласился отнять у человека жизнь и снова почуять этот страшный запах, чем бы ни наградили его за это джунгли. Его план был гораздо проще и гораздо вернее, и он засмеялся про себя, вспомнив, что его подсказал ему один из рассказов старого Балдео под смоковницей.

— Да, это было Заветное Слово, — вернувшись, шепнула Багира ему на ухо. — Они паслись у реки и послушались меня, как буйволы. Смотри, вон они идут!

Хатхи и его три сына появились, как всегда, без единого звука. Речной ил ещё не высох на их боках, и Хатхи задумчиво дожёвывал зелёное банановое деревце, которое вырвал бивнями. Но каждое движение его громадного тела говорило Багире, которая понимала всё с первого взгляда, что не Хозяин Джунглей пришёл к мальчику-волчонку, а пришёл тот, кто боится, к тому, кто не боится ничего. Трое сыновей Хатхи покачивались плечом к плечу позади отца.

Маугли едва поднял голову, когда Хатхи поже-

лал ему доброй охоты. Прежде чем сказать хоть слово, он заставил Хатхи долго переминаться с ноги на ногу, покачиваться и встряхиваться, а когда заговорил, то с Багирой, а не со слонами.

— Я хочу рассказать вам одну историю, а слышал я её от охотника, за которым вы охотились сегодня, — начал Маугли. — Это история о том, как старый и умный слон попал в западню и острый кол на дне ямы разорвал ему кожу от пятки до плеча, так что остался белый рубец.

Маугли протянул руку, и когда Хатхи повернулся, при свете луны стал виден длинный белый шрам на сером, как грифель, боку, словно его стегнули раскалённым бичом.

— Люди вытащили слона из ямы, — продолжал Маугли, — но он был силён и убежал, разорвав путы, и прятался, пока рана не зажила. Тогда он вернулся ночью на поля охотников. Теперь я припоминаю, что у него было три сына. Всё это произошло много-много дождей тому назад и очень далеко отсюда — на полях Бхаратпура. Что случилось с этими полями в следующую жатву, Хатхи?

— Жатву собрал я с моими тремя сыновьями, — сказал Хатхи.

— А что было с посевом, который следует за

жатвой? — спросил Маугли.

— Посева не было, — сказал Хатхи.

— А с людьми, которые живут на полях рядом с посевами? — спросил Маугли.

— Они ушли.

— А с хижинами, в которых спали люди? — спросил Маугли.

— Мы разметали крыши домов, а джунгли поглотили стены.

— А что же было потом? — спросил Маугли.

— Мы напустили джунгли на пять деревень; и в этих деревнях, и на их землях, и на пастбищах, и на мягких, вспаханных полях не осталось теперь ни одного человека, который получал бы пищу от земли. Вот как были вытоптаны бхаратпурские поля, и это сделал я с моими тремя сыновьями. А теперь скажи мне, Маугли, как ты узнал про это? — спросил Хатхи.

— Мне сказал один человек, и теперь я вижу, что даже Балдео не всегда лжёт. Это было хорошо сделано, Хатхи с белым рубцом, а во второй раз выйдет ещё лучше, потому что распоряжаться будет человек. Ты знаешь деревню человечьей стаи, что выгнала меня? Не годится им жить там больше. Я их ненавижу!

— А убивать никого не нужно? Мои бивни

покраснели от крови, когда мы топтали поля в Бхаратпуре, и мне бы не хотелось снова будить этот запах.

— Мне тоже. Я не хочу даже, чтобы их кости лежали на нашей чистой земле. Пусть ищут себе другое логово. Здесь им нельзя оставаться. Я слышал, как пахнет кровь женщины, которая меня кормила, — женщины, которую они убили бы, если бы не я. Только запах свежей травы на порогах домов может заглушить запах крови. От него у меня горит во рту. Напустим на них джунгли, Хатхи!

— А! — сказал Хатхи. — Вот так же горел и рубец на моей коже, пока мы не увидели, как погибли деревни под весенней порослью. Теперь я понял: твоя война станет нашей войной. Мы напустим на них джунгли.

Маугли едва успел перевести дыхание — он весь дрожал от ненависти и злобы, — как то место, где стояли слоны, опустело, и только Багира смотрела на Маугли с ужасом.

А Хатхи и его трое сыновей повернули каждый в свою сторону и молча зашагали по долинам. Они шли всё дальше и дальше через джунгли и сделали шестьдесят миль, то есть целый двухдневный переход, и каждый их шаг и каждое

покачивание хобота были замечены и истолкованы Мангом, Чилем, Обезьяньим Народом и всеми птицами. Потом слоны стали кормиться и мирно паслись не меньше недели. Хатхи и его сыновья похожи на горного удава Каа: они не станут торопиться, если в этом нет нужды.

Через неделю — и никто не знает, откуда это пошло, — по джунглям пронёсся слух, что в такой-то и такой-то долине корм и вода всего лучше. Свиньи, которые готовы идти на край света ради сытной кормёжки, тронулись первые, отряд за отрядом, переваливаясь через камни; за ними двинулись олени, а за оленями — маленькие лисицы, которые питаются падалью. Рядом с оленями шли неповоротливые антилопы-нильгау, а за нильгау двигались дикие буйволы с болот. Вначале легко было бы повернуть обратно рассеянные и разбросанные стада, которые щипали траву, брели дальше, пили и снова щипали траву, но как только среди них поднималась тревога, кто-нибудь являлся и успокаивал их. То это был дикобраз Сахи с вестью о том, что хорошие корма начинаются чуть подальше; то нетопырь Манг с радостным писком проносился, трепеща крыльями, по прогалине, чтобы показать, что там никого нет; то Балу с полным ртом кореньев

подходил, переваливаясь, к стаду и в шутку или всерьёз пугал его, направляя на настоящую дорогу. Многие повернули обратно, разбежались или не захотели идти дальше, но прочие остались и по-прежнему шли вперёд.

Прошло дней десять, и к концу этого времени дело обстояло так: олени, свиньи и нильгау топтались, двигаясь по кругу радиусом в восемь или десять миль, а хищники нападали на них с краёв. А в центре круга была деревня, а вокруг деревни созревали хлеба на полях, а в полях сидели люди на вышках, похожих на голубятни и построенных для того, чтобы пугать птиц и других воришек.

Была тёмная ночь, когда Хатхи и его трое сыновей без шума вышли джунглей, сломали хоботами жерди, и вышки упали, как падает сломанный стебель болиголова, а люди, свалившись с них, услышали глухое урчанье слонов. Потом авангард напуганной армии оленей примчался и вытоптал деревенское пастбище и вспаханные поля; а за ними пришли тупорылые свиньи с острыми копытами, и что осталось после оленей, то уничтожили свиньи. Время от времени волки тревожили стада, и те, обезумев, бросались из стороны в сторону, топча зелёный ячмень и ровняя с землёй края оросительных каналов. Перед

рассветом в одном месте на краю круга хищники отступили, оставив открытой дорогу на юг, и олени ринулись по ней, стадо за стадом. Другие, посмелей, залегли в чаще, чтобы покормиться следующей ночью.[14]

Но дело было уже сделано. Утром крестьяне, взглянув на свои поля, увидели, что все посевы погибли. Это грозило смертью, если люди не уйдут отсюда, потому что голод был всегда так же близко от них, как и джунгли. Когда буйволов выгнали на пастбища, голодное стадо увидело, что олени дочиста съели всю траву, и разбрелось по джунглям вслед за своими дикими товарищами. А когда наступили сумерки, оказалось, что три или четыре деревенские лошади лежат в стойлах с проломленной головой. Только Багира умела наносить такие удары, и только ей могла прийти в голову дерзкая мысль вытащить последний труп на середину улицы.

---

[14] Примечания: 14
Болиголов — ядовитое растение, высотой в рост человека.

В эту ночь крестьяне не посмели развести костры на полях, и Хатхи с сыновьями вышел подбирать то, что осталось; а там, где пройдёт Хатхи, уже нечего больше подбирать. Люди решили питаться зерном, припасённым для посева, пока не пройдут дожди, а потом наняться в работники, чтобы наверстать потерянный год. Но пока хлеботорговец думал о своих корзинах, полных зерна, и о ценах, какие он будет брать с покупателей, острые клыки Хатхи ломали угол его глинобитного амбара и крушили большой плетёный закром, где хранилось зерно.

После того как обнаружили эту потерю, пришла очередь жреца сказать своё слово. Богам он уже молился, но напрасно. Возможно, говорил он, что деревня, сама того не зная, оскорбила какого-нибудь бога джунглей: по всему видно, что джунгли против них. Тогда послали за главарём соседнего племени бродячих гондов, маленьких, умных, чёрных, как уголь, охотников, живущих в глубине джунглей, чьи предки происходят от древнейших народностей Индии — от первоначальных владельцев земли. Гонда угостили тем, что нашлось, а он стоял на одной ноге, с луком в руках и двумя-тремя отравленными стрелами, воткнутыми в волосы, и смотрел не то с испугом,

не то с презрением на встревоженных людей и на их опустошённые поля. Люди хотели узнать, не сердятся ли на них его боги, старые боги, и какие жертвы им нужны. Гонд ничего не ответил, но сорвал длинную плеть ползучей дикой тыквы, приносящей горькие плоды, и заплёл ею двери храма на глазах у изумлённого божка. Потом он несколько раз махнул рукой по воздуху в ту сторону, где была дорога в Канхивару, и ушёл обратно к себе в джунгли смотреть, как стада животных проходят по ним. Он знал, что, когда джунгли наступают, только белые люди могут остановить их движение.

Незачем было спрашивать, что он хотел этим сказать. Дикая тыква вырастет там, где люди молились своему богу, и чем скорее они уйдут отсюда, тем лучше.

Но нелегко деревне сняться с насиженного места. Люди оставались до тех пор, пока у них были летние запасы. Они пробовали собирать орехи в джунглях, но тени с горящими глазами следили за ними даже среди дня, а когда люди в испуге повернули обратно, со стволов деревьев, мимо которых они проходили всего пять минут назад, оказалась содранной кора ударами чьей-то большой, когтистой лапы. Чем больше люди

жались к деревне, тем смелей становились дикие звери, с рёвом и топотом гулявшие по пастбищам у Вайнганги. У крестьян не хватало духа чинить и латать задние стены опустелых хлевов, выходившие в лес. Дикие свиньи топтали развалины, и узловатые корни лиан спешили захватить только что отвоёванную землю и забрасывали через стены хижины цепкие побеги, а вслед за лианами щетинилась жёсткая трава. Холостяки сбежали первыми и разнесли повсюду весть, что деревня обречена на гибель. Кто мог бороться с джунглями, когда даже деревенская кобра покинула свою нору под смоковницей!

Люди всё меньше и меньше общались с внешним миром, а протоптанные через равнину тропы становились всё уже и уже. И трубный зов Хатхи и его троих сыновей больше не тревожил деревню по ночам: им больше незачем было приходить. Поля за околицей зарастали травой, сливаясь с джунглями, и для деревни настала пора уходить в Канхивару.

Люди откладывали уход со дня на день, пока первые дожди не захватили их врасплох. Нечиненые крыши стали протекать, выгон покрылся водой по щиколотку, и всё, что было зелено, пошло сразу в рост после летней засухи. Тогда

люди побрели вброд — мужчины, женщины и дети — под слепящим и тёплым утренним дождём и, конечно, обернулись, чтобы взглянуть в последний раз на свои дома.

И как раз когда последняя семья, нагруженная узлами, проходила в ворота, с грохотом рухнули балки и кровли за деревенской оградой. Люди увидели, как мелькнул на мгновение блестящий, чёрный, как змея, хобот, размётывая мокрую солому крыши. Он исчез, и опять послышался грохот, а за грохотом — визг. Хатхи срывал кровли с домов, как мы срываем водяные лилии, и отскочившая балка ушибла его. Только этого ему и не хватало, чтобы разойтись вовсю, потому что из диких зверей, живущих в джунглях, взбесившийся дикий слон всех больше буйствует и разрушает. Он лягнул задней ногой глинобитную стену, и стена развалилась от удара, а потоки дождя превратили её в жёлтую грязь. Хатхи кружился и трубил, и метался по узким улицам, наваливаясь на хижины справа и слева, ломая шаткие двери, круша стропила; а три его сына бесновались позади отца, как бесновались при разгроме полей Бхаратпура.

— Джунгли поглотят эти скорлупки, — сказал спокойный голос среди развалин. — Сначала

нужно свалить ограду.

И Маугли, блестя мокрыми от дождя плечами, отскочил от стены, которая осела на землю, как усталый буйвол.

— Всё в своё время, — прохрипел Хатхи. — О да, в Бхаратпуре мои клыки покраснели от крови! К ограде, дети мои! Головой! Все вместе! Ну!

Все четверо налегли, стоя рядом. Ограда пошатнулась, треснула и упала, и люди, онемев от ужаса, увидели в неровном проломе измазанные глиной головы разрушителей. Люди бросились бежать вниз по долине, оставшись без приюта и без пищи, а их деревня словно таяла позади, растоптанная, размётанная и разнесённая в клочки.

Через месяц от деревни остался рыхлый холмик, поросший нежной молодой зеленью, а когда прошли дожди, джунгли буйно раскинулись на том самом месте, где всего полгода назад были вспаханные поля.

Княжеский Анкас

Каа, большой горный удав, переменил кожу — верно, в двухсотый раз со дня рождения, — и Маугли, который никогда не забывал, что Каа спас ему жизнь однажды ночью в Холодных Берлогах, о чём, быть может, помните и вы, пришёл его поздравить. Меняя кожу, змея бывает угрюма и раздражительна, до тех пор пока новая кожа

не станет блестящей и красивой. Каа больше не подсмеивался над Маугли. Как и все в джунглях, он считал его Хозяином Джунглей и рассказывал ему все новости, какие, само собой, приходится слышать удаву его величины. То, чего Каа не знал о средних джунглях, как их называют, о жизни, которая идёт у самой земли или под землёй, о жизни около валунов, кочек и лесных пней, уместилось бы на самой маленькой из его чешуек.

В тот день Маугли сидел меж больших колец Каа, перебирая пальцами чешуйчатую старую кожу, сброшенную удавом среди камней. Каа очень любезно подставил своё тело под широкие голые плечи Маугли, и мальчик сидел словно в живом кресле.

— Она вся целая, даже и чешуйки на глазах целы, — негромко сказал Маугли, играя сброшенной кожей. — Как странно видеть у своих ног то, что покрывало голову!

— Да, только ног у меня нет, — ответил Каа, — и я не вижу тут ничего странного, это в обычае моего народа. Разве ты никогда не чувствуешь, что кожа у тебя сухая и жёсткая?

— Тогда я иду купаться, Плоскоголовый, хотя, правда, в сильную жару мне хочется сбросить кожу совсем и бегать без кожи.

— Я и купаюсь и меняю кожу. Ну, как тебе нравится моя новая одежда?

Маугли провёл рукой по косым клеткам огромной спины.

— У черепахи спина твёрже, но не такая пёстрая, — сказал он задумчиво. — У лягушки, моей тёзки, она пестрей, но не такая твёрдая. На вид очень красиво, точно пёстрый узор в чашечке лилии.

— Новой коже нужна вода. До первого купанья цвет всё ещё не тот. Идём купаться!

— Я понесу тебя, — сказал Маугли и, смеясь, нагнулся, чтобы приподнять большое тело Каа там, где оно казалось всего толще.

Это было всё равно что поднять водопроводную трубу двухфутовой толщины, и Каа лежал неподвижно, тихо пыхтя от удовольствия. Потом у них началась привычная вечерняя игра — мальчик в расцвете сил и удав в великолепной новой коже стали бороться друг с другом, пробуя зоркость и силу. Разумеется, Каа мог раздавить сотню таких, как Маугли, если бы дал себе волю, но он играл осторожно, никогда не пользуясь и десятой долей своей мощи.

Как только Маугли стал достаточно крепок, чтобы с ним можно было бороться, Каа научил

мальчика этой игре, и его тело сделалось от этого необыкновенно гибким. Иной раз Маугли стоял, захлёстнутый почти до горла гибкими кольцами Каа, силясь высвободить одну руку и ухватить его за шею… Тогда Каа, весь обмякнув, ослаблял хватку, а Маугли своими быстрыми ногами не давал найти точку опоры огромному хвосту, который тянулся назад, нащупывая камень или пень. Они качались взад и вперёд, голова к голове, каждый выжидая случая напасть, и наконец прекрасная, как изваяние, группа превращалась в вихрь чёрных с жёлтым колец и мелькающих ног и рук, чтобы снова и снова подняться.

— Ну-ну-ну! — говорил Каа, делая головой выпады, каких не могла отразить даже быстрая рука Маугли. — Смотри! Вот я дотронулся до тебя, Маленький Брат! Вот и вот! Разве руки у тебя онемели? Вот опять!

Эта игра всегда кончалась одинаково: прямым, быстрым ударом головы Каа всегда сбивал мальчика с ног. Маугли так и не выучился обороняться против этого молниеносного выпада; и, по словам Каа, на это не стоило тратить время.

— Доброй охоты! — проворчал наконец Каа.

И Маугли, как всегда, отлетел шагов на десять в сторону, задыхаясь и хохоча.

Он поднялся, набрав полные руки травы, и пошёл за Каа к любимому месту купанья мудрой змеи — глубокой, чёрной, как смоль, заводи, окружённой скалами и особенно привлекательной из-за потонувших стволов. По обычаю джунглей мальчик бросился в воду без звука и нырнул; потом вынырнул, тоже без звука, лёг на спину, заложив руки под голову, и, глядя на луну, встающую над скалами, начал разбивать пальцами ног её отражение в воде. Треугольная голова Каа разрезала воду, как бритва, и, поднявшись из воды, легла на плечо Маугли. Они лежали неподвижно, наслаждаясь обволакивающей их прохладой.

— Как хорошо! — сонно сказал Маугли. — А в человечьей стае в это время, помню, ложились на жёсткое дерево внутри земляных ловушек и, закрывшись хорошенько со всех сторон от свежего ветра, укутывались с головой затхлыми тряпками и заводили носом скучные песни. В джунглях лучше!

Торопливая кобра проскользнула мимо них по скале, напилась, пожелала им доброй охоты и скрылась.

— О-о-ш! — сказал Каа, словно вспомнив о чём-то. — Так, значит, джунгли дают тебе всё, чего тебе только хочется, Маленький Брат?

— Не всё, — сказал Маугли, засмеявшись, — а не то можно было бы каждый месяц убивать нового Шер-Хана. Теперь я мог бы убить его собственными руками, не прося помощи у буйволов. Ещё мне хочется иногда, чтобы солнце светило во время дождей или чтобы дожди закрыли солнце в разгаре лета. А когда я голоден, мне всегда хочется убить козу, а если убью козу, хочется, чтобы это был олень, а если это олень, хочется, чтобы это был нильгау. Но ведь так бывает и со всеми.

— И больше тебе ничего не хочется? — спросил Каа.

— А чего мне больше хотеть? У меня есть джунгли и Милость Джунглей! Разве есть ещё что-нибудь на свете между востоком и западом?

— А кобра говорила… — начал Каа.

— Какая кобра? Та, что уползла сейчас, ничего не говорила: она охотилась.

— Не эта, а другая.

— И много у тебя дел с Ядовитым Народом? Я их не трогаю, пусть идут своей дорогой. Они носят смерть в передних зубах, и это нехорошо — они такие маленькие. Но с какой же это коброй ты разговаривал?

Каа медленно покачивался на воде, как пароход на боковой волне.

— Три или четыре месяца назад, — сказал он, — я охотился в Холодных Берлогах — ты, может быть, ещё не забыл про них, — и тварь, за которой я охотился, с визгом бросилась мимо водоёмов к тому дому, который я когда-то проломил ради тебя, и убежала под землю.

— Но в Холодных Берлогах никто не живёт под землёй. — Маугли понял, что Каа говорит про Обезьяний Народ.

— Эта тварь не жила, а спасала свою жизнь, — ответил Каа, высовывая дрожащий язык. — Она уползла в нору, которая шла очень далеко. Я пополз за ней, убил её, а потом уснул. А когда проснулся, то пополз вперёд.

— Под землёй?

— Да. И наконец набрёл на Белый Клобук — белую кобру, которая говорила со мной о непонятных вещах и показала мне много такого, чего я никогда ещё не видел.

— Новую дичь? И хорошо ты поохотился? — Маугли быстро перевернулся на бок.

— Это была не дичь, я обломал бы об неё все зубы, но Белый Клобук сказал, что люди — а говорил он так, будто знает эту породу, — что люди отдали бы последнее дыхание, лишь бы взглянуть на эти вещи.

— Посмотрим! — сказал Маугли. — Теперь я вспоминаю, что когда-то был человеком.

— Тихонько, тихонько! Торопливость погубила Жёлтую Змею, которая съела солнце. Мы поговорили под землёй, и я рассказал про тебя, называя тебя человеком. Белая кобра сказала (а она поистине стара, как джунгли): «Давно уже не видала я человека. Пускай придёт, тогда и увидит все эти вещи. За самую малую из них многие люди не пожалели бы жизни».

— Значит, это новая дичь. А ведь Ядовитый Народ никогда не говорит нам, где есть вспугнутая дичь. Они недружелюбны.

— Это не дичь. Это… это… я не могу сказать, что это такое.

— Мы пойдём туда. Я ещё никогда не видел белой кобры, да и на всё остальное мне тоже хочется посмотреть. Это она их убила?

— Они все неживые. Кобра сказала, что она сторожит их.

— А! Как волк сторожит добычу, когда притащит её в берлогу. Идём!

Маугли подплыл к берегу, покатался по траве, чтобы обсушиться, и они вдвоём отправились к Холодным Берлогам — заброшенному городу, о котором вы, быть может, читали.

Маугли теперь ничуть не боялся обезьян, зато обезьяны дрожали от страха перед Маугли. Однако обезьянье племя рыскало теперь по джунглям, и Холодные Берлоги стояли в лунном свете пустые и безмолвные.

Каа подполз к развалинам княжеской беседки на середине террасы, перебрался через кучи щебня и скользнул вниз по засыпанной обломками лестнице, которая вела в подземелье. Маугли издал Змеиный Клич: «Мы с вами одной крови, вы и я!» — и пополз за ним на четвереньках. Оба они долго ползли по наклонному коридору, который несколько раз сворачивал в сторону, и наконец добрались до такого места, где корень старого дерева, поднимавшегося над землёй футов на тридцать, вытеснил из стены большой камень. Они пролезли в дыру и очутились в просторном подземелье, своды которого, раздвинутые корнями деревьев, тоже были все в трещинах, так что сверху в темноту падали тонкие лучики света.

— Надёжное убежище! — сказал Маугли, выпрямляясь во весь рост. — Только оно слишком далеко, чтобы каждый день в нём бывать. Ну, а что же мы тут увидим?

— Разве я ничто? — сказал чей-то голос в глубине подземелья.

Перед Маугли мелькнуло что-то белое, и мало-помалу он разглядел такую огромную кобру, каких он до сих пор не встречал, — почти в восемь футов длиной, вылинявшую от жизни в темноте до желтизны старой слоновой кости. Даже очки на раздутом клобуке стали у неё бледно-жёлтыми. Глаза у кобры были красные, как рубины, и вся она была такая диковинная с виду.

— Доброй охоты! — сказал Маугли, у которого вежливые слова, как и охотничий нож, были всегда наготове.

— Что нового в городе? — спросила белая кобра, не отвечая на приветствие. — Что нового в великом городе, обнесённом стеной, в городе сотни слонов, двадцати тысяч лошадей и несметных стад, — в городе князя над двадцатью князьями? Я становлюсь туга на ухо и давно уже не слыхала боевых гонгов.

— Над нами джунгли, — сказал Маугли. — Из слонов я знаю только Хатхи и его сыновей. А что такое «князь»?

— Я говорил тебе, — мягко сказал Каа, — я говорил тебе четыре луны назад, что твоего города уже нет.

— Город, великий город в лесу, чьи врата охраняются княжескими башнями, не может

исчезнуть. Его построили ещё до того, как дед моего деда вылупился из яйца, и он будет стоять и тогда, когда сыновья моих сыновей побелеют, как я. Саладхи, сын Чандрабиджи, сына Вийеджи, сына Ягасари, построил его в давние времена. А кто ваш господин?

— След потерялся, — сказал Маугли, обращаясь к Каа. — Я не понимаю, что она говорит.

— Я тоже. Она очень стара… Прародительница Кобр, тут кругом одни только джунгли, как и было всегда, с самого начала.

— Тогда кто же он, — спросила белая кобра, — тот, что сидит передо мной и не боится? Тот, что не знает имени князя и говорит на нашем языке устами человека? Кто он, с ножом охотника и языком змеи?

— Меня зовут Маугли, — был ответ. — Я из джунглей. Волки — мой народ, а это Каа, мой брат. А ты кто, мать Кобр?

— Я страж княжеского сокровища. Каран Раджа положил надо мной камни ещё тогда, когда у меня была тёмная кожа, чтобы я убивала тех, что придут сюда воровать. Потом сокровища опустили под камень, и я услышала пение жрецов, моих

учителей.[15]

«Гм! — сказал про себя Маугли. — С одним жрецом я уже имел дело в человечьей стае, и я знаю, что знаю. Скоро сюда придёт беда».

— Пять раз поднимали камень с тех пор, как я стерегу сокровище, но всегда для того, чтобы прибавить ещё, а не унести отсюда. Нигде нет таких богатств, как эти — сокровища ста князей. Но давно-давно уже не поднимали камень, и мне кажется, что про мой город забыли.

— Города нет. Посмотри вокруг — вон корни больших деревьев раздвинули камни. Деревья и люди не растут вместе, — уговаривал её Каа.

— Дважды и трижды люди находили сюда дорогу, — злобно ответила кобра, — но они ничего не говорили, пока я не находила их ощупью в темноте, а тогда кричали, только совсем недолго. А вы оба пришли ко мне с ложью, и человек и змея, и хотите, чтобы я вам поверила, будто моего города больше нет и пришёл конец моей службе. Люди мало меняются с годами. А я не меняюсь! Пока не поднимут камень, и не придут жрецы с пением знакомых мне песен, и не напоят меня тёплым молоком, и не вынесут отсюда на свет, я,

---

[15] Примечания: 15

Раджа — индийский князь, правитель какой-либо области.

я, я — и никто другой! — буду Стражем Княжеского Сокровища! Город умер, говорите вы, и сюда проникли корни деревьев? Так нагнитесь же и возьмите что хотите! Нет нигде на земле таких сокровищ! Человек со змеиным языком, если ты сможешь уйти отсюда живым той дорогой, какой пришёл, князья будут тебе слугами!

— След опять потерялся, — спокойно сказал Маугли. — Неужели какой-нибудь шакал прорылся так глубоко и укусил большой Белый Клобук? Она, верно, взбесилась... Мать Кобр, я не вижу, что можно отсюда унести.

— Клянусь богами Солнца и Луны, мальчик потерял разум! — прошипела кобра. — Прежде чем закроются твои глаза, я окажу тебе одну милость. Смотри — и увидишь то, чего не видел ещё никто из людей!

— Худо бывает тому, кто говорит Маугли о милостях, — ответил мальчик сквозь зубы, — но в темноте всё меняется, я знаю. Я посмотрю, если тебе так хочется.

Прищурив глаза, он обвёл пристальным взглядом подземелье, потом поднял с полу горсть чего-то блестящего.

— Ого! — сказал он. — Это похоже на те штучки, которыми играют в человечьей стае. Только эти

жёлтые, а те были коричневые.

Он уронил золото на пол и сделал шаг вперёд. Всё подземелье было устлано слоем золотых и серебряных монет толщиной в пять-шесть футов, высыпавшихся из мешков, где они прежде хранились. За долгие годы металл слежался и выровнялся, как песок во время отлива. На монетах и под ними, зарывшись в них, как обломки крушения в песке, были чеканного серебра сёдла для слонов с бляхами кованого золота, украшенные рубинами и бирюзой. Там были паланкины и носилки для княгинь, окованные и отделанные серебром и эмалью, с нефритовыми ручками и янтарными кольцами для занавесей; там были золотые светильники с изумрудными подвесками, колыхавшимися на них; там были пятифутовые статуи давно забытых богов, серебряные, с изумрудными глазами; были кольчуги, стальные, с золотой насечкой и с бахромой почерневшего мелкого жемчуга; там были шлемы с гребнями, усеянными рубинами цвета голубиной крови; там были лакированные щиты из панциря черепахи и кожи носорога, окованные червонным золотом, с изумрудами по краям; охапки сабель, кинжалов и охотничьих ножей с алмазными рукоятками; золотые чаши и ковши и переносные

алтари, никогда не видевшие дневного света; нефритовые чаши и браслеты; кадильницы, гребни, сосуды для духов, хны и сурьмы, все чеканного золота; множество колец для носа, обручей, перстней и поясов; пояса в семь пальцев шириной из гранёных алмазов и рубинов и деревянные шкатулки, трижды окованные железом, дерево которых рассыпалось в прах и остались груды опалов, кошачьего глаза, сапфиров, рубинов, брильянтов, изумрудов и гранатов.

Белая кобра была права: никакими деньгами нельзя было оценить такое сокровище — плоды многих столетий войн, грабежей, торговли и поборов. Одним монетам не было цены, не говоря уже о драгоценных камнях; золота и серебра тут было не меньше двухсот или трёхсот тонн чистым весом.

Но Маугли, разумеется, не понял, что значат эти вещи. Ножи заинтересовали его немножко, но они были не так удобны, как его собственный нож, и потому он их бросил. Наконец он отыскал нечто в самом деле пленительное, лежавшее перед слоновым седлом, полузарытым в монетах. Это был двухфутовый анкас, или бодило для слонов, похожий на маленький лодочный багор. На его верхушке сидел круглый сверкающий

рубин, а восьмидюймовой длины ручка была сплошь украшена нешлифованной бирюзой, так что держать её было очень удобно. Ниже был нефритовый ободок, а кругом него шёл узор из цветов, только листья были изумрудные, а цветы — рубины, вделанные в прохладный зелёный камень. Остальная часть ручки была из чистой слоновой кости, а самый конец — остриё и крюк — был стальной, с золотой насечкой, изображавшей охоту на слонов. Картинки и пленили Маугли, который увидел, что они изображают его друга Хатхи. [16]

Белая кобра следовала за ним по пятам.

— Разве не стоит отдать жизнь за то, чтобы это увидеть? — сказала она. — Правда, я оказала тебе великую милость?

— Я не понимаю, — ответил Маугли. — Они все твёрдые и холодные и совсем не годятся для еды. Но вот это, — он поднял анкас, — я хотел бы унести с собой, чтобы разглядеть при солнце. Ты говоришь, что это всё твоё. Так подари это мне, а я принесу тебе лягушек для еды.

---

[16] Примечания: 16

Анкас, анкус — короткое копьё, которое использовали для дрессировки или управления слонами.

Белая кобра вся затряслась от злобной радости.

— Конечно, я подарю это тебе, — сказала она. — Всё, что здесь есть, я дарю тебе — до тех пор, пока ты не уйдёшь.

— Но я ухожу сейчас. Здесь — темно и холодно, а я хочу унести эту колючую штуку с собой в джунгли.

— Взгляни себе под ноги! Что там лежит?

Маугли подобрал что-то белое и гладкое.

— Это человечий череп, — сказал он равнодушно. — А вот и ещё два.

— Много лет назад эти люди пришли, чтобы унести сокровище. Я поговорила с ними в темноте, и они успокоились.

— Но разве мне нужно что-нибудь из того, что ты называешь сокровищем? Если ты позволишь мне унести анкас, это будет добрая охота. Если нет, всё равно это будет добрая охота. Я не враждую с Ядовитым Народом, а кроме того, я знаю Заветное Слово твоего племени.

— Здесь только одно Заветное Слово, и это Слово — моё!

Каа метнулся вперёд, сверкнув глазами:

— Кто просил меня привести человека?

— Я, конечно, — прошелестела старая кобра. — Давно уже не видала я человека, а этот человек

говорит по-нашему.

— Но о том, чтобы убивать, не было уговора. Как же я вернусь в джунгли и расскажу, что отвёл его на смерть?

— Я и не убью его раньше времени. А если тебе надо уйти, вон дыра в стене. Помолчи-ка теперь, жирный убийца обезьян! Стоит мне коснуться твоей шеи, и джунгли тебя больше не увидят. Никогда ещё человек не уходил отсюда живым. Я Страж Сокровищ в Княжеском городе!

— Но говорят тебе, ты, белый ночной червяк, что нет больше ни князя, ни города! Вокруг нас одни только джунгли! — воскликнул Каа.

— А сокровище есть. Но вот что можно сделать. Не уходи ещё, Каа, — посмотришь, как будет бегать мальчик. Здесь есть где поохотиться. Жизнь хороша, мальчик! Побегай взад и вперёд, порезвись!

Маугли спокойно положил руку на голову Каа.

— Эта белая тварь до сих пор видела только людей из человечьей стаи. Меня она не знает, — прошептал он. — Она сама напросилась на охоту. Пусть получает!

Маугли стоял, держа в руках анкас остриём вниз. Он быстро метнул анкас, и тот упал наискось, как раз за клобуком большой змеи,

пригвоздив её к земле. В мгновение ока удав налёг всей своей тяжестью на взвивающееся тело кобры, прижав его от клобука до хвоста. Красные глаза кобры горели, и голова на свободной шее бешено моталась вправо и влево.

— Убей её! — сказал Каа, видя, что Маугли берётся за нож.

— Нет, — сказал Маугли, доставая нож, — больше я не хочу убивать, разве только для пищи. Посмотри сам, Каа!

Он схватил кобру пониже клобука, раскрыл ей рот лезвием ножа и показал, что страшные ядовитые зубы в верхней челюсти почернели и выкрошились. Белая кобра пережила свой яд, как это бывает со змеями.

— Тхунтх (Гнилая Колода), — сказал Маугли и, сделав Каа знак отстраниться, выдернул анкас из земли и освободил белую кобру.

— Княжескому сокровищу нужен новый страж, — сказал он сурово. — Тхунтх, ты оплошала. Побегай взад и вперёд, порезвись, Гнилая Колода!

— Мне стыдно! Убей меня! — прошипела белая кобра.

— Слишком много было разговоров про убийство. Теперь мы уйдём. Я возьму эту колючую

штуку, Тхунтх, потому что я дрался и одолел тебя.

— Смотри, чтоб она не убила тебя в конце концов. Это смерть! Помни, это смерть! В ней довольно силы, чтобы убить всех людей в моём городе. Недолго ты удержишь её, Человек Джунглей, или тот, кто отнимет её у тебя. Ради неё будут убивать, убивать и убивать! Моя сила иссякла, зато колючка сделает моё дело. Это смерть! Это смерть! Это смерть!

Маугли выбрался через дыру в подземный коридор и, обернувшись, увидел, как белая кобра яростно кусает потерявшими силу зубами неподвижные лица золотых идолов, лежащих на полу, и шипит:

— Это смерть!

Маугли и Каа были рады, что снова выбрались на дневной свет.

Как только они очутились в родных джунглях и анкас в руках мальчика засверкал на утреннем солнце, он почувствовал почти такую же радость, как если б нашёл пучок новых цветов, для того чтобы воткнуть их себе в волосы.

— Это ярче глаз Багиры, — сказал он с восхищением, поворачивая рубин. — Я покажу ей эту штуку. Но что хотела сказать Гнилая Колода сво-

ими словами о смерти?

— Не знаю. Мне до кончика хвоста обидно, что она не попробовала твоего ножа. Всегда в Холодных Берлогах таится какая-нибудь беда — и на земле и под землёй… А теперь я хочу есть. Ты поохотишься вместе со мною нынче на заре? — сказал Каа.

— Нет, надо показать эту штуку Багире. Доброй охоты!

Маугли приплясывал на бегу, размахивая большим анкасом, и останавливался время от времени, чтобы полюбоваться на него. Добравшись наконец до тех мест в джунглях, где отдыхала обычно Багира, он нашёл её у водопоя, после охоты на крупного зверя. Маугли стал рассказывать ей обо всех своих приключениях, а Багира слушала и время от времени обнюхивала анкас. Когда Маугли дошёл до последних слов белой кобры, Багира одобрительно замурлыкала.

— Значит, Белый Клобук говорил правду? — живо спросил Маугли.

— Я родилась в княжеском зверинце в Удайпуре и, кажется, знаю кое-что о человеке. Многие люди убивали бы трижды в ночь ради одного этого красного камня.

— Но от камня ручку только тяжелее держать.

Мой блестящий ножик гораздо лучше, и — слушай! — красный камень не годится для еды. Так для чего же убивать?

— Маугли, ступай спать. Ты жил среди людей, и…

— Я помню. Люди убивают, потому что не охотятся, — от безделья, ради забавы. Проснись же, Багира! Для чего сделана эта колючая штука?

Багира приоткрыла сонные глаза, и в них сверкнула лукавая искорка.

— Её сделали люди для того, чтобы колоть голову сыновьям Хатхи. Я видела такие на улицах Удайпура перед зверинцем. Эта вещь отведала крови многих таких, как Хатхи.

— Но зачем же колоть ею головы слонов?

— Затем, чтобы научить их Закону Человека. У людей нет ни когтей, ни зубов, оттого они и делают вот такие штуки и даже хуже.

— Если бы я это знал, то не взял бы его. Я не хочу его больше. Смотри!

Анкас полетел, сверкая, и зарылся в землю в пятидесяти шагах от них, среди деревьев.

— Теперь я очистил мои руки от смерти, — сказал Маугли, вытирая руки о свежую влажную землю. — Белая кобра говорила, что смерть будет ходить за мной по пятам. Она состарилась, побе-

лела и выжила из ума.

— Смерть или жизнь, почернела или побелела, а я пойду спать, Маленький Брат. Я не могу охотиться всю ночь и выть весь день, как другие.

Багира знала удобное логово в двух милях от водопоя и отправилась туда отдыхать. Маугли недолго думая забрался на дерево, связав вместе две-три лианы, и гораздо скорее, чем можно об этом рассказать, качался в гамаке в пятидесяти футах над землёю. Хотя Маугли не боялся яркого дневного света, он всё же следовал обычаю своих друзей и старался как можно меньше бывать на солнце. Когда его разбудили громкие голоса обитателей деревьев, были опять сумерки, и во сне ему снились те красивые камешки, что он выбросил.

— Хоть погляжу на них ещё раз, — сказал он и спустился по лиане на землю.

Но Багира опередила его: Маугли было слышно, как она обнюхивает землю в полумраке.

— А где же колючая штука? — воскликнул Маугли.

— Её взял человек. Вот и след.

— Теперь мы увидим, правду ли говорила белая кобра. Если колючая тварь и вправду смерть, этот человек умрёт. Пойдём по следу.

— Сначала поохотимся, — сказала Багира, — на пустой желудок глаза плохо видят. Люди двигаются очень медленно, а в джунглях так сыро, что самый лёгкий след продержится долго.

Они постарались покончить с охотой как можно скорее, и всё же прошло почти три часа, прежде чем они наелись, напились и пошли по следу. Народ Джунглей знает, что торопиться во время еды не следует, потому что упущенного не вернёшь.

— Как ты думаешь, колючая тварь обернётся в руках человека и убьёт его? — спросил Маугли. — Белая кобра говорила, что это смерть.

— Увидим, когда догоним, — сказала Багира. Она бежала рысью, нагнув голову. — След одиночный (она хотела сказать, что человек был один), и от тяжёлой ноши пятка ушла глубоко в землю.

— Гм! Это ясно, как летняя молния, — согласился с ней Маугли.

И они помчались по следам двух босых ног быстрой рысью, попадая то во тьму, то в полосы лунного света.

— Теперь он бежит быстро, — сказал Маугли, — пальцы растопырены. — Они бежали дальше по сырой низине. — А почему здесь он свернул в сторону?

— Погоди! — сказала Багира и одним великолепным прыжком перемахнула через лужайку.

Первое, что нужно сделать, когда след становится непонятным, — это прыгнуть вперёд, чтобы не оставлять путаных следов на земле. После прыжка Багира повернулась к Маугли и крикнула:

— Здесь второй след идёт ему навстречу. На том втором следу нога меньше и пальцы поджаты.

Маугли подбежал и посмотрел.

— Это нога охотника-гонда, — сказал он. — Гляди! Здесь он протащил свой лук по траве. Вот почему первый след свернул в сторону. Большая Нога пряталась от Маленькой Ноги.

— Да, верно, — сказала Багира. — Теперь, чтобы не наступать друг другу на следы и не путаться, возьмём каждый по одному следу. Я буду Большая Нога, Маленький Брат, а ты — Маленькая Нога.

Багира перепрыгнула на первый след, а Маугли нагнулся, разглядывая странные следы ног с поджатыми пальцами.

— Вот, — сказала Багира, шаг за шагом продвигаясь вперёд по цепочке следов, — я, Большая Нога, сворачиваю здесь в сторону. Вот я прячусь за скалу и стою тихо, не смея переступить с ноги на ногу. Говори, что у тебя, Маленький Брат.

— Вот я, Маленькая Нога, подхожу к скале, —

говорил Маугли, идя по следу. — Вот я сажусь под скалой, опираясь на правую руку, и ставлю свой лук между большими пальцами ног. Я жду долго, и потому мои ноги оставляют здесь глубокий отпечаток.

— Я тоже, — сказала Багира, спрятавшись за скалой. — Я жду, поставив колючку острым концом на камень. Она скользит: на камне осталась царапина. Скажи, что у тебя, Маленький Брат.

— Одна-две ветки и большой сучок сломаны здесь, — сказал Маугли шёпотом. — А как рассказать вот это? А! Теперь понял. Я, Маленькая Нога, ухожу с шумом и топотом, чтобы Большая Нога слышала меня.

Маугли шаг за шагом отходил от скалы, прячась между деревьями и повышая голос, по мере того как приближался к маленькому водопаду.

— Я — отхожу — далеко — туда, — где — шум — водопада — заглушает — мои — шаги, — и здесь — я — жду. Говори, что у тебя, Багира, Большая Нога!

Пантера металась во все стороны, разглядывая, куда ведёт отпечаток большой ноги из-за скалы. Потом подала голос:

— Я ползу из-за скалы на четвереньках и тащу за собой колючую тварь. Не видя никого, я

бросаюсь бежать. Я, Большая Нога, бегу быстро. Путь ясно виден. Идём каждый по своему следу. Я бегу!

Багира помчалась по ясно видимому следу, а Маугли побежал по следу охотника. На время в джунглях наступило молчание.

— Где ты, Маленькая Нога? — окликнула Багира.

Голос Маугли отозвался в пятидесяти шагах справа.

— Гм! — произнесла Багира, глухо кашляя. — Оба они бегут бок о бок и сходятся всё ближе!

Они пробежали ещё с полмили, оставаясь на том же расстоянии, пока Маугли, который не пригибался так низко к земле, не крикнул:

— Они сошлись! Доброй охоты! Смотри-ка! Тут стояла Маленькая Нога, опираясь коленом на камень, а там — Большая Нога.

Меньше чем в десяти шагах от них, растянувшись на гряде камней, лежало тело крестьянина здешних мест. Тонкая оперённая стрела охотника-гонда пронзила ему насквозь спину и грудь.

— Так ли уж одряхлела и выжила из ума белая кобра? — мягко спросила Багира. — Вот, по крайней мере, одна смерть.

— Идём дальше. А где же та, что пьёт слоновью

кровь, — где красноглазая колючка?

— Может быть, у Маленькой Ноги. Теперь след опять одиночный.

Одинокий след легконогого человека, быстро бежавшего с ношей на левом плече, шёл по длинному пологому откосу, поросшему сухой травой, где каждый шаг был словно выжжен калёным железом.

Оба молчали, пока след не привёл их к золе костра, укрытого в овраге.

— Опять! — сказала Багира и остановилась, словно окаменев.

Тело маленького сморщенного охотника лежало пятками в золе, и Багира вопросительно посмотрела на Маугли.

— Это сделано бамбуковой палкой, — сказал Маугли, взглянув на тело. — У меня тоже была такая, когда я служил человечьей стае и пас буйволов. Мать Кобр — мне жаль, что я посмеялся над нею, — знает эту породу, и я мог бы об этом догадаться. Разве я не говорил, что люди убивают от безделья?

— Право же, его убили ради красных и голубых камней, — ответила Багира. — Не забудь, что я была в княжеском зверинце в Удайпуре.

— Один, два, три, четыре следа, — сказал Маугли, нагибаясь над пеплом костра. — Четыре следа обутых людей. Они ходят не так быстро, как охотники-гонды. Ну что худого сделал им маленький лесной человек? Смотри, они разговаривали все впятером, стоя вокруг костра, прежде чем убили его. Багира, идём обратно. На желудке у меня тяжело, и, однако, он скачет то вверх, то вниз, как гнездо иволги на конце ветки.

— Плохая охота — упускать добычу. Идём за ними! — сказала пантера. — Эти восемь обутых ног недалеко ушли.

Они бежали целый час молча по широкой тропе, протоптанной четырьмя обутыми людьми. Уже настал ясный, жаркий день, и Багира сказала:

— Я чую дым.

— Люди всегда охотнее едят, чем бегают, — ответил Маугли, то скрываясь, то показываясь среди невысоких кустарников, где они теперь рыскали, обходя незнакомые джунгли. Багира, слева от Маугли, издала какой-то странный звук горлом.

— Вот этот покончил с едой! — сказала она.

Смятый ворох пёстрой одежды лежал под кустом, а вокруг него была рассыпана мука.

— Тоже сделано бамбуковой палкой. Гляди! Белый порошок — это то, что едят люди. Они отняли добычу у этого — он нёс их пищу — и отдали его в добычу коршуну Чилю.

— Это уже третий, — сказала Багира.

«Я отнесу свежих, крупных лягушек Матери Кобр и накормлю её до отвала, — сказал себе Маугли. — Этот кровопийца — сама Смерть, и всё же я ничего не понимаю!»

— Идём по следу! — сказала Багира. Они не прошли и полумили, как услышали ворона Кауа, распевавшего Песню Смерти на вершине тамариска, в тени которого лежало трое людей. Полупотухший костёр дымился в середине круга, под чугунной сковородкой с почерневшей и обгорелой пресной лепёшкой. Возле костра, сверкая на солнце, лежал бирюзово-рубиновый анкас.[17]

— Эта тварь работает быстро: всё кончается здесь, — сказала Багира. — Отчего они умерли, Маугли? Ни на ком из них нет ни знака, ни ссадины.

Житель джунглей по опыту знает о ядовитых растениях и ягодах не меньше, чем многие врачи. Маугли понюхал дым над костром, отломил кусочек почерневшей лепёшки, попробовал её и сплюнул.

— Яблоко Смерти, — закашлялся он. — Первый из них, должно быть, положил его в пищу для тех, которые убили его, убив сначала охотника.

— Добрая охота, право! Одна добыча следует за другой! — сказала Багира.

«Яблоко Смерти» — так называется в джунглях дурман, самый сильный яд во всей Индии.

---

[17] Примечания: 17

Тамариск — красиво цветущий бледно-розовыми цветами кустарник.

— Что же будет дальше? — сказала пантера. — Неужели и мы с тобой умертвим друг друга из-за этого красноглазого убийцы?

— Разве эта тварь умеет говорить? — спросил Маугли шёпотом. — Что плохого я ей сделал, когда выбросил? Нам двоим она не повредит, потому что мы не гонимся за ней. Если её оставить здесь, она, конечно, станет убивать людей одного за другим так же быстро, как падают орехи в бурю. Я не хочу, чтобы люди умирали по шестеро в ночь.

— Что за беда? Это же только люди. Они сами убивали друг друга — и были очень довольны, разве не так? — сказала Багира.

— Но всё-таки они ещё щенки, а щенок готов утопиться, лишь бы укусить луну в воде. Я виноват, — сказал Маугли, — говоря так, как будто знаю всё на свете. Никогда больше не принесу в джунгли то, чего не знаю, хотя бы оно было красиво, как цветок. Это, — он быстрым движением схватил анкас, — отправится обратно к Прародительнице Кобр. Но сначала нам надо выспаться, а мы не можем лечь рядом с этими спящими. Кроме того, нам нужно зарыть эту тварь, чтобы она не убежала и не убила ещё шестерых. Вырой яму вон под тем деревом.

— Но, Маленький Брат, — сказала Багира, под-

ходя к дереву, — говорю тебе, что кровопийца не виноват. Всё дело в людях.

— Это всё равно, — сказал Маугли. — Вырой яму поглубже. Когда мы выспимся, я возьму его и отнесу обратно.

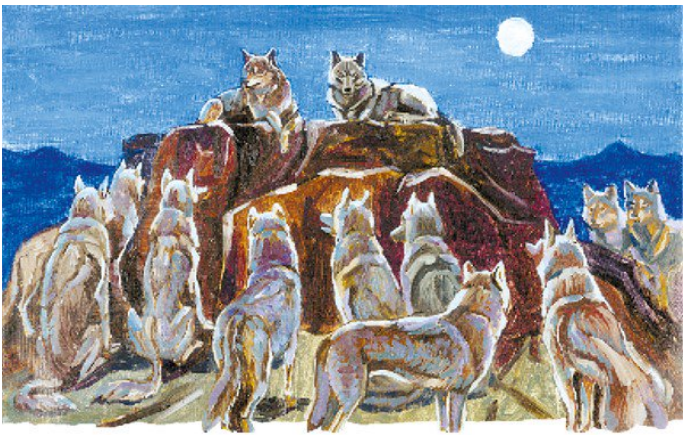
На третью ночь, когда белая кобра сидела, горюя, во мраке подземелья, пристыжённая, обобранная и одинокая, бирюзовый анкас влетел в пролом стены и зазвенел, ударившись о золотые монеты, устилавшие пол.

— Мать Кобр, — сказал Маугли (из осторожности он оставался по ту сторону стены), — добудь себе молодую, полную яда змею твоего племени, чтобы она помогала тебе стеречь княжеские сокровища и чтобы ни один человек больше не вышел отсюда живым.

— Ах-ха! Значит, он вернулся. Я говорила, что это смерть! Как же вышло, что ты ещё жив? — прошелестела старая кобра, любовно обвиваясь вокруг ручки анкаса.

— Клянусь буйволом, который выкупил меня, я и сам не знаю! Эта тварь убила шестерых за одну ночь. Не выпускай её больше!

Дикие собаки



Самое приятное время жизни началось для Маугли после того, как он напустил на деревню джунгли. Совесть у него была спокойна, как и следует после уплаты справедливого долга, и все джунгли были с ним в дружбе, потому что все джунгли его боялись. Из того, что он видел, слышал и делал, странствуя от одного народа к другому со своими четырьмя спутниками или без них, вышло бы многое множество рассказов, и

каждый рассказ был бы не короче этого. Так что вам не придётся услышать о том, как он спасся от бешеного слона Мандлы, который убил двадцать два буйвола, тащивших в казначейство одиннадцать возов серебра, и расшвырял по пыльной дороге блестящие рупии; как он бился долгой ночью с крокодилом Джакалой в болотах на севере и сломал охотничий нож о его спинные щитки; как он нашёл себе новый нож, ещё длиннее старого, на шее у человека, убитого диким кабаном; как он погнался за этим кабаном и убил его, потому что нож этого стоил; как во время Великого Голода он попал в бегущее оленье стадо и едва не был задавлен насмерть разгорячёнными оленями; как он спас Молчальника Хатхи из ловчей ямы с колом на дне; как на другой день он сам попался в хитрую ловушку для леопардов и как Хатхи освободил его, разломав толстые деревянные брусья; как он доил диких буйволиц на болоте; как…

Однако полагается рассказывать о чём-нибудь одном.

Отец и Мать Волки умерли, и Маугли, завалив устье пещеры большим камнем, пропел над ними Песню Смерти. Балу совсем одряхлел и едва двигался, и даже Багира, у которой нервы были

стальные, а мускулы железные, уже не так быстро убивала добычу.

Акела из седого стал молочно-белым, похудел от старости так, что видны были рёбра, и едва ходил, словно деревянный; для него охотился Маугли. Зато молодые волки, дети рассеянной Сионийской Стаи, преуспевали и множились. Когда их набралось голов сорок, своевольных, гладконогих волков-пятилеток, не знавших вожака, Акела посоветовал им держаться вместе, соблюдать Закон и слушаться одного предводителя, как и подобает Свободному Народу.

В этом деле Маугли не пожелал быть советчиком: он уже набил себе оскомину и знал, на каком дереве растут кислые плоды. Но когда Пхао, сын Пхаоны (его отцом был Серый Следопыт, когда Акела водил Стаю), завоевал место Вожака Стаи, как того требует Закон Джунглей, и снова зазвучали под звёздами старые песни и старые зовы, Маугли стал ходить на Скалу Совета в память о прошлом и садился рядом с Акелой. То было время удачной охоты и крепкого сна. Ни один чужак не смел вторгаться во владения Народа Маугли, как называлась теперь Стая; молодые волки жирели и набирались сил, и на каждый смотр волчицы приводили много волчат.

Маугли всегда приходил на смотр: он не забыл ещё ту ночь, когда чёрная пантера ввела в Стаю голого смуглого ребёнка и от протяжного клича: «Смотрите, смотрите, о волки!» — его сердце билось странно и тревожно. Если б не это, он ушёл бы в глубину джунглей, чтобы трогать и пробовать, видеть и слышать новое.

Однажды в сумерки, когда он бежал не спеша через горы и нёс Акеле половину убитого им оленя, а четверо волков трусили за ним рысцой и в шутку дрались и кувыркались друг через друга, радуясь жизни, он услышал вой, какого ему не приходилось слышать со времён Шер-Хана. Это было то, что в джунглях зовётся «пхиал», — вой, который издаёт шакал, когда охотится вместе с тигром или когда начинается большая охота. Представьте себе ненависть, смешанную с торжеством, страхом и отчаянием и пронизанную чем-то вроде насмешки, и вы получите понятие о пхиале, который разносился над Вайнгангой, поднимаясь и падая, дрожа и замирая. Четвёрка волков ощетинилась и заворчала. Маугли схватился за нож и замер на месте, словно окаменев.

— Ни один Полосатый не смеет охотиться здесь, — сказал он наконец.

— Это не крик Предвестника, — сказал Серый

Брат. — Это какая-то большая охота. Слушай!

Снова раздался вой, наполовину рыдание, наполовину смех, как будто у шакала были мягкие человечьи губы. Тут Маугли перевёл дыхание и бросился к Скале Совета, обгоняя по дороге спешивших туда волков.

Пхао и Акела лежали вместе на скале, а ниже, напрягшись каждым нервом, сидели остальные волки. Матери с волчатами пустились бегом к пещерам: когда раздаётся пхиал, слабым не место вне дома.

Сначала не слышно было ничего, кроме журчания Вайнганги во тьме и ночного ветра в вершинах деревьев, как вдруг за рекой провыл волк. Это был волк не Стаи, потому что вся Стая собралась на Скале Совета. Вой перешёл в протяжный, полный отчаяния лай.

— Собаки! — лаял вожак. — Дикие Собаки! Дикие Собаки!

Через несколько минут послышались усталые шаги по камням, и поджарый волк, весь в поту, с пятнами крови на боках и белой пеной у рта, ворвался в круг и, поджимая переднюю лапу и тяжело дыша, бросился к ногам Маугли.

— Доброй охоты! Из чьей ты стаи? — степенно спросил Пхао.

— Доброй охоты! Я Вантала, — был ответ.

Это значило, что он волк-одиночка, который сам промышляет для себя, своей подруги и волчат, живя где-нибудь в уединённой пещере. «Вантала» и значит «одиночка» — тот, кто живёт вне стаи. При каждом вздохе видно было, как от толчков сердца его бросает то вперёд, то назад.

— Кто идёт? — спросил Пхао (об этом всегда спрашивают в джунглях после пхиала).

— Дикие Собаки из Декана — рыжие собаки, убийцы! Они пришли на север с юга: говорят, что в Декане голод, и убивают всех по пути. Когда народилась луна, у меня было четверо — моя подруга и трое волчат. Мать учила детей охотиться в открытом поле, учила прятаться, загоняя оленя, как делаем мы, волки равнин. В полночь я ещё слышал, как мои волчата выли полным голосом, идя по следу. А когда поднялся предрассветный ветер, я нашёл всех четверых в траве, и они уже окоченели. А все четверо были живы, когда народилась луна, о Свободный Народ! Тогда я стал искать, кому отомстить, и нашёл рыжих собак.

— Сколько их? — спросил Маугли, а вся Стая глухо заворчала.

— Не знаю. Трое из них уже не убьют больше никого, но под конец они гнали меня, как оленя,

гнали, и я бежал на трёх ногах. Смотри, Свободный Народ!

Он вытянул вперёд искалеченную лапу, тёмную от засохшей крови. Весь бок снизу был у него жестоко искусан, а горло разодрано и истерзано.

— Ешь! — сказал Акела, отходя от мяса, которое принёс ему Маугли.

Волк-одиночка набросился на еду с жадностью.

— Это не пропадёт, — сказал он смиренно, утолив первый голод. — Дайте мне набраться сил, и я тоже смогу убивать! Опустела моя берлога, которая была полна, когда народился месяц, и Долг Крови ещё не весь уплачен.

Пхао, услышав, как захрустела бедренная кость оленя на зубах Вантала, одобрительно заворчал.

— Нам понадобятся эти челюсти, — сказал он. — С собаками были их щенята?

— Нет, нет, одни рыжие охотники: только взрослые псы из их стаи, крепкие и сильные.

Это значило, что рыжие собаки из Декана идут войной, а волки знают очень хорошо, что даже тигр уступает этим собакам свою добычу. Они бегут напрямик через джунгли и всё, что попадается им навстречу, сбивают с ног и разрывают в клочья. Хотя Дикие Собаки не так крупны и

не так ловки, как волки, они очень сильны, и их бывает очень много. Дикие Собаки только тогда называют себя Стаей, когда их набирается до сотни, а между тем сорок волков — это уже настоящая Стая.

В своих странствиях Маугли побывал на границе травянистых нагорий Декана и видел, как эти свирепые псы спали, играли и рылись среди кочек и ям, служивших им вместо логова. Он презирал и ненавидел Диких Собак за то, что от них пахло не так, как от волков, и за то, что они жили в пещерах, а главное, за то, что у них между пальцами растёт шерсть, тогда как у Маугли и у его друзей ноги гладкие. Однако он знал, потому что Хатхи рассказал ему об этом, какая страшная сила — охотничья стая диких псов. Хатхи и сам сторонится с их дороги, и пока всех собак не перебьют или дичи не станет мало, они бегут вперёд, а по пути убивают.

Акела тоже знал кое-что о диких собаках. Он спокойно сказал Маугли:

— Лучше умереть в Стае, чем без вожака и одному. Это будет славная охота, а для меня — последняя. Но ты — человек, и у тебя ещё много ночей и дней впереди, Маленький Брат. Ступай на север, заляг там, и если кто-нибудь из волков

останется жив после того, как уйдут собаки, он принесёт тебе весть о битве.

— Да, не знаю только, — сказал Маугли без улыбки, — уйти ли мне в болота ловить там мелкую рыбу и спать на дереве или просить помощи у обезьян и грызть орехи, пока Стая будет биться внизу.

— Это не на жизнь, а на смерть, — сказал Акела. — Ты ещё не знаешь этих рыжих убийц. Даже Полосатый…

— Аова! Аова! — крикнул Маугли обиженно. — Одну полосатую обезьяну я убил. Теперь слушай: жили-были Волк, мой отец, и Волчица, моя мать, а ещё жил-был старый серый Волк (не слишком мудрый: он теперь поседел), который был для меня отцом и матерью. И потому, — он повысил голос, — я говорю: когда собаки придут, если только они придут, Маугли и Свободный Народ будут заодно в этой охоте. Я говорю — клянусь буйволом, выкупившим меня, буйволом, отданным за меня Багирой в те дни, о которых вы в Стае забыли, — я говорю, и пусть слышат мои слова река и деревья и запомнят их, если я позабуду, — я говорю, что вот этот мой нож будет зубом Стаи. По-моему, он ещё не притупился. Вот моё Слово, и я его сказал!

— Ты не знаешь собак, человек с волчьим языком! — крикнул Вантала. — Я хочу только заплатить им Долг Крови, прежде чем они растерзают меня. Они движутся медленно, уничтожая всё на своём пути, но через два дня у меня прибавится силы, и я начну платить им Долг Крови. А вам, Свободный Народ, советую бежать на север и жить впроголодь до тех пор, пока не уйдут рыжие собаки.

— Слушайте Одиночку! — воскликнул Маугли со смехом. — Свободный Народ, мы должны бежать на север, питаться ящерицами и крысами с отмелей, чтобы как-нибудь не повстречаться с собаками. Они опустошат все наши леса, а мы будем прятаться на севере до тех пор, пока им не вздумается отдать нам наше добро! Они собаки, и собачьи дети — рыжие, желтобрюхие, бездомные, у них шерсть растёт между пальцев. Да, конечно, мы, Свободный Народ, должны бежать отсюда и выпрашивать у народов севера объедки и всякую падаль! Выбирайте же, выбирайте. Славная будет охота! За Стаю, за всю Стаю, за волчиц и волчат в логове и на воле, за подругу, которая гонит лань, и за самого малого волчонка в пещере мы принимаем бой!

Стая ответила коротким, оглушительным лаем,

прогремевшим во тьме, словно треск падающего дерева.

— Мы принимаем бой! — пролаяли волки.

— Оставайтесь тут, — сказал Маугли своей четвёрке. — Нам понадобится каждый зуб. А Пхао с Акелой пусть готовятся к бою. Я иду считать собак.

— Это смерть! — крикнул Вантала, привстав. — Что может сделать такой голыш против рыжих собак? Даже Полосатый и тот…

— Ты и вправду чужак, — отозвался Маугли. — Но мы ещё поговорим, когда псы будут перебиты. Доброй охоты всем вам!

Он умчался во тьму, весь охваченный буйным весельем, почти не глядя, куда ступает, и, как и следовало ожидать, растянулся во весь рост, споткнувшись о Каа, сторожившего оленью тропу близ реки.

— Кш-ша! — сердито сказал Каа. — Разве так водится в джунглях — топать и хлопать, губя охоту всей ночи, да ещё когда дичь так быстро бегает?

— Вина моя, — сказал Маугли, поднимаясь на ноги. — Правда, я искал тебя, Плоскоголовый, но каждый раз, как я тебя вижу, ты становишься длиннее и толще на длину моей руки. Нет другого такого, как ты, во всех джунглях, о мудрый,

сильный и красивый Каа!

— А куда же ведёт этот след? — Голос Каа смягчился. — Не прошло и месяца с тех пор, как один человечек с ножом бросал в меня камнями и шипел на меня, как злющий лесной кот, за то, что я уснул на открытом месте.

— Да, и разогнал оленей на все четыре стороны, а Маугли охотился, а Плоскоголовый совсем оглох и не слышал, как ему свистели, чтоб он освободил оленью тропу, — спокойно ответил Маугли, усаживаясь среди пёстрых колец.

— А теперь этот человечек приходит с ласковыми, льстивыми словами к этому же Плоскоголовому и говорит ему, что он и мудрый, и сильный, и красивый, и Плоскоголовый верит ему и свёртывается кольцом, чтобы устроить удобное сиденье для того, кто бросал в него камнями… Теперь тебе хорошо? Разве Багира может так удобно свернуться?

Каа, по обыкновению, изогнулся, словно мягкий гамак, под тяжестью Маугли. Мальчик протянул в темноте руку, обнял гибкую, похожую на трос шею Каа и привлёк его голову к себе на плечо, а потом рассказал ему всё, что произошло в джунглях этой ночью.

— Я, может быть, и мудр, — сказал Каа, выслу-

шав рассказ, — а что глух, так это верно. Не то я услышал бы пхиал. Неудивительно, что травоеды так встревожились. Сколько же всего собак?

— Я ещё не видел. Я пришёл прямо к тебе. Ты старше Хатхи. Зато, о Каа, — тут Маугли завертелся от радости, — это будет славная охота! Немногие из нас увидят новую луну.

— И ты тоже сюда вмешался? Не забывай, что ты человек. Не забывай также, какая стая тебя выгнала. Пускай волки гоняют собак. Ты человек.

— Прошлогодние орехи стали в этом году чёрной землёй, — ответил Маугли. — Это правда, что я человек, но нынче ночью я сказал, что я волк. Это у меня в крови. Я призвал реку и деревья, чтобы они запомнили мои слова. Я охотник Свободного Народа, Каа, и останусь им, пока не уйдут собаки…

— Свободный Народ! — проворчал Каа. — Свободные воры! А ты связал себя смертным узлом в память о волках, которые умерли! Плохая это охота!

— Это моё Слово, и я уже сказал его. Деревья знают, и знает река. Пока не уйдут собаки, моё Слово не вернётся ко мне.

— Ссшш! От этого меняются все следы. Я думал взять тебя с собой на северные болота, но Слово

— хотя бы даже Слово маленького голого, безволосого человечка — есть Слово. Теперь и я, Каа, говорю…

— Подумай хорошенько, Плоскоголовый, чтоб и тебе не связать себя смертным узлом. Мне не нужно от тебя Слова, я и без того знаю…

— Пусть будет так, — сказал Каа. — Я не стану давать Слово. Но что ты думаешь делать, когда придут рыжие собаки?

— Они должны переплыть Вайнгангу. Я хочу встретить их на отмелях, а за мной была бы Стая. Ножом и зубами мы заставили бы их отступить вниз по течению реки и немножко охладили бы им глотки.

— Эти собаки не отступят, и глотки им не остудишь, — сказал Каа. — После этой охоты не будет больше ни человечка, ни волчонка, останутся одни голые кости.

— Алала! Умирать так умирать! Охота будет самая славная! Но я ещё молод и видел мало дождей. У меня нет ни мудрости, ни силы. Ты придумал что-нибудь получше, Каа?

— Я видел сотни и сотни дождей. Прежде чем у Хатхи выпали молочные бивни, я уже оставлял в пыли длинный след. Клянусь Первым Яйцом, я старше многих деревьев и видел всё, что делалось

в джунглях.

— Но такой охоты ещё никогда не бывало, — сказал Маугли. — Никогда ещё рыжие собаки не становились нам поперёк дороги.

— Что есть, то уже было. То, что будет, — это только забытый год, вернувшийся назад. Посиди смирно, пока я пересчитаю мои года.

Целый долгий час Маугли отдыхал среди колец Каа, играя ножом, а Каа, уткнувшись неподвижной головой в землю, вспоминал обо всём, что видел и узнал с того дня, как вылупился из яйца. Глаза его, казалось, угасли и стали похожи на тусклые опалы, и время от времени он резко дёргал головой то вправо, то влево, словно ему снилась охота. Маугли спокойно дремал: он знал, что нет ничего лучше, чем выспаться перед охотой, и привык засыпать в любое время дня и ночи.

Вдруг он почувствовал, что тело Каа становится толще и шире под ним, оттого что огромный удав надулся, шипя, словно меч, выходящий из стальных ножен.

— Я видел все мёртвые времена, — сказал наконец Каа, — и большие деревья, и старых слонов, и скалы, которые были голыми и островерхими, прежде чем поросли мхом. Ты ещё жив, чело-

вечек?

— Луна только что взошла, — сказал Маугли. — Я не понимаю…

— Кшш! Я снова Каа. Я знаю, что времени прошло немного. Сейчас мы пойдём к реке, и я покажу тебе, что надо делать с собаками.

Прямой, как стрела, он повернул к главному руслу Вайнганги и бросился в воду немного выше плёса, открывавшего Скалу Мира, а вместе с ним бросился в воду и Маугли.

— Нет, не плыви сам — я двигаюсь быстрее. На спину ко мне, Маленький Брат!

Левой рукой Маугли обнял Каа за шею, правую руку прижал плотно к телу и вытянул ноги в длину. И Каа поплыл против течения, как умел плавать только он один, и струи бурлящей воды запенились вокруг шеи Маугли, а его ноги закачались на волне, разведённой скользящими боками удава. Немного выше Скалы Мира Вайнганга сужается в теснине меж мраморных утёсов от восьмидесяти до ста футов высотой, и вода там бешено мчится между скалами по большим и малым камням. Но Маугли не думал об этом; не было такой воды на свете, которой он испугался бы хоть на минуту. Он смотрел на утёсы по берегам реки и тревожно нюхал воздух,

в котором стоял сладковато-кислый запах, очень похожий на запах муравейника в жаркий день. Он невольно спустился пониже в воду, высовывая голову только для того, чтобы вздохнуть. Каа стал на якорь, дважды обернувшись хвостом вокруг подводной скалы и поддерживая Маугли, а вода неслась мимо них.

— Это Место Смерти, — сказал Мальчик. — Зачем мы здесь?

— Они спят, — сказал Каа. — Хатхи не уступает дороги Полосатому, однако и Хатхи и Полосатый уступают дорогу рыжим собакам. Собаки же говорят, что никому не уступят дороги. А кому уступает дорогу Маленький Народ Скал? Скажи мне, Хозяин Джунглей, кто же у нас самый главный?

— Вот эти, — прошептал Маугли. — Здесь Место Смерти. Уйдём отсюда.

— Нет, смотри хорошенько, потому что они спят. Тут всё так же, как было, когда я был не длиннее твоей руки.

Потрескавшиеся от времени и непогоды утёсы в ущелье Вайнганги с самого начала джунглей были жилищем Маленького Народа Скал — хлопотливых, злых чёрных диких пчёл Индии, и, как хорошо знал Маугли, все тропинки сворачивали в сторону за полмили от их владений. Много веков Маленький Народ ютился и роился тут, переселялся из расщелины в расщелину и снова роился, пятная белый мрамор старым мёдом и лепя свои чёрные соты всё выше и глубже во тьме пещер. Ни человек, ни зверь, ни вода, ни огонь ни разу не посмели их тронуть. По обоим берегам реки ущелье во всю свою длину было словно занавешено мерцающим чёрным бархатом, и Маугли дрогнул, подняв глаза, потому что над ним висели сцепившиеся миллионы спящих пчёл. Там были ещё глыбы и гирлянды и что-то похожее на гнилые пни, лепившиеся к утёсам. Это были старые соты прежних лет или новые города, построенные в тени укрытого от ветра ущелья. Целые горы губчатых гнилых отбросов скатились вниз и застряли между деревьями и лианами, которыми поросли утёсы. Прислушавшись, Маугли не раз ловил ухом шорох и звук падения полных мёдом сот, срывавшихся вниз где-нибудь в тёмной галерее, потом — сердитое

гудение крыльев и мрачное «кап-кап-кап» вытекающего мёда, который переливался через край и густыми каплями медленно падал на ветви.

На одном берегу реки была маленькая песчаная отмель, не шире пяти футов, и на ней громоздились горы мусора, накопившиеся за сотни лет. Там лежали мёртвые пчёлы, трутни, отбросы, старые соты, крылья бабочек и жуков, забравшихся воровать мёд. Всё это слежалось в ровные груды тончайшей чёрной пыли. Однако острого запаха было довольно, чтобы отпугнуть всякого, кто не мог летать и знал, что такое Маленький Народ.

Каа плыл вверх по реке, пока не добрался до песчаной отмели у входа в ущелье.

— Вот добыча этого года, — сказал он. — Смотри!

На песке лежали скелеты двух молодых оленей и буйвола. Маугли видел, что ни волк, ни шакал не тронули костей, которые обнажились сами собой, от времени.

— Они перешли границу, они не знали, — прошептал Маугли, — и Маленький Народ убил их. Уйдём отсюда, пока пчёлы не проснулись!

— Они не проснутся до рассвета, — сказал Каа. — Теперь я тебе расскажу. Много-много дождей назад загнанный олень забежал сюда с

юга, не зная джунглей, а за ним по пятам гналась Стая. Ничего не видя от страха, он прыгнул с высоты. Солнце стояло высоко, и пчёл было очень много, и очень злых. И в Стае тоже много было таких, которые прыгнули в Вайнгангу, но все они умерли, ещё не долетев до воды. Те, которые не прыгнули, тоже умерли в скалах наверху. Но олень остался жив.

— Почему?

— Потому, что он бежал впереди, прыгнул прежде, чем Маленький Народ почуял его, и был уже в реке, когда они собрались жалить. А Стаю, гнавшуюся за ним, сплошь облепили пчёлы, которых вспугнул топот оленя.

— Этот олень остался жив? — в раздумье повторил Маугли.

— По крайней мере, он не умер тогда, хотя никто не ждал его внизу, готовясь поддержать на воде, как будет ждать человечка один старый толстый, глухой, жёлтый плоскоголовый удав — да-да, хотя бы за ним гнались собаки всего Декана! Что ты на это скажешь?

Голова Каа лежала на мокром плече мальчика, а его язык дрожал возле уха Маугли. Молчание длилось долго, потом Маугли прошептал:

— Это значит дёргать Смерть за усы, но… Каа,

ты и вправду самый мудрый во всех джунглях.

— Так говорили многие. Смотри же, если собаки погонятся за тобой…

— А они, конечно, погонятся. Хо-хо! У меня под языком набралось много колючек, найдётся что воткнуть им в шкуру!

— Если собаки погонятся за тобой, ничего не разбирая, глядя только на твои плечи, они бросятся в воду либо здесь, либо ниже, потому что Маленький Народ проснётся и погонится за ними. А Вайнганга — жадная река, и у них не будет Каа, чтобы удержать их на воде, поэтому тех, кто останется жив, понесёт вниз, к отмелям у Сионийских Пещер, и там твоя Стая может схватить их за горло.

— О-о! Лучше и быть не может, разве если только дожди выпадут в сухое время. Теперь остаются только сущие пустяки: пробег и прыжок. Я сделаю так, что собаки меня узнают и побегут за мной по пятам.

— А ты осмотрел утёсы наверху, со стороны берега?

— Верно, не осмотрел. Про это я забыл.

— Ступай посмотри. Там плохая земля, вся неровная, в ямах. Ступишь хоть раз своей неуклюжей ногой не глядя — и конец охоте. Видишь,

я оставляю тебя здесь и только ради тебя передам весточку твоей Стае, чтобы знали, где искать собак. Мне твои волки не родня.

Если Каа не нравился кто-нибудь, он бывал неприветлив, как никто в джунглях, исключая, быть может, Багиры. Он поплыл вниз по реке и против Скалы Совета увидел Пхао и Акелу, слушавших ночные звуки.

— Кшш, волки! — весело окликнул он их. — Рыжие собаки поплывут вниз по реке. Если не боитесь, можете убивать их на отмелях.

— Когда они поплывут? — спросил Пхао.

— А где мой детёныш? — спросил Акела.

— Приплывут, когда вздумают, — сказал Каа. — Подождите и увидите. А твой детёныш, с которого ты взял Слово и тем обрёк его на Смерть, твой детёныш со мной, и если он ещё жив, так ты в этом не виноват, седая собака! Дожидайся своих врагов здесь и радуйся, что мы с детёнышем на твоей стороне!

Каа снова понёсся стрелой по реке и остановился на середине ущелья, глядя вверх на линию утёсов. Скоро он увидел, как на звёздном небе показалась голова Маугли; потом в воздухе что-то прошумело, и с резким звуком ударило по воде тело, падая ногами вперёд. Мгновением позже

Маугли уже отдыхал в петле, подставленной Каа.

— Какой это прыжок ночью! — невозмутимо сказал Маугли. — Я прыгал вдвое дальше ради забавы. Только наверху плохое место: низкие кусты и овраги, уходящие глубоко вниз, и всё это битком набито Маленьким Народом. Я нагромоздил большие камни один на другой по краям трёх оврагов. Я столкну их ногой вниз, когда побегу, и Маленький Народ, осердясь, поднимется позади меня.

— Это человечья хитрость, — сказал Каа. — Ты мудр, но Маленький Народ всегда сердится.

— Нет, в сумерки всё крылатое засыпает ненадолго и здесь и повсюду. Я начну игру с собаками в сумерки, потому что днём они лучше бегают. Сейчас они гонятся по кровавому следу за Ванталой.

— Коршун Чиль не оставит издохшего буйвола, а Дикая Собака — кровавого следа, — сказал Каа.

— Так я поведу их по новому следу — по их же крови, если удастся, и заставлю их наесться грязи. Ты останешься здесь, Каа, пока я не вернусь с моими псами.

— Да, но что, если они убьют тебя в джунглях или Маленький Народ убьёт тебя прежде, чем ты спрыгнешь в реку?

— Когда я умру, — ответил Маугли, — тогда и настанет пора петь Песню Смерти. Доброй охоты, Каа!

Он отпустил шею удава и поплыл вниз по ущелью, как плывёт бревно в половодье, гребя к дальней отмели и хохоча от радости. Больше всего на свете Маугли любил «дёргать Смерть за усы», как говорил он сам, и давать джунглям почувствовать, что он здесь хозяин. С помощью Балу он часто обирал пчелиные дупла и знал, что Маленький Народ не любит запаха дикого чеснока. И потому он нарвал небольшой пучок чесноку, связал его ленточкой коры и побежал по кровавому следу Ванталы, идущему к югу от берлог. Время от времени он поглядывал на деревья, склонив голову набок, и посмеивался при этом.

«Лягушонок Маугли я был, — сказал он про себя, — Волчонком Маугли я назвал себя сам. Теперь я должен стать Обезьяной Маугли, прежде чем стану Маугли Оленем. А в конце концов я стану Человеком Маугли. Хо!» — И он провёл большим пальцем по длинному лезвию своего ножа.

След Ванталы, очень заметный по тёмным пятнам крови, шёл по лесу среди толстых деревьев, которые росли здесь близко одно от другого, но к северо-востоку редели всё больше и больше. За

две мили от Пчелиных Утёсов лес кончался. От последнего дерева до низких кустов у Пчелиного Ущелья шло открытое место, где трудно было бы укрыться даже волку. Маугли бежал под деревьями, меряя глазом расстояние от ветки до ветки, иногда забираясь вверх по стволу и для пробы перепрыгивая с одного дерева на другое, пока не добежал до открытого места, на осмотр которого у него ушёл целый час. Потом он вернулся на след Ванталы, в том же месте, где бросил его, залез на дерево с выступающей далеко вперёд веткой футах в восьми над землёй, повесил пучок чесноку на развилину и уселся смирно, точа нож о босую подошву.

Незадолго до полудня, когда солнце стало сильно припекать, Маугли услышал топот ног и почуял противный запах собачьей стаи, упорно и безжалостно преследовавшей Ванталу. Если смотреть сверху, Дикая Собака из Декана кажется вдвое меньше волка, но Маугли знал, какие сильные у неё лапы и челюсти. Разглядывая острую рыжую морду вожака, обнюхивавшего след, он крикнул ему:

— Доброй охоты!

Вожак поднял голову, а его спутники столпились позади, десятки и сотни рыжих тварей с

поджатыми хвостами, широкой грудью и тощим задом. Дикие псы обыкновенно очень молчаливы и неприветливы даже в своём родном Декане.

Под деревом собралось не меньше двух сотен собак, но Маугли видел, что вожаки жадно обнюхивают след и стараются увлечь всю стаю вперёд. Это не годилось, потому что они прибежали бы к берлогам среди дня, а Маугли был намерен продержать их под своим деревом до сумерек.

— С чьего позволения вы явились сюда? — спросил Маугли.

— Все джунгли — наши джунгли, — был ответ, и тот, кто это сказал, оскалил белые зубы.

Маугли с улыбкой посмотрел вниз, в совершенстве подражая резкой трескотне Чикаи, крысы-прыгуна из степей Декана, давая собакам понять, что считает их не лучше крыс. Стая сгрудилась вокруг дерева, и вожак свирепо залаял, обозвав Маугли обезьяной. Вместо ответа Маугли вытянул вниз голую ногу и пошевелил гладкими пальцами как раз над головой вожака. Этого было довольно, и даже больше чем довольно, чтобы разбудить тупую ярость собак. Те, у кого растут волосы между пальцами, не любят, чтобы им об этом напоминали. Маугли отдёрнул ногу, когда вожак подпрыгнул кверху, и сказал ласково:

— Пёс, рыжий пёс! Убирайся обратно к себе в Декан есть ящериц. Ступай к своему брату Чикаи, пёс, пёс, рыжий пёс! У тебя шерсть между пальцами! — И он ещё раз пошевелил ногой.

— Сойди вниз, пока мы не заморили тебя голодом, безволосая обезьяна! — завыла стая, а этого как раз и добивался Маугли.

Он лёг, вытянувшись вдоль сука и прижавшись щекой к коре, высвободил правую руку и минут пять выкладывал собакам всё, что он про них знает и думает: про них самих, про их нравы и обычаи, про их подруг и щенят.

Нет на свете языка более ядовитого и колкого, чем тот, каким говорит Народ Джунглей, желая оскорбить и выказать презрение. Подумав немного, вы и сами поймёте, отчего это так. Маугли и сам говорил Каа, что у него набралось много колючек под языком, и мало-помалу медленно, но верно он довёл молчаливых псов до того, что они заворчали, потом залаяли, потом завыли хриплым, захлёбывающимся воем. Они пробовали отвечать на его насмешки, но это было всё равно как если бы волчонок отвечал разъярённому Каа. Всё это время Маугли держал правую руку согнутой в локте, готовясь к действию, а его ноги крепко сжимали сук. Крупный тёмно-рыжий

вожак много раз подскакивал в воздух, но Маугли медлил, боясь промахнуться. Наконец, от ярости превзойдя самого себя, вожак подскочил футов на семь, на восемь кверху от земли. Тогда рука Маугли взметнулась, как голова древесной змеи, схватила рыжего пса за шиворот, и сук затрясся и погнулся под его тяжестью так, что Маугли чуть не свалился на землю. Но он не разжал руки и мало-помалу втащил рыжего пса, повисшего, как дохлый шакал, к себе на сук. Левой рукой Маугли достал нож и, отрубив рыжий косматый хвост, швырнул вожака обратно на землю.

Только этого и хотел Маугли. Теперь собаки не побегут по следу Ванталы, пока не прикончат Маугли или пока Маугли не прикончит их. Он видел, как собаки уселись в кружок, подрагивая ляжками, что означало намерение мстить до смерти, и поэтому забрался на развилину повыше, прислонился поудобнее спиной к дереву и заснул.

Часа через три или четыре он проснулся и сосчитал собак. Все они были тут, молчаливые, свирепые, беспощадные, с лютыми глазами. Солнце уже садилось. Через полчаса Маленький Народ Скал должен был покончить с дневными трудами, а, как вам известно, Дикие Собаки плохо

дерутся в сумерках.

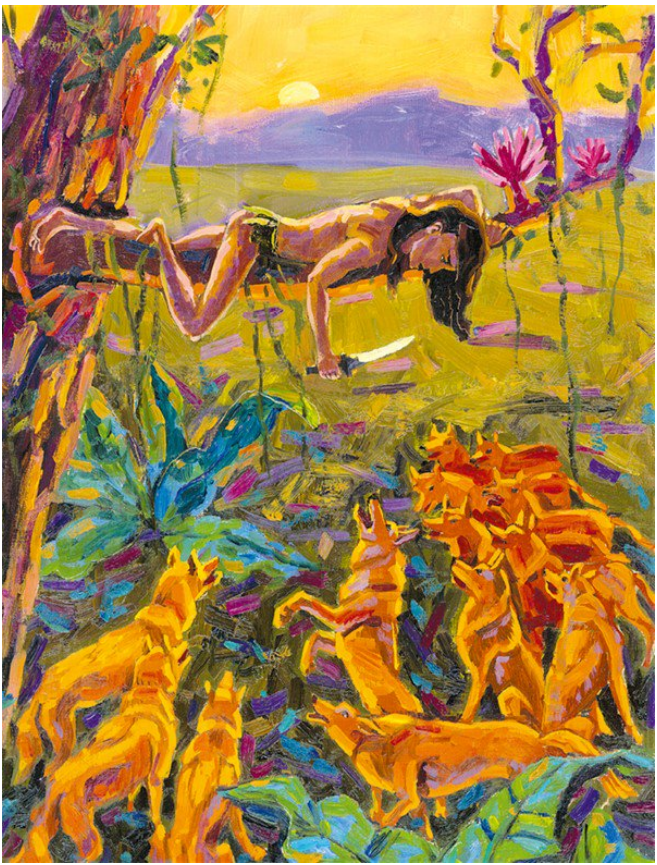
— Мне не нужны такие верные сторожа, — сказал Маугли, становясь на суку, — но я этого не забуду. Вы настоящие псы, только, на мой взгляд, слишком уж похожи друг на друга. Вот потому я и не отдам пожирателю ящериц его хвоста. Разве ты не доволен, рыжий пёс?

— Я сам вырву тебе кишки! — прохрипел вожак, кусая дерево у корней.

— Нет, ты подумай, мудрая крыса Декана: теперь народится много куцых рыжих щенят с красным обрубком вместо хвоста. Ступай домой, рыжий пёс, и кричи везде, что это сделала обезьяна. Не хочешь? Тогда пойдём со мной, и я научу тебя уму-разуму!

Он перепрыгнул по-обезьяньи на соседнее дерево, и потом опять на соседнее, и опять, и опять, а стая следовала за ним, подняв алчные морды. Время от времени он притворялся, будто падает, и псы натыкались один на другого, спеша прикончить его. Это было странное зрелище — мальчик с ножом, сверкающим в лучах заката, которые проникали сквозь верхние ветви, а внизу — молчаливая стая рыжих псов, словно охваченная огнём. Перебравшись на последнее дерево, Маугли взял чеснок и хорошенько натёрся им с головы

до пят, а собаки презрительно завопили:



— Обезьяна с волчьим языком, уж не думаешь ли ты замести свой след? Всё равно мы будем гнать тебя до смерти!

— Возьми свой хвост, — сказал Маугли, бросая обрубок в направлении, обратном тому, по которому собирался бежать.

Стая отшатнулась, почуяв запах крови.

— А теперь следуйте за мной — до смерти!

Он соскользнул с дерева и вихрем помчался к Пчелиным Утёсам, прежде чем собаки поняли, что он собирается делать.

Они глухо завыли и пустились бежать неуклюжей, размашистой рысью, которая может в конце концов доконать кого угодно. Маугли знал, что стая псов бежит гораздо медленнее волчьей стаи, иначе он никогда не отважился бы на двухмильный пробег на глазах у собак. Они были уверены, что мальчик наконец достанется им, а он был уверен, что может играть ими, как хочет. Вся задача состояла в том, чтобы держать стаю достаточно близко позади себя и не дать ей свернуть в сторону раньше времени. Он бежал ловко, ровно и упруго, а за ним, меньше чем в пяти шагах, — куцый вожак. Вся же стая растянулась больше чем на четверть мили, потеряв рассудок и ослепнув от жажды крови. Маугли проверял

расстояние на слух, сберегая силы напоследок, чтобы промчаться по Пчелиным Утёсам.

Маленький Народ уснул с началом сумерек, потому что ночные цветы уже не цвели, но как только первые шаги Маугли раздались по гулкому грунту, он услышал такой шум, словно под ним загудела вся земля. Тогда он побежал, как никогда в жизни не бегал, по дороге, столкнув ногой одну, две, три кучки камней в тёмные, сладко пахнущие ущелья, услышал гул, похожий на гул моря под сводом пещеры, увидел уголком глаза, что воздух позади него почернел, увидел течение Вайнганги далеко внизу и плоскую треугольную голову в воде, прыгнул вперёд изо всех сил и упал в спасительную воду, задыхаясь и торжествуя. Ни одного пчелиного укуса не было на его теле, потому что чеснок отпугнул Маленький Народ на те несколько секунд, когда Маугли проносился по утёсам.

Когда Маугли вынырнул, его поддерживал Каа, а с уступа скалы падали в реку, как гири, большие глыбы сцепившихся пчёл, и лишь только глыба касалась воды, пчёлы взлетали кверху, а труп собаки, кружась, уплывал вниз по течению. Над утёсами то и дело слышался короткий яростный лай, тонувший в гуле, подобном грому, в гуде-

нии крыльев Маленького Народа Скал. Другие собаки свалились в овраги, сообщавшиеся с подземными пещерами, и там задыхались, бились, щёлкали зубами среди рухнувших сот и наконец, полумёртвые, облепленные роями поднявшихся пчёл, выбегали из какого-нибудь хода к реке, чтобы скатиться вниз, на чёрные груды мусора. Некоторые упали на деревья, растущие на утёсах, и пчёлы облепили их сплошь; но большинство, обезумев от пчелиных укусов, бросались в воду, а Вайнганга, как сказал Каа, была жадная река.

Каа крепко держал Маугли, пока мальчик не отдышался.

— Нам нельзя оставаться здесь, — сказал Каа. — Маленький Народ развоевался не на шутку. Поплывём!

Держась глубоко в воде и ныряя как можно чаще, Маугли поплыл вниз по течению с ножом в руке.

— Тише, тише! — проговорил Каа. — Одного зуба не хватит на сто врагов, разве что это зуб кобры. Не забывай, многие собаки нырнули в реку, увидев, что Маленький Народ пробудился, и те, кто успел нырнуть, целы.

— Тем больше будет работы ножу. Ох! Как рассвирепел Маленький Народ!

Маугли вновь нырнул. Поверхность реки была покрыта дикими пчёлами, которые со злобным гудением жалили всех, кто им попадался.

— Молчание никому ещё не приносило зла, — сказал Каа, чья чешуйчатая кожа была неуязвима для пчёл. — У тебя впереди долгая охота, на всю ночь. Слушай, как они воют!

Почти половина стаи увидела западню, в которую попали их собратья, и, круто свернув в сторону, бросилась в воду там, где теснина, становясь шире, переходила в крутые берега. Их яростный лай и угрозы «лесной обезьяне», которая довела их до такого позора, смешивались с воем и рычанием собак, казнимых Маленьким Народом. Оставаться на берегу грозило смертью, и все собаки понимали это. Стаю уносило по течению всё дальше и дальше, к Заводи Мира, но даже и туда сердитый Маленький Народ летел за собаками и загонял их в воду. Маугли слышал голос бесхвостого вожака, который приказывал своим не отступать и уничтожить всех сионийских волков.

— Кто-то убивает в темноте позади нас! — пролаял один из псов. — Вода здесь помутнела!

Маугли нырнул, бросившись вперёд, как выдра, утянул барахтавшегося пса под воду прежде, чем

тот успел разинуть пасть, и тёмные, маслянистые пятна поплыли по Заводи Мира, когда тело собаки выплыло из воды, перевернувшись на бок. Псы хотели было повернуть назад, но течение сносило их вниз, Маленький Народ жалил в головы и уши, а клич Сионийской Стаи звучал всё громче и громче в надвигающейся тьме. Маугли снова нырнул, и снова один из псов ушёл под воду и выплыл мёртвым, и снова шум поднялся в тылу стаи — одни вопили, что лучше выйти на берег, другие требовали, чтобы вожак вёл их обратно в Декан, остальные кричали, чтобы Маугли показался им и дал себя убить.

— Когда они выходят драться, то становятся вдвое злее и голосистее, — сказал Каа. — Остальное сделают твои братья там, внизу. Маленький Народ полетел на ночлег, и я тоже ухожу. Я не помогаю волкам.

По берегу пробежал волк на трёх ногах, то приплясывая, то припадая боком к земле, то выгибая спину и подпрыгивая фута на два кверху, словно играл со своими волчатами. Это был вожак Вантала. Он ни разу не промолвил ни слова, но продолжал свою страшную пляску на глазах у псов.

Собаки долго пробыли в воде и плыли с трудом:

их шкуры намокли и отяжелели, косматые хвосты разбухли, как губки, а сами они так устали и ослабели, что молча смотрели на два горящих глаза, которые провожали их неотступно.

— Плохая это охота, — сказал наконец один из псов.

— Доброй охоты! — сказал Маугли, смело выскакивая из воды рядом с ним и всаживая длинный нож ему под лопатку, но так, чтобы издыхающий пёс не огрызнулся.

— Это ты, человек-волк? — спросил Вантала с берега.

— Спроси у мёртвых, Чужак, — отвечал Маугли. — Разве они не плывут вниз по реке? Я досыта накормил этих псов грязью, я обманул их среди бела дня, а их вожак остался без хвоста, но всё же и на твою долю ещё хватит. Куда их гнать?

— Я подожду, — сказал Вантала. — Вся долгая ночь передо мной, там посмотрим.

Всё ближе и ближе раздавался лай сионийских волков:

— За Стаю, за всю Стаю мы принимаем бой!

И наконец лучина Вайнганги вынесла рыжих собак на пески и отмели против Сионийских Пещер. Тут они поняли свою ошибку. Им надо было выбраться из воды раньше и напасть на

волков на берегу. Теперь было слишком поздно. По всей отмели светились горящие глаза и, кроме страшного пхиала, не утихавшего с самого заката, в джунглях не слышно было ни звука. Со стороны казалось, будто Вантала упрашивает собак выйти на берег. И вожак псов крикнул им:

— Повернитесь и нападайте!

Вся стая бросилась к берегу, расплёскивая и разбрызгивая мелкую воду, так что поверхность Вайнганги вскипела пеной и крупные волны пошли по реке, словно разведённые пароходом. Маугли врезался в свалку, колол и кромсал собак, которые, сбившись в кучу, волной хлынули на прибрежный песок.

И началась долгая битва.

Волки бились на мокром красном песке, между спутанными корнями деревьев, в кустах, в гуще травы, ибо даже и теперь псов было двое на одного волка. Волки бились не на живот, а на смерть, и бились не одни только широкогрудые клыкастые охотники, но и волчицы с дикими глазами бились за своих волчат, а кое-где рядом с ними годовалый волчонок, ещё не перелинявший и весь лохматый, тоже хватал зубами и теребил врага. Надо вам сказать, что волк обычно хватает за горло или вцепляется в бок, а псы больше ку-

сают за ноги, поэтому, пока собаки барахтались в воде и должны были высоко держать голову, перевес был на стороне волков; на суше волкам приходилось туго, но и в воде и на суше нож Маугли поднимался и разил одинаково.

Четвёрка пробилась к Маугли на помощь. Серый Брат, припав к коленям Мальчика, защищал его живот, остальные трое охраняли его спину и бока или стояли над ним, когда обозлённый, воющий пёс, бросаясь прямо на нож, скачком сбивал Маугли с ног. А дальше всё смешалось, сбилось в кучу, метавшуюся справа налево и слева направо по берегу. Один раз Маугли мельком видел Акелу: на него с двух сторон насели псы, а сам он вцепился беззубыми челюстями в ляжку третьего.

Ночь проходила, и быстрый, головокружительный бег на месте всё ускорялся. Собаки притомились и уже боялись нападать на волков посильнее, хотя ещё не смели спасаться бегством; но Маугли чувствовал, что близится конец, и довольствовался тем, что выводил собак из строя. Годовалые волки теперь нападали смелей, можно было вздохнуть свободнее, и уже один блеск ножа иногда обращал собаку в бегство.

— Мясо обглодано почти до кости! — прохрипел Серый Брат.

— Но кость ещё надо разгрызть, — отвечал ему Маугли. — Вот как делается у нас в джунглях! — Красное лезвие ножа скользнуло, как пламя, по боку пса, задние ляжки которого исчезли под тяжестью навалившегося на него волка.

— Моя добыча! — огрызнулся волк, сморщив нос. — Оставь её мне!

— Неужели тебе всё ещё мало, Чужак? — сказал Маугли.

Вантала был страшно истерзан, но держал собаку словно в тисках, и она не могла пошевельнуться.

— Клянусь буйволом, выкупившим меня, — злорадно смеясь, крикнул Маугли, — это Куцый!

И в самом деле, это был большой тёмно-рыжий вожак.

Один из псов подскочил на помощь вожаку, но, прежде чем его зубы вонзились в бок Ванталы, нож Маугли уже торчал в его груди, а Серый Брат докончил остальное.

— Вот как делается у нас в джунглях! — сказал Маугли.

Вантала не ответил ни слова, только его челюсти сжимались всё крепче и крепче, по мере того как жизнь уходила от него. Собака вздрогнула, уронила голову и замерла, и Вантала замер над

ней.

— Тише! Долг Крови уплачен! — сказал Маугли. — Спой свою песню, Вантала!

— Он больше не будет охотиться, — сказал Серый Брат. — И Акела тоже молчит, уже давно.

— Мы разгрызли кость! — прогремел Пхао, сын Пхаоны. — Они бегут! Убивайте, убивайте их, Охотники Свободного Народа!

Псы один за другим разбегались, крадучись, с потемневших от крови отмелей к реке, в густые джунгли, вверх по течению или вниз по течению — туда, где дорога была свободна.

— Долг! Долг! — крикнул Маугли. — Платите Долг! Они убили Акелу! Пусть ни один из них не уйдёт живым!

Он помчался к берегу с ножом в руке, чтобы не дать уйти ни одному псу, который отважился бы броситься в реку. Но тут из-под горы мёртвых тел показались голова и передние лапы Акелы, и Маугли опустился перед ним на колени.

— Разве я не говорил, что это будет моя последняя битва? — прошептал Акела. — Славная была охота! А как ты, Маленький Брат?

— Я жив, Акела…

— Да будет так. Я умираю, и я хотел бы… хотел бы умереть ближе к тебе, Маленький Брат.

Маугли положил страшную, всю в ранах голову Акелы себе на колени и обхватил руками его истерзанную шею.

— Давно прошли времена, когда жив был Шер-Хан, а человечий детёныш катался голый в пыли, — кашляя, сказал Акела.

— Нет, нет, я волк! Я одной крови со Свободным Народом! — воскликнул Маугли. — Не по своей воле я стал человеком!

— Ты человек, Маленький Брат, волчонок, взращённый мною. Ты человек, иначе Стая бежала бы от Диких Собак. Тебе я обязан жизнью, а сегодня ты спас всю Стаю, как я когда-то спас тебя. Разве ты не помнишь? Теперь уплачены все долги. Уходи к твоему народу. Говорю тебе ещё раз, зеница моего ока, охота кончена. Уходи к своему народу.

— Я не уйду. Я стану охотиться один в джунглях. Я уже говорил.

— За летом приходят дожди, а за дождями — весна. Уходи, пока тебя не заставят уйти. Уходи к твоему народу. Уходи к человеку. Больше мне нечего тебе сказать. Теперь я буду говорить со своими. Маленький Брат, можешь ты поднять меня на ноги? Ведь я тоже Вожак Свободного Народа.

Очень осторожно и ласково Маугли поднял Акелу на ноги, обхватив его обеими руками, но волк испустил глубокий вздох и начал Песню Смерти, которую надлежит петь каждому вожаку, умирая. Песня становилась всё громче и громче, звучала всё сильнее и сильнее, прогремела далеко за рекой, а когда умолкло последнее «Доброй охоты!», Акела высвободился на мгновение из рук Маугли, подпрыгнул в воздух и упал мёртвым на свою последнюю, страшную добычу.

Маугли сидел, опустив голову на колени, забыв обо всём, а тем временем последнего из раненых псов настигли и прикончили беспощадные волчицы. Мало-помалу крики затихли, и волки, хромая, вернулись считать мёртвых. Пятнадцать волков Стаи, а с ними шесть волчиц лежали мёртвыми у реки, и из всех остальных ни один не остался невредимым. Маугли просидел всю ночь, до холодного рассвета. Влажная от крови морда Пхао легла ему на руку, и Маугли отодвинулся,

чтобы тот мог видеть распростёртое тело Акелы.

— Доброй охоты! — сказал Пхао, словно Акела был ещё жив, а потом, обернувшись, кинул через искусанное плечо остальным: — Войте, собаки! Сегодня умер Волк!

Зато из всей стаи рыжих собак, двухсот охотников Декана, которые хвастались тем, что ничто живое в джунглях не смеет им противиться, ни один не вернулся в Декан с этой вестью.

Весенний бег

Шёл второй год после большой битвы с Дикими Собаками и смерти Акелы. Маугли было лет семнадцать. На вид он казался старше, потому что от усиленного движения, самой лучшей еды и привычки купаться, как только ему становилось жарко или душно, он стал не по годам сильным и рослым. Когда ему надо было осмотреть лесные дороги, он мог полчаса висеть, держась одной рукой за ветку. Он мог остановить на бегу молодого

оленя и повалить его на бок, ухватив за рога. Мог даже сбить с ног большого дикого кабана из тех, что живут в болотах на севере. Народ Джунглей, раньше боявшийся Маугли из-за его ума, теперь стал бояться его силы, и когда Маугли спокойно шёл по своим делам, шёпот о его приходе расчищал перед ним лесные тропинки. И всё же его взгляд оставался всегда мягким. Даже когда он дрался, его глаза не вспыхивали огнём, как у чёрной пантеры Багиры. Его взгляд становился только более внимательным и оживлённым, и это было непонятно даже самой Багире.

Однажды она спросила об этом Маугли, и тот ответил ей, засмеявшись:

— Когда я промахнусь на охоте, то бываю зол. Когда поголодаю дня два, то бываю очень зол. Разве по моим глазам это не заметно?

— Рот у тебя голодный, — сказала ему Багира, — а по глазам этого не видно. Охотишься ты, ешь или плаваешь — они всегда одни и те же, как камень в дождь и в ясную погоду.

Маугли лениво взглянул на пантеру из-под длинных ресниц, и она, как всегда, опустила голову. Багира знала, кто её хозяин.

Они лежали на склоне горы высоко над рекой Вайнгангой, и утренние туманы расстилались

под ними зелёными и белыми полосами. Когда взошло солнце, эти полосы тумана превратились в волнующееся красно-золотое море, потом поднялись кверху, и низкие, косые лучи легли на сухую траву, где отдыхали Маугли с Багирой.

Холодное время подходило к концу, листва на деревьях завяла и потускнела, и от ветра в ней поднимался сухой, однообразный шорох. Один маленький листок бешено бился о ветку, захваченный ветром. Это разбудило Багиру. Она вдохнула утренний воздух с протяжным, глухим кашлем, опрокинулась на спину и передними лапами ударила бьющийся листок.

— Год пришёл к повороту, — сказала она. — Джунгли двинулись вперёд. Близится Время Новых Речей. И листок это знает. Это очень хорошо!

— Трава ещё суха, — отвечал Маугли, выдёргивая с корнем пучок травы. — Даже Весенний Глазок (маленький красный цветок, похожий на восковой колокольчик), — даже Весенний Глазок ещё не раскрылся… Багира, пристало ли чёрной пантере валяться на спине и бить лапами по воздуху, словно лесной кошке?

— Аоу! — отозвалась Багира. Видно было, что она думает о чём-то другом.

— Послушай, ну пристало ли чёрной пантере так кривляться, кашлять, выть и кататься по траве? Не забывай, что мы с тобой хозяева джунглей.

— Да, это правда, я слышу, детёныш. — Багира торопливо перевернулась и стряхнула пыль со своих взъерошенных чёрных боков (она как раз линяла после зимы). — Разумеется, мы с тобой хозяева джунглей! Кто так силён, как Маугли? Кто так мудр?

Её голос был странно протяжен, и Маугли обернулся посмотреть, не смеётся ли над ним чёрная пантера, ибо в джунглях много слов, звук которых расходится со смыслом.

— Я сказала, что мы с тобой, конечно, хозяева джунглей, — повторила Багира. — Разве я ошиблась? Я не знала, что детёныш больше не ходит по земле. Значит, он летает?

Маугли сидел, опёршись локтями на колени, и смотрел на долину, освещённую солнцем. Где-то в лесу под горой птица пробовала хриплым, неверным голосом первые ноты своей весенней песни. Это была только тень полнозвучной, переливчатой песни, которая разольётся по джунглям после. Но Багира услышала её.

— Я говорила, что пришло Время Новых Ре-

чей, — подёргивая хвостом, проворчала пантера.

— Я слышал, — ответил Маугли. — Багира, но почему ты дрожишь?

— Это Ферао, красный дятел, — сказала Багира. — Он помнит. Мне тоже надо припомнить мою песню. — И она начала мурлыкать и напевать про себя, время от времени умолкая и прислушиваясь.

— Сейчас плохая охота, — лениво заметил Маугли.

— Разве ты на оба уха оглох, Маленький Брат? Это не охотничий клич, а песню я вспоминаю.

— А я-то позабыл. Я узнаю, что приходит Время Новых Речей, когда ты вместе с другими убегаешь, а я остаюсь один.

Маугли еле сдерживался.

— Но, Маленький Брат, — начала было Багира, — мы же ведь не всегда…

— А я говорю, всегда! — Маугли сделал сердитый жест. — Вы постоянно убегаете, а я — Хозяин джунглей! — вечно остаюсь в одиночестве. Ты помнишь, что было в прошлом году, когда я захотел сахарного тростника с людских полей? Я послал гонца (тебя я послал!) к Хатхи просить, чтобы он пришёл и ночью нарвал мне хоботом сладкой травы.

— Он опоздал всего на две ночи. — Багира слегка поёжилась. — И насобирал этих длинных сладких стеблей, которые ты так любишь, больше, чем человечьему детёнышу под силу съесть за все ночи дождей. Моей вины тогда не было.

— Он не пришёл в ту ночь, когда я его позвал. Нет, он трубил и носился по залитым лунным светом лощинам. Он оставлял за собой тройной след, потому что не прятался в лесу, а плясал под луной прямо перед берлогами человечьей стаи. Я на него смотрел, а он не пришёл. И после этого я — Хозяин джунглей?!

— Это было во Время Новых Речей, — по-прежнему полушёпотом сказала пантера. — Маленький Брат, может быть, ты забыл передать ему заветное слово? Прислушайся к Ферао!

Скверное настроение Маугли словно вдруг улетучилось. С закрытыми глазами он лёг на спину и положил руки под голову.

— Не знаю и не хочу знать, — сонно ответил он. — Давай спать, Багира. Мне грустно. Ляг мне под голову.

Пантера легла со вздохом: до неё доносилась песня Ферао, которую он, как говорят, всё повторяет и повторяет во Время Новых Речей.

В джунглях Индии времена года переходят одно

в другое почти незаметно. Их как будто всего два: сухое и дождливое, но если приглядеться к потокам дождя и облакам сора и пыли, то окажется, что все четыре времени года сменяют друг друга в положенном порядке. Всего удивительнее в джунглях весна, потому что ей не приходится покрывать голое, чистое поле новой травой и цветами, ей надо пробиться сквозь перезимовавшую, ещё зелёную листву, которую пощадила мягкая зима, чтобы утомлённая, полуодетая земля снова почувствовала себя юной и свежей. И весна это делает так хорошо, что нет на свете другой такой весны, как в джунглях.

Наступает день, когда всё в джунглях блёкнет и самые запахи, которыми напитан тяжёлый воздух, словно стареют и выдыхаются. Этого не объяснить, но это чувствуется. Потом наступает другой день, когда все запахи новы и пленительны, и у лесных жителей топорщатся усы, и зимняя шерсть сходит у зверей длинными свалявшимися клочьями. После этого выпадает иной раз небольшой дождик, и все деревья, кусты, бамбук, мох и сочные листья растений, проснувшись, пускаются в рост с шумом, который можно слышать. А за этим шумом и ночью и днём струится негромкий гул. Это шум весны,

трепетное гуденье — не жужжанье пчёл, и не журчанье воды, и не ветер в вершинах деревьев, но голос пригретого солнцем, счастливого мира.

Прежде Маугли всегда радовался смене времён года. Это он всегда замечал первый Весенний Глазок глубоко в гуще травы и первую гряду весенних облаков, которую в джунглях ни с чем не спутаешь. Его голос можно было слышать по ночам, при свете звёзд, в сырых низинах, густо усеянных цветами; там он подпевал хору больших лягушек или передразнивал маленьких сов-перевертней, что ухают всю весеннюю ночь напролёт. Как и весь его народ, из четырёх времён года он выбирал весну для своих скитаний — просто ради удовольствия бегать, рассекая тёплый воздух, по тридцать, сорок и пятьдесят миль, от сумерек до утренней звезды, и возвращаться, хохоча и задыхаясь, в венке из свежих цветов. Четвёрка волчат не кружила вместе с ним по джунглям — она уходила петь песни с другими волками.

У обитателей джунглей бывает много хлопот весной, и Маугли слышал, как они мычат, вопят или свищут, смотря по тому, что полагается их породе. Их голоса звучат тогда не так, как в другие времена года, и это одна из причин, почему весна

зовётся Временем Новых Речей.

Но в эту весну, признался он Багире, всё было для него не так, как раньше. Едва побеги бамбука окрасились в пятнисто-бурый цвет, он стал ждать того утра, когда переменятся запахи.

Когда же оно пришло и павлин Мор прокричал новости на весь покрытый туманом лес и Маугли открыл рот, чтобы подхватить клич, слова замерли у него в горле, и он от кончиков пальцев до корней волос почувствовал вдруг, до чего он несчастен, — и оглядел себя в полной уверенности, что оцарапался о шипастый куст. Наступило первое утро весны, и павлин Мор, сверкая бронзой, синевой и золотом, возвестил новые запахи. Другие птицы подхватили его клич, и с утёсов над Вайнгангой Маугли услышал хриплый визг Багиры, похожий и на клёкот орла и на конское ржанье.

Вверху, среди налитых соком ветвей, кричали и возились обезьяны.

Маугли стоял с рвавшимся из груди ответным возгласом, с трудом проглатывая слишком упругий воздух, и горе мешало ему сделать полный вдох. Он озирался вокруг, но видел только, как насмешливые обезьяны дразнятся и прыгают среди деревьев и как павлин Мор пляшет внизу,

на склоне горы, раскинув свой радужный хвост.

— В джунглях пахнет по-новому! — крикнул павлин Мор. — Доброй охоты, Маленький Брат! Что же ты не отвечаешь?

— Маленький Брат, доброй охоты! — просвистел коршун Чиль, слетая вниз вместе со своей подругой.

Оба они проскользнули под самым носом у Маугли, так что пучок белых пушистых перьев слегка задел его.

Лёгкий весенний дождик — его называют Слоновым Дождиком — прошёл по джунглям полосой в полмили, оставив позади себя намокшие и качающиеся молодые листья, и закончился двойной радугой и лёгким раскатом грома.

Весенний шум прервался на минуту и примолк, зато весь Народ Джунглей, казалось, гомонил разом.

Весь Народ Джунглей, кроме Маугли.

— Я хорошо поел, — сказал он себе, — я вдосталь пил. У меня не горит и не выворачивается желудок, как было, когда я проглотил кусок голубого корня, про который мне черепаха Уву сказала, будто его можно есть. Но мне плохо, и я, неизвестно почему, обидел Багиру и остальных друзей. Меня бросает то в жар, то в холод, хотя мне не

холодно и не жарко, и я сердит неизвестно на что. Ха! Пора пробежаться! Сегодня я побегу через горы. Да, пускай мой весенний бег ведёт меня к болотам Севера и обратно. Мне слишком долго без особых усилий доставалась добыча. Четверо побегут со мной, а то разжирели, как свиньи.

Маугли кликнул клич Стаи, но ни один из четверых волков не отозвался. Они были за пределами досягаемости голоса и пели весенние песни — песни о новой Луне и новой охоте — вместе со Стаей. Весной Народ Джунглей не делает различия между днём и ночью. Маугли испустил короткое тявканье, но услыхал в ответ насмешливое мяуканье маленького пятнистого древесного кота, лазавшего по веткам в поисках птичьих гнёзд. Маугли, мигом рассвирепев, выхватил нож, но тут же состроил высокомерную гримасу, хотя смотреть на него было некому, и хмуро зашагал вниз по склону, сдвинув брови и вздёрнув подбородок. Но из жителей джунглей никто его ни о чём не спросил. Все были заняты своими делами.

«Да, — сказал Маугли сам себе, хотя в душе и сознавал, что не прав, — вот если дикие собаки придут из Декана или Красный Цветок запляшет в бамбуках, тогда все джунгли, хныча, бегут к Мауг-

ли и называют его большими, как слон, именами. А теперь, оттого что закраснел Весенний Глазок, а павлин Мор, всем на потеху, выставляет кривые ноги в весеннем танце, все джунгли взбесились, как шакал Табаки… Клянусь буйволом, который меня выкупил, Хозяин я в джунглях или нет?»

— Да тихо там! Что вы здесь делаете?

Двое молодых волков из его Стаи мчались вниз по тропе, ища открытого места, где можно было сразиться. (Вы помните — Закон Джунглей запрещает драться на глазах стаи.) Шерсть у них на загривках топорщилась, как жёсткая щетина, они взлаивали и припадали к земле, примериваясь для первого броска. Маугли прыгнул к ним и схватил противников за глотки, думая отшвырнуть их в разные стороны, как часто проделывал во время игр. Но он никогда ещё не вмешивался в весеннюю схватку. Волки рванулись друг к другу, отбросили его и молча покатились вниз, крепко сцепившись. Маугли вскочил, он даже упасть не успел, и, обнажив нож и зубы, готов был на месте прикончить обоих только за то, что они дрались, когда он хотел, чтобы они вели себя смирно, — а ведь любой волк, согласно Закону, имеет право на драку.

Он закружил вокруг них, готовый нанести

двойной удар, едва минует первый миг сражения, но, пока он ждал, сила как будто оставила его, он опустил нож, спрятал лезвие и осмотрелся.

— Я отравился, — сказал он чуть погодя. — С тех пор как я убил Шер-Хана, никто из Стаи не смел отшвырнуть меня. А это же молодёжь, слабейшие охотники в Стае. Сила ушла от меня, теперь я умру. О Маугли, но почему ты не убил их обоих?

Схватка продолжалась, пока один из волков не убежал, и Маугли, оставшись один на взрытой и окровавленной поляне, глядел то на нож, то на свои руки и ноги, и наконец горестное ощущение, которого он раньше не знал, захлестнуло его, как волна захлёстывает бревно.

Маугли поохотился рано в этот вечер и ел немного, чтобы не отяжелеть перед весенним бегом, но ел в одиночестве, потому что обитатели джунглей были заняты пением и драками.

Это была настоящая белая ночь, как её называют. Все растения с утра, казалось, успели вырасти больше, чем за месяц. Из ветки, которая ещё накануне была вся в жёлтых листьях, закапал сок, когда Маугли сломал её. Мох густо и тепло курчавился под его ногами, острые края молодой травы не резали рук. Все голоса джунглей звучали, словно луна играла на басовой струне, полная

Луна Новых Речей, которая обливала светом скалы и водоёмы, просовывала луч между древесным стволом и лианой, пропитывала светом мириады листьев. Забыв про своё горе, Маугли громко запел от восторга, начиная свой бег. Это было больше всего похоже на полёт, потому что Маугли выбрал длинный склон, спускавшийся к северным болотам через густую чащу джунглей, где упругая почва заглушала звук его шагов. Человек, воспитанный человеком, не раз споткнулся бы, выбирая дорогу при обманчивом лунном свете, а ноги Маугли, приученные долгими годами жизни в лесу, несли его легко, как пёрышко. Когда гнилой ствол или скрытый камень подвёртывались ему под ноги, он не замедлял шага и перескакивал через них без напряжения, без усилия. Если ему надоедало бежать по земле, он по-обезьяньи хватался руками за прочную лиану и скорее взлетал, чем взбирался, на верхние тонкие ветви и путешествовал по древесным дорогам, пока у него не менялось настроение. Тогда он снова спускался вниз, к земле, по длинной, обросшей листьями дуге лиан.

Ему встречались ещё полные зноя ложбины, окружённые влажными скалами, где трудно было дышать от тяжёлого аромата ночных цве-

тов; лианы, сплошь покрытые цветом; тёмные просеки, где лунный свет лежал полосами, правильными, как клетки мраморного пола; чащи, где молодая поросль была ему по грудь и, словно руками, обнимала его за талию; и вершины холмов, увенчанные распавшимися на куски утёсами, где он перепрыгивал с камня на камень над норами перепуганных лисиц. До него доносилось слабое, отдалённое «чух-чух» кабана, точившего клыки о ствол, а немного погодя он встречал и самого зверя, в полном одиночестве рвавшего и раздиравшего рыжую кору дерева, с пеной на морде и горящими глазами. А не то он сворачивал в сторону, заслышав стук рогов, ворчанье и шипенье, и пролетал мимо двух разъярённых буйволов. Они раскачивались взад и вперёд, нагнув головы, все в полосах крови, которая кажется чёрной при лунном свете. Или где-нибудь у речного брода он слышал рёв Джакалы, крокодила, который мычит, как бык. А иногда ему случалось потревожить клубок ядовитых змей, но, прежде чем они успевали броситься на Маугли, он уже убегал прочь по блестящей гальке и снова углублялся в лес.

Так он бежал в эту ночь, то распевая, то выкрикивая и чувствуя себя счастливее всех в джунглях, пока запах цветов не сказал ему, что болота близко, — а они лежали гораздо дальше самых дальних лесов, где он обычно охотился.

И здесь тоже человек, воспитанный человеком, через три шага ушёл бы с головой в трясину, но у Маугли словно были глаза на ногах, и эти ноги несли его с кочки на кочку и с островка на тряский островок, не прося помощи у глаз. Он держал путь к середине болота, спугивая на бегу диких уток, и там уселся на поросший мхом ствол, наклонно торчавший из чёрной воды. Всё болото вокруг Маугли бодрствовало, потому что весенней порой птичий народ спит очень чутко и стайки птиц реют над болотом всю ночь напролёт. Но никто не замечал Маугли, который сидел среди высоких тростников, напевая песню без слов, и, разглядывая жёсткие подошвы смуглых ног, искал старую занозу. Он думал уже, что оставил горе далеко позади, и начал было песню, как вдруг оно вернулось — вдесятеро сильнее прежнего. Маугли испугался.

— Опять оно здесь! — вполголоса проговорил он. — Оно идёт вслед за мной, — и оглянулся через плечо, словно ожидая увидеть что-то у себя

за спиной. — Но никого же тут нет!

Ночная жизнь на болоте шла своим чередом, ни один зверь, ни одна птица не заговаривала с ним, и страшное ощущение росло.

— Я отравился, — сказал он испуганно. — Я зазевался и съел отраву, и вот — из меня сила уходит. Я испугался… Нет, я не Маугли, если испугался двух дерущихся волков. Акела и даже Пхао приструнили бы их, а Маугли — испугался? Вот верный признак: значит, я отравился. Но что происходит в джунглях? Они поют, дерутся, перебегают стайками с места на место, а я — ай-е! — я умираю в болоте от смертельного яда.

Ему стало так жалко себя, что он едва сдержал слёзы.

— Потом, — продолжал он, — меня найдут в луже чёрной воды. Нет, я должен возвратиться в родные места и умереть на Скале Совета, и тогда Багира, которую я люблю (если только она не верещит в долине), может быть, хоть немного присмотрит за тем, что от меня останется, а то Чиль сделает со мной то же, что сделал с Акелой.

Большая тёплая слеза капнула на его колено, и, упиваясь своим несчастьем, Маугли почувствовал радость от того, что у него такое горе, — если вы поймёте такую радость навыворот.

— То же, что Чиль сделал с Акелой, — повторил он, — в ночь, когда я спас Стаю от диких собак.

Он сосредоточился, размышляя о последних словах Одинокого Волка, памятных, конечно, и вам.

— Акела наговорил много ерунды перед смертью, потому что, когда мы умираем, мы уже не те, что раньше. Он сказал… Но всё равно, мой дом — джунгли!

Разгорячённый воспоминаниями о битве на берегу Вайнганги, он выкрикнул это вслух, так что даже дикая буйволица в тростниках привстала на колени и фыркнула:

— Человек!

— У-у! — сказал дикий буйвол Меса (Маугли было слышно, как он ворочается в грязи). — Это не человек. Это только безволосый волк из Сионийской Стаи. В такие ночи он бегает взад и вперёд.

— У-у! — отвечала буйволица, вновь нагибая голову к траве. — А я думала, что это человек.

— Говорю тебе, что нет. О Маугли, разве тут опасно? — промычал Меса.

— «О Маугли, разве тут опасно?» — передразнил его мальчик. — Только об одном и думает Меса: не опасно ли тут! Кроме Маугли, который бегает взад и вперёд по лесу и стережёт вас, никто ни о

чём не думает!

— Но как он громко кричит! — удивилась буйволица.

— Так кричат все, — презрительно отвечал Меса, — кто знает, как рвать траву, но не умеет жевать её.

— Не далее как в прошлые дожди, — пробурчал Маугли, — я за куда меньшую грубость выгнал Месу из лежбища и гнал галопом через болото.

Он протянул руку сорвать мохнатую камышинку, но передумал. Меса размеренно жевал жвачку, и длинные стебли травы шелестом говорили, где пасётся его буйволица.

— Нет, не хочу я умирать здесь! Чтоб Меса, одной крови с Джакалой и со свиньёй, стал бы надо мной потешаться?! Посмотрим лучше, что там, за болотом. Да, никогда у меня не было такого в весенний бег — и жарко, и зябко сразу. Вперёд, Маугли!

Маугли не устоял перед искушением подкрасться из-за тростников к буйволу и кольнул его остриём ножа. Большой, весь облитый грязью буйвол выскочил из лужи с треском разорвавшегося снаряда, а Маугли расхохотался так, что ему пришлось сесть.

— Рассказывай теперь, как безволосый волк из

Сионийской Стаи пас тебя, Меса! — крикнул он.

— Волк? Ты? — фыркнул буйвол, меся ногами грязь. — Все джунгли знают, что ты пас домашнюю скотину. Ты такой же мальчишка, какие кричат в пыли вон там, на засеянных полях. Ты — волк из джунглей! Разве охотник станет ползать, как змея, среди пиявок и ради скверной шутки, достойной шакала, позорить меня перед моей подругой? Выходи на твёрдую землю, и я… я… — Буйвол говорил с пеной у рта, потому что во всех джунглях нет зверя вспыльчивее.

Маугли, не меняя выражения глаз, смотрел, как пыхтит и фыркает буйвол. Когда можно было что-нибудь расслышать сквозь шум летевших во все стороны брызг, он спросил:

— Какая человечья стая живёт здесь, у болота, Меса? Этих джунглей я не знаю.

— Ступай на север! — проревел сердито буйвол, потому что Маугли кольнул его довольно сильно. — Так шутят коровьи пастухи! Ступай, расскажи про это в деревне у болота.

— Человечья стая не любит слушать про джунгли, да я и сам думаю, что лишняя царапина на твоей шкуре — не такая важность, чтобы про неё рассказывать. А всё же я пойду посмотрю на эту деревню. Да, пойду! Успокойся! Не каждую

ночь Хозяин джунглей приходит пасти тебя.

Он перешагнул на тряскую почву на краю болота, хорошо зная, что буйвол не бросится туда за ним, и побежал дальше, смеясь над его яростью.

— Сила во мне ещё есть, — сказал он. — Может быть, яд был всё-таки не смертельный? Вон там звезда сидит над самой землёй. — И он пристально вгляделся в неё, сложив руки трубкой. — Клянусь буйволом, который выкупил меня, это Красный Цветок, тот самый Красный Цветок, возле которого я лежал ещё до того, как попал в Сионийскую Стаю! А теперь я посмотрел, и надо кончать мой бег.

Болото переходило в широкую луговину, где мерцал огонёк. Уже очень давно Маугли перестал интересоваться людскими делами, но в эту ночь мерцанье Красного Цветка влекло его к себе, словно новая добыча. «Посмотрю, — сказал он себе, — очень ли переменилась человечья стая».

Позабыв о том, что он не у себя в джунглях, где может делать всё, что вздумается, Маугли беззаботно ступал по отягчённым росою травам, пока не дошёл до той хижины, где горел огонёк.

Три-четыре собаки подняли лай, потому что Маугли был уже на окраине деревни.

— Хо! — сказал Маугли, бесшумно садясь и по-

сылая им в ответ волчье глухое ворчанье, сразу усмирившее собак. — Что будет, то будет. Маугли, какое тебе дело до берлог человечьей стаи?

Он потёр губы, вспоминая о том камне, который рассёк их много лет назад, когда другая человечья стая изгнала его.

Дверь хижины открылась, и на пороге появилась женщина, вглядываясь в темноту. Заплакал ребёнок, и женщина сказала, обернувшись к нему:

— Спи! Это просто шакал разбудил собак. Скоро настанет утро.

Маугли, сидя в траве, задрожал, словно в лихорадке. Он хорошо помнил этот голос, но, чтобы знать наверняка, крикнул негромко, удивляясь, как легко человеческий язык вернулся к нему:

— Мессуа! О Мессуа!

— Кто меня зовёт? — спросила женщина дрожащим голосом.

— Разве ты забыла? — сказал Маугли; в горле у него пересохло при этих словах.

— Если это ты, скажи, какое имя я дала тебе? Скажи! — Она прикрыла дверь наполовину и схватилась рукой за грудь.

— Натху! О, Натху! — ответил Маугли, ибо, как вы помните, этим именем назвала его Мессуа,

когда он впервые пришёл в человечью стаю.

— Иди, сынок! — позвала она.

И Маугли, выйдя на свет, взглянул в лицо Мессуа, той женщины, которая была добра к нему и которую он спас когда-то от человечьей стаи. Она постарела, и волосы у неё поседели, но глаза и голос остались те же. Как все женщины, Мессуа думала, что найдёт Маугли таким же, каким оставила, и удивлённо подняла глаза от груди Маугли к его голове, касавшейся притолоки.

— Мой сын… — пролепетала она, падая к его ногам. — Но это уже не мой сын, это лесное божество! Ах!

Он стоял в красном свете масляной лампы, высокий, сильный, красивый, с ножом на шее, с чёрными длинными волосами, разметавшимися по плечам, в венке из белого жасмина, и его легко было принять за сказочное божество лесов.

Ребёнок, дремавший на койке, вскочил и громко закричал от страха. Мессуа обернулась, чтобы успокоить его, а Маугли стоял неподвижно, глядя на кувшин и горшки, на ларь с зерном и на всю людскую утварь, так хорошо ему памятную.

— Что ты будешь есть или пить? — прошептала Мессуа. — Это всё твоё. Мы обязаны тебе жизнью. Но тот ли ты, кого я называла Натху, или ты и

вправду лесной бог?

— Я Натху, — сказал Маугли, — и я зашёл очень далеко от дома. Я увидел этот свет и пришёл сюда. Я не знал, что ты здесь.

— После того как мы пришли в Канхивару, — робко сказала Мессуа, — мой муж поступил на службу, и мы получили здесь немного земли. Она не такая хорошая, как в старой деревне, но нам вдвоём не много надо. Англичане пообещали нам защиту от тех, кто хотел нас сжечь. Ты помнишь?

— Помню.

— Но когда они наточили лезвие своего Закона и мы пошли в деревню к злым людям, — мы не нашли её.

— И это я помню. — Маугли коротко втянул воздух. — А где же тот человек, что так испугался в ту ночь?

— Вот уже год, как он умер.

— А этот? — Маугли указал на ребёнка.

— Это мой сын, что родился две зимы назад. Если ты бог, подари ему Милость Джунглей, чтобы он оставался невредимым среди твоего… твоего народа, как мы остались невредимы в ту ночь.

Она подняла ребёнка, и тот, забыв о своём страхе, потянулся к ножу, висевшему на груди

Маугли. Маугли бережно отвёл в сторону маленькие руки.

— А если ты Натху, которого унёс тигр, — с запинкой продолжала Мессуа, — тогда он твой младший брат. Благослови же его, как старший.

— О-хэ! Что значит такое слово — «благослови»? Я не лесной бог и не его старший брат, и — о мать моя, на сердце у меня тяжело!

Он вздрогнул и опустил ребёнка.

— Ну что же, — сказала Мессуа, бренча горшками, — ведь ты всю ночь бегал по болотам. Конечно, ты надышался лихорадкой.

Маугли улыбнулся при мысли, будто что-нибудь в джунглях могло повредить ему. А Мессуа говорила:

— Я разведу огонь, и ты напьёшься горячего молока. Сними жасминовый венок, он пахнет слишком сильно для такой маленькой комнаты.

Маугли сел, бормоча что-то, пряча лицо в ладонях. Он был во власти странных и незнакомых чувств, точь-в-точь как если бы отравился: кружилась голова и слегка подташнивало. Он пил тёплое молоко долгими глотками, а Мессуа время от времени поглаживала его по плечу, не будучи вполне уверена, её ли это сын Натху или какое-нибудь чудесное божество джунглей, но радуясь

уже тому, что он жив.

— Сынок, — сказала наконец Мессуа, и её глаза блеснули гордостью, — кто-нибудь уже говорил тебе, что ты красивее всех на свете?

— Что? — отозвался Маугли, ибо, разумеется, никогда не слыхал ничего подобного.

Мессуа ласково и радостно засмеялась. Ей довольно было взглянуть на его лицо.

— Значит, я первая? Так и следует, хотя редко бывает, чтобы сын услышал от матери такую приятную весть. Ты очень красив. Я в жизни не видывала такой красоты. Маугли вертел головой, стараясь оглядеть себя через плечо, а Мессуа снова рассмеялась и смеялась так долго, что Маугли, сам не зная почему, начал смеяться вместе с ней. Ребёнок перебегал от одного к другому, тоже смеясь.

— Нет, не насмехайся над братом, — сказала Мессуа, поймав ребёнка и прижимая его к груди. — Если ты вырастешь хоть вполовину таким же красивым, мы женим тебя на младшей дочери князя, и ты будешь кататься на больших слонах.

Маугли понимал едва одно слово из трёх в её разговоре. Тёплое молоко усыпило его после сорокамильного пробега, он лёг на бок, свернулся и через минуту уснул глубоким сном, а Мессуа

откинула волосы с его глаз, накрыла его одеялом — и была счастлива. По обычаю джунглей, он проспал конец этой ночи и весь следующий день, потому что чутьё, никогда не засыпавшее вполне, говорило ему, что здесь нечего бояться. Наконец он проснулся, сделав скачок, от которого затряслась хижина: прикрытый одеялом, он видел во сне ловушки. Остановившись, он вдруг схватился за нож, готовый биться с кем угодно, а сон ещё глядел из его расширенных глаз.

Мессуа засмеялась и поставила перед ним ужин. У неё были только жёсткие лепёшки, испечённые на дымном огне, рис и комок квашеных тамариндов — ровно столько, чтобы продержаться до вечера, когда Маугли добудет что-нибудь на охоте.[18]

Запах росы с болот пробудил в нём голод и тревогу. Ему хотелось кончить весенний бег, но ребёнок ни за что не сходил с его рук, а Мессуа непременно желала расчесать его длинные иссиня-чёрные волосы. Она расчёсывала их и пела простенькие детские песенки, то называя Маугли сыном, то прося его уделить ребёнку хоть ничтожную долю его власти над джунглями.

---

[18] Примечания: 18

Тамаринд — бобовое растение, которое называют ещё «индийским фиником».

Дверь хижины была закрыта, но Маугли услышал хорошо знакомый звук и увидел, как рот Мессуа раскрылся от страха, когда большая серая лапа показалась из-под двери, а за дверью Серый Брат завыл приглушённо и жалобно.

— Уходи и жди! Вы не захотели прийти, когда я вас звал, — сказал Маугли на языке джунглей, не поворачивая головы, и большая серая лапа исчезла.

— Не… не приводи с собой твоих… твоих слуг, — сказала Мессуа. — Я… мы всегда жили в мире с джунглями.

— Мир и сейчас, — сказал Маугли, вставая. — Вспомни ту ночь на дороге в Канхивару. Тогда были десятки таких, как он, и позади и впереди тебя. Однако я вижу, что и весной Народ Джунглей не всегда забывает меня. Мать, я ухожу!

Мессуа смиренно отступила в сторону — он и впрямь казался ей лесным божеством, — но едва его рука коснулась двери, как материнское чувство заставило её забросить руки на шею Маугли и обнимать его, обнимать без конца.

— Приходи! — прошептала она. — Сын ты мне или не сын, приходи, потому что я люблю тебя! И смотри, он тоже горюет.

Ребёнок плакал, потому что человек с блестя-

щим ножом уходил от него.

— Приходи опять, — повторила Мессуа. — И ночью и днём эта дверь всегда открыта для тебя.

Горло Маугли сжалось, словно его давило изнутри, и голос его прозвучал напряжённо, когда он ответил:

— Я непременно приду опять... А теперь, — продолжал он уже за дверью, отстраняя голову ластящегося к нему волка, — я недоволен тобой, Серый Брат. Почему вы не пришли все четверо, когда я позвал вас, уже давно?

— Давно? Это было только вчера ночью. Я… мы… пели в джунглях новые песни. Разве ты не помнишь?

— Верно, верно!

— И как только песни были спеты, — горячо продолжал Серый Брат, — я побежал по твоему следу. Я бросил всех остальных и побежал к тебе со всех ног. Но что же ты наделал, о Маленький Брат! Зачем ты ел и спал с человечьей стаей?

— Если бы вы пришли, когда я вас звал, этого никогда не случилось бы, — сказал Маугли, прибавляя шагу.

— А что же будет теперь? — спросил Серый Брат.

Маугли хотел что-то ответить, но на дороге, которая вела от деревни к лесу, появилась девочка в белом платье. Серый Брат мгновенно исчез, а Маугли бесшумно попятился в высокую зелень поля; тёплые зелёные стебли закачались перед его лицом, и он скрылся, как призрак.

Девочка взвизгнула, думая, что увидела привидение, а потом глубоко вздохнула. Маугли раздвинул стебли руками и смотрел ей вслед, пока она не ушла.

— А теперь я не знаю, — сказал наконец Маугли. — Почему вы всё же не пришли, когда я

вас звал?

— Мы всегда с тобой… всегда с тобой, кроме Времени Новых Речей, — проворчал Серый Брат, лизнув пятку Маугли. — Разве я не пошёл за тобой в ту ночь, когда наша Стая прогнала тебя? Кто разбудил тебя, когда ты уснул в поле?

— Да, но ещё раз?

— Разве я не пошёл за тобой сегодня ночью?

— Да, но ещё и ещё раз, Серый Брат, и, может быть, ещё?

Серый Брат молчал. Потом он проворчал, словно про себя:

— Та, чёрная, сказала правду.

— А что она сказала?

— Человек уходит к человеку в конце концов. И наша мать говорила то же.

— То же говорил и Акела в Ночь Диких Собак, — пробормотал Маугли.

— То же говорил и Каа, который умнее нас всех.

— А что скажешь ты, Серый Брат?

— Они выгнали тебя, наговорив плохих слов. Они разбили тебе камнями рот. Они послали Балдео, чтобы убить тебя. Они хотели бросить тебя в Красный Цветок. Ты, а не я, сказал, что они глупы и ленивы. Ты, а не я — мне нет дела

до них, — напустил на них джунгли. Ты, а не я, сложил о них песню злее, чем наша песня о диких собаках.

— Но я не о том спрашиваю. Ты — что ты думаешь?

Серый Брат некоторое время бежал рысью, не отвечая, потом сказал с расстановкой от прыжка к прыжку:

— Детёныш — Хозяин джунглей — мой сводный брат! Твой путь — это мой путь, твоё жильё — моё жильё, твоя добыча — моя добыча и твой смертный бой — мой смертный бой. Я говорю за нас четверых. Но что скажешь ты джунглям?

— Хорошо, что ты об этом подумал. Нечего долго ждать, когда видишь добычу. Ступай вперёд и созови всех на Скалу Совета, а я расскажу им, что у меня на уме. Но, может быть, они не придут? Может быть, во Время Новых Речей они обо мне забудут?

— Ты никогда ни о чём не забывал? — через плечо огрызнулся Серый Брат, пускаясь в галоп и обгоняя погружённого в раздумье Маугли.

Во всякое другое время на зов Маугли собрались бы, ощетинив загривки, все джунгли, но теперь им было не до того — они пели песни, играли, дрались. Ко всем по очереди подбегал Серый Брат

с криком:

— Хозяин джунглей уходит к людям! Все на Скалу Совета!

И слышал в ответ:

— Он вернётся летом во время жары. Дождь выгонит его из пещеры. Идём петь вместе с нами, Серый Брат!

— Но это правда! Хозяин джунглей уходит обратно к людям, — повторял Серый Брат.

— Ну так что же? Разве этого не бывает во Время Новых Речей? — отвечали ему.

И когда Маугли с тяжёлым сердцем взобрался по хорошо знакомым скалам на то место, где его когда-то приняли в Стаю, он застал там только свою четвёрку волков, Балу, почти совсем ослепшего от старости, и тяжеловесного, хладнокровного Каа, свернувшегося кольцом вокруг опустевшего места Акелы.

— Значит, твой путь кончается здесь, человечек? — сказал Каа, когда Маугли бросился на землю. — Ещё когда мы встретились в Холодных Берлогах, я это знал. Человек в конце концов уходит к человеку, хотя джунгли его не гонят. Скажи заветное слово: мы с тобой одной крови, я и ты — человек и змея.

— Почему меня не разорвали дикие собаки? —

всхлипнул Маугли. — Я ослабел, и не из-за того, что съел какую-нибудь отраву. Меня днём и ночью кто-то преследует. Я оборачиваюсь — и он в тот же миг прячется, смотрю за стволами деревьев — никого нет, зову — в ответ тишина, но такая, словно кто-то услышал и не отвечает. Я ложусь спать, а встаю усталым. Меня не успокаивает весенний бег, не освежает купание. Мне делается противно, когда я убиваю, но драться я теперь могу только до смерти. Внутри меня живёт Красный Цветок, мои кости стали жидкими, как вода, и я… и я — ничего не понимаю.

— Что попусту говорить, — вмешался Балу, медленно поворачивая голову к Маугли. — Акела на берегу сказал, что Маугли заставит Маугли уйти к людям. И я это говорил. Но кто теперь слушает Балу? И Багира (но где она, её всю ночь нету?), — она тоже знает, таков Закон.

Четверо волков поглядели друг на друга, потом на Маугли — удивлённо, но покорно.

— Так джунгли не гонят меня? — с трудом проговорил Маугли.

Серый Брат и остальные трое волков яростно заворчали и начали было: «Пока мы живы, никто не посмеет…» — но Балу остановил их.

— Я учил тебя Закону. Слово принадлежит

мне, — сказал он, — и хотя я теперь не вижу скал перед собою, зато вижу дальше. Лягушонок, ступай своей собственной дорогой, живи там, где живёт твоя кровь, твоя Стая и твой Народ. Но когда тебе понадобится коготь, или зуб, или глаз, или слово, быстро переданное ночью, то помни, Хозяин джунглей, что джунгли — твои, стоит только позвать.

— И средние джунгли тоже твои, — сказал Каа. — Я не говорю о Маленьком Народе.

— О братья мои! — воскликнул Маугли, с рыданием простирая к ним руки. — Я не хочу уходить, но меня словно тянет за обе ноги. Как я уйду от этих ночей?

— Нет, смотри сам, Маленький Брат, — повторил Балу. — Ничего постыдного нет в этой охоте. Когда мёд съеден, мы оставляем пустой улей.

— Сбросив кожу, — сказал Каа, — уже не влезешь в неё снова. Таков Закон.

— Послушай, моё сокровище, — сказал Балу, — никто здесь не будет удерживать тебя — ни словом, ни делом. Смотри сам! Кто станет спорить с Хозяином джунглей? Я видел, как ты играл вон там белыми камешками, когда был маленьким Лягушонком. И Багира, которая отдала за тебя молодого, только что убитого буйвола, видела

тебя тоже. После того смотра остались только мы одни, ибо твоя приёмная мать умерла, умер и твой приёмный отец. Старой Волчьей Стаи давно уже нет. Ты знаешь, чем кончил Шер-Хан, Акелу же убили дикие собаки; они погубили бы и всю Сионийскую Стаю, если бы не твоя мудрость и сила. Остались только старики. И уже не детёныш просит позволения у Стаи, но Хозяин джунглей избирает новый путь. Кто станет спорить с человеком и его обычаями?

— А как же Багира и буйвол, который выкупил меня? — спросил Маугли. — Я не имею права…

Его слова были прерваны рёвом и треском в чаще под горой, и появилась Багира, лёгкая, сильная и грозная, как всегда.

— Вот почему, — сказала пантера, вытягивая вперёд окровавленную правую лапу, — вот почему я не приходила. Охота была долгая, но теперь он лежит убитый в кустах — буйвол по второму году, — тот буйвол, который освободит тебя, Маленький Брат. Все долги уплачены теперь сполна. Что же касается остального, то я скажу то же, что и Балу. — Она лизнула ногу Маугли. — Не забывай, что Багира любила тебя! — крикнула она и скачками понеслась прочь.

У подножия холма она опять крикнула громко

и протяжно:

— Доброй охоты на новом пути, Хозяин джунглей! Не забывай, что Багира любила тебя!

— Ты слышал? — сказал Балу. — Больше ничего не будет. Ступай теперь, но сначала подойди ко мне. О мудрый маленький Лягушонок, подойди ко мне!

— Нелегко сбрасывать кожу, — сказал Каа.

А Маугли в это время рыдал и рыдал, уткнувшись головой в бок слепого медведя и обняв его за шею, а Балу всё пытался лизнуть его ноги.

— Звёзды поредели, — сказал Серый Брат, нюхая предрассветный ветер. — Где мы заляжем сегодня? Отныне мы пойдём по новому пути.

И это — последний из рассказов о Маугли.

